МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Синицына Юлия Вячеславовна

**Эквативные конструкции
в типологической перспективе**

Специальность 5.9.8. — Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Беляев Олег Игоревич

Москва — 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКВАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.....	16
1.1. Типологические классификации эквативных конструкций	16
1.2. Семантика эквативных конструкций	19
1.2.1. Подход М. Хаспельмата и О. Буххольц.....	20
1.2.2. Подход Дж. Ретт.....	23
1.2.3. Подход новосибирской синтаксической школы.....	26
1.3. Структурные особенности эквативных конструкций	28
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	32
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКВАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПАДЕЖНЫМИ МАРКЕРАМИ СТАНДАРТА.....	34
2.1. Средства выражения сравнения по равенству в осетинском и горномарийском языках	35
2.1.1. Инвентарь сравнительных маркеров в осетинском языке.....	35
2.1.2. Инвентарь сравнительных маркеров в горномарийском языке.....	37
2.1.3. Промежуточные выводы по разделу 2.1.....	40
2.2. Семантические особенности эквативных конструкций.....	40
2.2.1. Семантика эквативной конструкции.....	40
2.2.1.1. Маркеры <i>gan'</i> и <i>хуызæн</i>	40
2.2.1.2. Падежи с показателями <i>-la</i> и <i>-au</i>	42
2.2.2. Референциальный статус стандарта.....	44
2.2.2.1. Маркеры <i>gan'</i> и <i>хуызæн</i>	44
2.2.2.2. Падежи с показателями <i>-la</i> и <i>-au</i>	45
2.2.3. Промежуточные выводы по разделу 2.2.....	47
2.3. Структурные особенности оформления стандартов сравнения.....	48
2.3.1. Предикативные и атрибутивные конструкции	48
2.3.1.1. Маркеры <i>gan'</i> и <i>хуызæн</i>	48
2.3.1.2. Падежи с показателями <i>-la</i> и <i>-au</i>	50

2.3.2. Конструкции с непрототипичными стандартами.....	51
2.3.2.1. Маркеры <i>gan'</i> и <i>хуызæн</i>	52
2.3.2.2. Падежи с показателями <i>-la</i> и <i>-au</i>	53
2.3.3. Оформление именных стандартов сравнения.....	55
2.3.3.1. Маркеры <i>gan'</i> и <i>хуызæн</i>	55
2.3.3.2. Падежи с показателями <i>-la</i> и <i>-au</i>	57
2.3.4. Промежуточные выводы по разделу 2.3.....	60
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	63
ГЛАВА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКВАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ НОВОГО ЗАВЕТА	65
3.1. Предварительные замечания.....	65
3.2. Процедура первичного отбора контекстов.....	69
3.3. Общие принципы классификации.....	71
3.3.1. Структурные особенности	71
3.3.2. Прототипичность стандарта сравнения.....	76
3.3.3. Промежуточные выводы по разделу 3.3.....	77
3.4. Структурная параллельность контекстов между переводами.....	78
3.4.1. Прототипичные контексты	78
3.4.2. Непрототипичные контексты	79
3.4.3. Предикативные контексты.....	81
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	83
ГЛАВА 4. ПОЛИСЕМИЯ ЭКВАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.....	86
4.1. Полисемия маркера <i>kad'</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	86
4.1.1. История исследования маркера <i>кадь</i> в удмуртском языке.....	86
4.1.2. Предварительные теоретические замечания.....	90
4.1.3. Анализ употребления маркера <i>kad'</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	94
4.1.3.1. Сравнительные и аппроксимативные конструкции.....	94
4.1.3.2. Конструкции с причастием на <i>-ono</i>	98
4.1.3.3. Глагольные конструкции с маркером <i>kad'</i>	100
4.1.3.4. Частица с модальным значением	103

4.1.4. Промежуточные выводы по разделу 4.1.....	106
4.2. Полисемия сравнительных показателей в типологической перспективе ...	107
4.2.1. Предварительные замечания	107
4.2.2. Приблизительность.....	111
4.2.2.1. Уральские языки	112
4.2.2.2. Тюркские языки	114
4.2.2.3. Иранские языки.....	116
4.2.3. Использование в глагольных конструкциях.....	117
4.2.3.1. Уральские языки	117
4.2.3.2. Тюркские языки	118
4.2.3.3. Иранские языки.....	120
4.2.4. Контексты с ирреальным значением	121
4.2.4.1. Уральские языки	121
4.2.4.2. Тюркские языки	122
4.2.4.3. Иранские языки.....	124
4.2.5. Названия языков.....	125
4.2.6. Временные и целевые контексты	127
4.2.7. Специфические контексты.....	130
4.2.8. Промежуточные выводы по разделу 4.2.....	132
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 4	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	142
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	160

Введение

Понятие «сравнительные конструкции» (далее — СрК) объединяет несколько видов конструкций, общим элементом в которых выступает сравнение некоторого предмета, действия или ситуации с другим предметом, действием или ситуацией. Исследование посвящено подгруппе СрК, в которой выражается сравнение по равенству, сходству или подобию.

Ввиду относительно недавно возникшего интереса к исследованию в этой области в русскоязычной традиции нет общего устоявшегося названия для этой подгруппы: ср., например, понятия «эквативно-симилятивные конструкции» в [Озонова 2024], или «эквазимилиятивные конструкции» в [Полякова 2024]¹. Мы будем использовать понятие «эквативные конструкции» в качестве зонтичного термина, объединяющего под собой все СрК, выражающие сравнение по сходству или равенству. Такие конструкции указывают или на одинаковую степень проявления признака двух сравниваемых объектов, или на их сходство в проявлении признака: *я (такой же) высокий, как мой брат*². Последнее распространяется и на конструкции, выражающие сопоставление по образу действия — например, по манере пения у человека, которая может напоминать пение птицы: *Таня поет как соловей*. При этом сходство необязательно должно быть реальным. В [Treis 2018: iii] выделяются также симулятивные конструкции (*simulative constructions*), подразумевающие сравнение с гипотетической ситуацией: *он поет неуверенно, как будто в первый раз видит слова*.

В СрК с семантикой неравенства (*comparative constructions of inequality*), наоборот, объекты различаются по степени проявления признака. Относительное превышение некоторого признака выражают компаративные конструкции: *я более сообразительный, чем мой брат*. Абсолютное превышение признака у некоторого

¹ Кроме этого, существуют различные подходы к разделению СрК равенства на подгруппы в зависимости от семантики. Подробно эти вопросы обсуждаются в главе 1.

² Более подробно различие между конструкциями (i) *x такой же z, как у* и (ii) *x z, как у*, где *x* и *у* — сравниваемые объекты, а *z* — параметр, обсуждается в главе 1.

объекта по отношению к некоторому множеству выражается в суперлативных конструкциях: *я самый высокий в семье*.

Структурно компаративные и эквативные конструкции очень похожи, что отмечается, например, в [Haspelmath et al. 2017: 17]. Данное наблюдение позволяет нам использовать при обсуждении эквативных конструкций теоретические наработки для компаративных конструкций (см., например, [Stassen 1985; Stolz 2013], а также главу 1 настоящей работы).

Мы придерживаемся терминологии, используемой в работах М. Хаспельмата и О. Буххольц, а также И. Трейс и М. Ванов³. Наглядное соотнесение основных элементов рассматриваемых конструкций с их языковыми выражениями из примеров представлено в таблице 1.

Таблица 1. Обозначения элементов, характерных для сравнительных конструкций

Объект сравнения (comparee)	Маркер параметра (parameter marker)	Параметр сравнения (parameter of comparison)	Маркер стандарта сравнения (standard marker)	Стандарт сравнения (standard of comparison)
я	(такой же)	высокий	как	мой брат
Таня	—	подразумевается образ действия	как	соловей
он	—	неуверенно	как будто	он видит слова в первый раз
я	более	сообразительный	чем	мой брат

Объектом исследования являются эквативные конструкции и эквативные маркеры стандарта в ряде уральских, тюркских и иранских языков. **Предмет исследования** — разработка модели описания эквативных конструкций по структурным и семантическим критериям с целью выявления релевантных противопоставлений в употреблении различных маркеров стандарта.

³См. также [Князев 2007: 184; Treis 2018: ii] и цитируемую литературу для альтернативных названий основных элементов сравнительных конструкций.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что эквативные конструкции с падежными маркерами стандарта отличаются от эквативных конструкций с менее грамматикализированными маркерами стандарта в структурном и семантическом отношении.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, исследование вносит вклад в целом в изучение не только эквативных конструкций, которым в последнее время уделяется все больше внимания, но и в структурный и семантический анализ стандартов сравнения, оформленных специализированным падежом — типологически редким явлением в падежных системах. Во-вторых, представленные структурные и семантические критерии, а также отобранный на их основе набор контекстов из Нового Завета могут стать основой для будущих исследований как теоретической, так и практической направленности, что может быть особенно важно в аспекте документации и сохранения языков.

Степень научной разработанности проблемы. Сравнение как языковая категория рассматривается с точки зрения самых разных подходов: структурного [Карцевский 1976; Черемисина 1976; Прияткина 1990; Санников 2008; Девятова 2017], типологически ориентированного [Ultan 1972; Andersen 1983; Stassen 1985; Heine 1997; Cuzzolin, Lehmann 2004; Dixon 2008; Bobaljik 2012], генеративного [Bresnan 1973; Heim 2000; Kennedy 2007]; функционально-стилистического [Виноградов 1963; Томашевский 1983], лингвокультурологического [Маслова 2004; Лебедева 2017]. В последние годы отмечается рост интереса к изучению именно эквативных конструкций, появляются работы как типологической направленности [Haspelmath, Buchholz 1998; Henkelmann 2006; Fortescue 2010; Haspelmath et al. 2017; Rett 2020], так и ориентированные на конкретно-языковые и ареальные исследования: [Kuznetsova, Usenkova 2014; Treis, Vanhove (eds.) 2017; Невская 2022; Тажибаева и др. 2024; Полякова 2024] и др.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в рассмотрении языков и диалектов, материал которых прежде не обсуждался достаточно подробно в теоретических и типологических работах. Например, осетинский язык включен в выборку ареально-типологического исследования М. Хаспельмата и О. Буххольц, однако авторы отмечают неполноту данных для этого языка [Haspelmath, Buchholz 1998: 279]. Горномарийский и удмуртский языки вообще не рассматриваются в цитируемой работе. Также эти языки не представлены в выборках исследований [Henkelmann 2006; Haspelmath et al. 2017].

Существующие типологические исследования полисемии показателей со сравнительным значением практически не учитывают данные уральских, тюркских и иранских языков. Авторы сборника [Kuteva et al. 2019] основывают свои выводы преимущественно на материале языков Африки, сравнительные конструкции в которых обсуждаются в сборнике [Treis, Vanhove (eds.) 2017], и на материале индоевропейских языков Европы. В сборнике нет информации о семантических переходах сравнительных показателей в тюркских языках, а уральская семья представлена лишь северносаамским языком по данным [Ylikoski 2017].

Во-вторых, мы рассматриваем языки, имеющие довольно редкое грамматическое средство для выражения сравнительного значения — падеж, как правило, именующийся сравнительным, уподобительным или эквативным [Haspelmath 2008: 515]. В [Haspelmath, Buchholz 1998: 285] кратко упоминаются некоторые языки со сравнительными падежами (например, гренландский эскимосский < алеутские, анкашский кечуа < кечуанские). Однако особенности эквативных конструкций со сравнительными падежами не комментируются ввиду ограничения выборки преимущественно языками Европы, для которых наличие такого падежа нехарактерно. Исследование вводит в научный оборот новые данные, полученные в ходе собственной полевой работы автора, по горномарийскому и осетинскому языкам, особенностью которых является наличие сравнительного падежа в падежной системе.

Целью работы является исследование структурных и семантических принципов, в соответствии с которыми организованы эквативные конструкции, в частности конструкции с падежными маркерами стандарта, а также типологически ориентированное описание полисемии сравнительных показателей в уральских, тюркских и иранских языках. Выполнение этой цели предполагает решение следующих задач:

1. На основе анализа типологической и теоретической литературы, посвященной сравнительным конструкциям, определить набор семантических и структурных параметров, релевантных для описания эквативных конструкций.

2. Исследовать варьирование в эквативных конструкциях с падежными маркерами стандарта, определить структурные и семантические отличия конструкций с падежными маркерами от конструкций с менее грамматикализованными показателями.

3. Предложить методику отбора и классификации контекстов, содержащих эквативные конструкции, на материале параллельных корпусов. Реализовать этот подход на текстах переводов Нового Завета.

4. Представить обобщенный семантический анализ эквативного маркера, не имеющего ограничений на семантику задаваемого сравнения и, помимо этого, употребляющегося в аппроксимативных и эпистемических контекстах.

5. Выявить дополнительные значения у сравнительных показателей в уральских, тюркских и иранских языках и проанализировать модели полисемии с точки зрения типологической перспективы.

Теоретически значимыми результатами исследования являются:

1. Сумма обобщений относительно семантических и структурных особенностей эквативных стандартов сравнения, оформленных сравнительным падежом, в сопоставлении со стандартами, оформленными менее грамматикализованными показателями.

2. Подробная структурная и семантическая классификация эквативных конструкций в горномарийском и осетинском языках.

3. Обобщенный семантический анализ полисемии эквативного показателя через идею сопоставления со стандартом сравнения, явно выраженным или подразумеваемым из контекста (на примере удмуртского языка).

4. Расширение типологической базы полисемии сравнительных показателей на основе анализа данных уральских, тюркских и иранских языков.

Практическая значимость состоит в предложенном формате описания эквативных конструкций, который может не только использоваться при полевой работе, но и быть адаптированным для корпусных исследований. Контексты, отобранные на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета, могут служить основным или вспомогательным материалом для исследования эквативных конструкций в других языках. Уточненные в ходе исследования семантические особенности конструкций со сравнительными падежами в осетинском и горномарийском языках могут использоваться при разработке обучающих пособий по данным языкам и при настройке автоматических переводчиков.

Материалом исследования служат данные следующих языков:

- **индоевропейские языки:** английский (< германские), древнегреческий (< греческие), испанский (< романские); русский (< славянские); **иранская группа:** осетинский (иронский диалект), пушту (< восточные); белуджский (<северо-западные); таджикский, персидский (< юго-западные);
- **тюркские языки:** татарский (< кыпчакские); турецкий (< юго-западные); чувашский (< болгарские); якутский (< якутские);
- **уральские языки:** луговой марийский, горномарийский (< марийские); мокшанский (< мордовские); удмуртский (литературный вариант, татышлинский говор), коми (< пермские); тундровый ненецкий (< самодийские)

Материал горномарийского и осетинского языков, а также татышлинского говора удмуртского языка собирался автором диссертации преимущественно методом анкетирования носителей в ходе лингвистических экспедиций,

проводимых Отделением теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в 2016–2024 годах в Горномарийском районе Республики Марий Эл; Республике Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ); Татышлинском районе Республики Башкортостан.

В ходе исследования также привлекались данные:

- корпуса устных удмуртских текстов, собранных в ходе экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан (объем на момент написания работы — около 51,1 тыс. словоупотреблений) — далее КТУ;
- корпуса устных горномарийских текстов, относящихся к говору села Кузнецово и окрестных деревень (объем на момент написания работы — около 63 тыс. словоупотреблений), далее — ГМК;
- Осетинского национального корпуса (объем на момент написания работы — около 12 млн. словоупотреблений) — далее ОНК;
- материалов из оцифрованной⁴ версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева (1958–1989 гг., далее — ИЭСОЯ): для настоящего исследования было отобрано 264 контекста;
- Национального корпуса таджикского языка (объем на момент написания работы — около 58,4 млн словоупотреблений) — далее НКТЯ.

Глава 3 посвящена описанию принципов классификации прототипичных контекстов, содержащих эквативные конструкции, на материале переводов Нового Завета. Для этого мы использовали оригинальный древнегреческий текст (*Novum Testamentum Graece, Nestle-Aland edition*) и его переводы на следующие языки: русский, английский, испанский, осетинский, персидский, таджикский, горномарийский, луговой марийский, удмуртский, коми-пермяцкий, коми-зырянский, татарский, чувашский. Список использованных источников приведен в разделе 3.1.

Для исследования полисемии сравнительных показателей в главе 4, помимо полевых данных горномарийского и осетинского языков, а также татышлинского

⁴ Подробнее о процессе оцифровки см. в [Belyaev et al. 2021; Беляев и др. 2024].

говора удмуртского языка, используются данные из грамматических описаний и статей.

Подача материала в диссертации. Примеры из английского языка приводятся только с переводом на русский язык; примеры из общеизвестных языков представлены с поморфемным переводом (глоссированием). Примеры из вторичных источников приводятся в системе записи этих источников, глоссирование и перевод при необходимости переводится нами на русский (некоторые глоссы были адаптированы для единообразного обозначения функций показателей). Примеры из вторичных источников даются со ссылками на источник.

Примеры, собранные нами в ходе полевой работы, приводятся без дополнительных помет. Полевые примеры из осетинского языка даются в литературной записи, примеры из татышлинского говора удмуртского языка и из горномарийского языка приведены в системе записи, принятой в этих исследовательских проектах.

Неграмматичные примеры даются с пометой «*» (а перевод таких примеров имеет помету «ожидаемое значение»); примеры, вызывающие сомнения, приводятся с пометой «?» или «??» в зависимости от степени неприемлемости. Помета «#» указывает на то, что следующее высказывание грамматично, но имеет другое значение.

Положения, выносимые на защиту.

1. Разработанная на основе типологических исследований система структурной и семантической классификации эквативных конструкций позволяет выявить основные параметры межъязыкового варьирования сравнительных показателей на полевом материале. Данная система может быть адаптирована для корпусных исследований.

2. В отличие от синонимичных, но менее грамматикализованных показателей, которые указывают на совпадение ситуаций, падежные сравнительные показатели имеют более ограниченную семантическую дистрибуцию, так как характеризуют прилагательное или предикат, по которому

проводится сравнение. Кроме этого, падежные маркеры более ограничены в плане оформления стандартов в предикативной и атрибутивной позиции.

3. Отобранные на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета контексты, в которых используются эквативные конструкции, могут применяться в качестве исследовательского корпуса, поскольку распределены по значимым семантическим и структурным параметрам межъязыкового варьирования.

4. Потенциальные пути развития смежных значений у сравнительных показателей можно предсказать, исходя из их семантической дистрибуции в эквативных конструкциях.

5. Показатели, не имеющие ограничений на семантику задаваемого сравнения и, помимо этого, употребляющиеся в аппроксимативных и эпистемических контекстах, следует анализировать с точки зрения взаимодействия со шкалой (не)соответствия наблюдаемого события эталонному, в пользу которого говорящий делает дискурсивный выбор.

6. Аппроксимативные и эпистемические контексты более характерны для сравнительных показателей в уральских и тюркских языках, в то время как иранские сравнительные показатели чаще имеют временное и причинное значение, что характерно и для других индоевропейских языков.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечены обширным кругом теоретических источников по теме, последовательной аргументацией и успешной апробацией предложенного метода описания эквативных конструкций на материале исследуемых в диссертации языков.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены на десяти международных и всероссийских конференциях, в том числе на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (г. Москва, 2021 г.), XIV, XVIII и XX Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 2017, 2021, 2023 гг.), Девятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (г. Москва, 2022 г.), Международной конференции по синтаксису уральских языков

(SOUL 2022, Венгрия, онлайн, 2022 г.), ежегодной международной конференции по проблемам лингвистической типологии SLE-2019 (г. Лейпциг, 2019 г.), Воркшопе по редким и малоизученным иранским языкам (г. Санкт-Петербург, 2023 г.), конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 2023 г. и 2024 г.).

Работа прошла обсуждение на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. По теме диссертации опубликовано пять научных работ (из которых одна в соавторстве) в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science, Russian Citation Index (RSCI).

Личный вклад автора состоит в сборе полевых данных по осетинскому, горномарийскому и удмуртскому языкам, в отборе и классификации эквативных конструкций из текстов Нового Завета, в поиске релевантных примеров употребления сравнительных показателей в грамматических описаниях некоторых уральских, тюркских и иранских языков, последующей обработке данных и анализе результатов.

Вторая и третья главы опираются на исследования, единолично проведенные автором диссертации. Глава 4 написана с опорой на статью [Синицына и др. 2024а] и доклад [Синицына и др. 2024б], подготовленные в соавторстве с М.-Э. А. Винклер и Д. Д. Мордашовой. Основная аналитическая работа над статьей и докладом была выполнена автором настоящего исследования.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка условных сокращений и библиографии. В главе 1 приводится обзор теоретико-методологической базы исследования. Анализируются типологические классификации с целью выявления набора релевантных параметров для дальнейшего описания эквативных конструкций. Глава 2 посвящена сопоставительному исследованию эквативных конструкций с падежными и

послеложными маркерами стандарта на примере осетинского и горномарийского языков. Структурно-семантическая классификация эквативных контекстов адаптирована на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета в главе 3. В главе 4 приводится подробный семантический анализ полисемии показателя с общим эквативным значением на примере маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка, а также обсуждаются значения сравнительных показателей в некоторых уральских, тюркских и иранских языках.

Глава 1. Структурные и семантические исследования эквативных конструкций

1.1. Типологические классификации эквативных конструкций

Среди первых типологических исследований эквативных конструкций стоит отметить работу [Ulan 1972], в которой прокомментированы особенности маркирования стандарта и параметра не только в компаративных, но и в эквативных конструкциях. Первым типологическим исследованием, посвященным исключительно эквативным конструкциям, можно считать работу [Haspelmath, Buchholz 1998], преимущественно основывающуюся на материале языков Европейского языкового ареала. Эквативные конструкции в более широкой типологической перспективе описаны в [Henkelmann 2006]. Выборка в последней работе насчитывает 25 языков со всего мира. Исследование [Haspelmath et al. 2017], проведенное Мартином Хаспельматом и группой студентов Лейпцигского университета, рассматривает структурные особенности эквативных конструкций на базе 119 языков. Выделенные в данном исследовании типы конструкций частично совпадают с типами, предложенными в [Henkelmann 2006].

Работа [Fortescue 2010] посвящена лексическим и грамматикализованным выражениям сходства с точки зрения когнитивно-ориентированной типологии и основывается на выборке из 29 языков. Сборник [Treis, Vanhove (eds.) 2017], по словам авторов, призван заполнить нишу типологического описания эквативных и симилятивных конструкций, а также проанализировать межъязыковые различия в выражении значений симилятивности и эквативности. Перспектива формального анализа эквативных конструкций рассматривается в работах Джессики Ретт [Rett 2013, 2015, 2020].

Мы остановимся подробнее на исследованиях П. Хенкельманна и М. Хаспельмата, в которых определяются структурные типы эквативных конструкций в языках мира. Исследование [Haspelmath, Buchholz 1998] будет

рассмотрено в разделе 1.2 наряду с другими исследованиями в контексте подходов к семантическому разграничению эквативных конструкций.

Как П. Хенкельманн, так и М. Хаспельмат рассматривают исключительно конструкции, выражающие сходство по некоторому признаку, не включая в выборку выражения сопоставления по образу действия. Подход П. Хенкельманна основывается на семантических и на морфосинтаксических различиях эквативных конструкций. С семантической точки зрения автор выделяет пять стратегий для выражения отношения равенства [Henkelmann 2006: 376–378]:

1. Степенная стратегия (Extents), устанавливающая отношение равенства между относительными степенями качества (*A is as q as B* ‘А такой же q, как Б’⁵)

2. Сущностная стратегия (Entities) устанавливает отношение равенства напрямую между сравниваемыми сущностями, кодируя его с помощью эквативного предиката (‘быть равным’ и т.д.). Сам качественный признак в такой стратегии может появиться как «сущность второго порядка» в виде еще одной валентности у предиката (*A is equal to B regarding Q* ‘А равен Б в отношении к Q’).

3. При посессивной стратегии (Possessive) степень признака, по которому проводится сравнение, метафорически трактуется через отношение «обладатель — обладаемое» (*A's Q is B's Q* ‘Качество (Q) А — это качество Б’). Сам признак является сущностью второго порядка, аналогично сущностной стратегии в п.2.

4. Репрезентативная стратегия (Representative) предполагает, что сравниваемые сущности являются примерами идентичного качественного признака, а сам признак является сущностью второго порядка (*A is (of) B's Q* ‘А — это качество (Q) Б’).

5. Согласно имплицитной стратегии (Implicit), эквативная конструкция представляет собой две соположенные предикации, прилагательное в которых употребляется в положительной степени и нет каких-либо других средств, эксплицитно маркирующих идентичную степень обладания признаком (*A is q, B is q* ‘А такой-то, Б такой-то’).

⁵ Здесь и далее: А и В — объект и стандарт сравнения, а Q (q) — качественный признак.

На основе семантической классификации автор выстраивает более подробную морфосинтаксическую классификацию эквативных конструкций, в которой обращает внимание на следующие параметры:

- отсутствие или наличие в конструкции маркера параметра или маркера стандарта;
- отсутствие или наличие дополнительного эмфатического элемента;
- связь маркеров параметра и стандарта с относительными местоимениями;
- разделение или объединение объекта и стандарта сравнения;
- количество эквативных предикатов в конструкции;
- способ выражения посессивного значения.

Некоторые параметры, как, например, способ выражения посессивного значения, характерны только для конкретного типа семантической стратегии (в данном случае посессивной), в то время как разделение или объединение объекта и стандарта сравнения является важным параметром для всех стратегий, кроме имплицитной биклаузальной стратегии.

В исследовании М. Хаспельмата с соавторами выделены шесть основных типов эквативных конструкций [Haspelmath et al. 2017: 14–15; 18–23]:

1. Конструкции только с маркером стандарта (*Kim is tall like Pat* ‘Ким высокий, как Пэт’).

2. Конструкции с маркером параметра и с маркером стандарта (*Kim is equally (as) tall as Pat* ‘Ким такой же высокий, как Пэт’).

3. Конструкции, в которых объект и стандарт сравнения объединены в сочиненную именную группу (*Kim and Pat are equally tall* ‘Ким и Пэт в равной степени высокие’).

4. Конструкции с эквативным предикатом, имеющим значение ‘достигать’ / ‘быть равным’ (*Kim reaches / equals Pat in height* ‘Ким достигает / равна Пэт по высоте’).

5. Конструкции с эквативным предикатом, в которых объект и стандарт сравнения объединены в сочиненную именную группу (*Kim and Pat are equal (to each other) in height* ‘Ким и Пэт равны (друга для друга) по высоте’).

6. Конструкции, в которых, помимо обычного параметра сравнения, есть также эквативный предикат, выступающий в качестве своеобразного средства, вводящего стандарт сравнения и выражающего отношение равенства (*Kim is tall reaching / equaling Pat* ‘Ким высокий, достигая / будучи равным Пэт’).

Как отмечают сами авторы исследования, эти основные типы частично соответствуют тому, что было выделено П. Хенкельманном для первых двух семантических стратегий — степенной и сущностной (типы IA, IB, PA1, PA2, PB) [Henkelmann 2006: 377].

Помимо этого, авторы провели параллели между выделенными ими типами эквативных конструкций и типами компаративных конструкций по классификации Леона Стассена [Stassen 1985]. Четыре из шести выделенных типов нашли параллели среди компаративных конструкций – так, в обоих случаях маркер параметра может как выражаться, так и отсутствовать в структуре, к тому же в обеих конструкциях возможно выражение параметра сравнения с помощью предиката (со значением ‘быть равным’ в случае эквативных конструкций и ‘превосходить’ в случае компаративных конструкций). Исключением стали два типа эквативных конструкций, в которых объект и стандарт сравнения составляют единую группу (как правило, сочиненную). Такое объединение логично, если оба сравниваемых объекта имеют одинаковую степень проявления признака [Haspelmath et al. 2017: 17].

1.2. Семантика эквативных конструкций

Зона сравнения равенства объединяет конструкции, выражающие сравнительные отношения разного типа. В данном разделе мы разберем несколько подходов к классификации эквативных конструкций в зависимости от семантики: подход, описанный в функциональном типологическом исследовании [Haspelmath,

Buchholz 1998], теоретически ориентированную типологию эквативных конструкций [Rett 2020], а также подход новосибирской синтаксической школы, изложенный в работе [Кошкарева, Плотников 2023].

1.2.1. Подход М. Хаспельмата и О. Буххольц

Исследование М. Хаспельмата и О. Буххольц описывает структурные и семантические особенности СрК равенства в выборке из 47 языков, преимущественно ограниченной языками Европы [Haspelmath, Buchholz 1998: 281]. Авторы исследования разделяют СрК равенства на два типа в зависимости от характера сравнения. Эквативные конструкции подразумевают идентичность степени проявления признака у сравниваемых объектов, ср. пример из английского языка и его перефразирование в (1.1).

(1.1) *Robert is as tall as Maria. = Robert is tall to the same extent as Maria.*

‘Роберт такой же высокий, как Мария’.

= ‘Роберт высокий в той же степени, что и Мария’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

Симилиативные конструкции выражают сходство образа действия (1.2), при этом параметр сравнения (образ действия) не выражен, в отличие от эквативных конструкций.

(1.2) *He sings like a nightingale. = He sings in the same way as a nightingale.*

‘Он поет как соловей’. = ‘Он поет тем же образом, что и соловей’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

С точки зрения семантики, как отмечают авторы исследования, образ действия — более сложное понятие, чем отношение равенства по степени проявления некоторого признака. Таким образом, в общем случае эквативные и симилиативные конструкции выражают два вида сравнительных отношений — количественное (отношение друг к другу степеней некоторого признака, по которому производится сравнение) и качественное (сходство некоторых характеристик того или иного действия, свойственного сравниваемым объектам).

Многие языки выражают оба значения с помощью одних и тех же средств. Например, русский маркер стандарта *как* употребляется как в эквативной, так и в симилятивной конструкции, что видно из переводов примеров (1.1)–(1.2) выше.

Авторы также выделяют несколько подтипов эквативных и симилятивных конструкций: квантитативные эквативы, родовые (генерические) эквативы и симилятивы (*generic equatives, generic similatives*), эквативные и симилятивные клаузы, предикативные симилятивы.

Квантитативные эквативы — особый тип эквативных конструкций, в которых выражается количественное равенство элементов в множестве. Например, в русском языке в таких случаях используются специальные маркеры параметра и стандарта (*столько... сколько*) (1.3). Важно отметить, что в квантитативных эквативах маркер параметра и сам параметр (количество) выражаются с помощью одной языковой единицы (например, *столько*).

(1.3) *Он купил **столько** же книг, **сколько** его сестра.*

Некоторые языки допускают использование количественных маркеров в эквативных конструкциях с параметром-прилагательным (1.4). На допустимость количественных маркеров влияет семантика прилагательного — такие маркеры в первую очередь сочетаются с параметрическими прилагательными, как, например, *высокий, длинный, широкий* и т.д.

БОЛГАРСКИЙ

(1.4) *Sestra mi e vysoka kolkoto mene.*

сестра моя есть высокий насколько я

‘Моя сестра такая же высокая, как я’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 300]

Конструкции с эмфатическими маркерами параметра. Многие языки допускают использование наречий *just, exactly* и т.п., которые усиливают значение равенства. В языке может происходить постепенная потеря эмфатического значения этих частиц, и их употребление становится обязательным. Проиллюстрировать данное явление можно снова с помощью русских СрК в (1.5а).

Неэмфатический маркер параметра может сохраняться в конструкции с отрицанием (1.5б).

(1.5) а. *Он такой ??(же) высокий, как Маша.*

б. *Он не такой высокий, как Маша.*

Эквативные и симилятивные клаузы подразумевают, что стандарт сравнения выражен финитной клаузой. Например, это происходит, когда глагол является частью стандарта сравнения — то есть, когда две сравниваемые ситуации отличаются не только участниками, но и их действиями:

(1.6) *Маша поет так же хорошо, как Петя танцует.*

Разделение эквативных и симилятивных конструкций на **конкретно-референтные** (specific) и **родовые** (generic) основано на референциальном статусе стандарта сравнения. Родовой стандарт сравнения не отсылает к конкретной сущности, а относится сразу ко всему классу объектов, выражая таким образом обладание признаком в крайне высокой степени. Сравнение в таких конструкциях часто воспринимается не буквально, ср., например, выражение *белый как снег*, описывающее исключительную белизну объекта сравнения, степень которой не обязательно равна степени белизны снега.

Характерная черта эквативных конструкций с родовым стандартом — отсутствие маркера параметра либо его опциональное выражение. В то же время маркер параметра обязателен в конструкциях с конкретно-референтным стандартом сравнения, ср. примеры (1.7)–(1.8).

ФРАНЦУЗСКИЙ; родовой стандарт сравнения

(1.7) *La tomate est petite comme une olive.*

DEF помидор есть маленький как INDEF оливка

‘Этот помидор (такой же) маленький, как оливка’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 311]

ФРАНЦУЗСКИЙ; конкретно-референтный стандарт сравнения

(1.8) *Ma soeur est aussi grande que moi.*

моя сестра есть также большой как я

‘Моя сестра такая же высокая, как я’. [Haspelmath, Buchholz 1998: 311]

1.2.2. Подход Дж. Ретт

Исследование [Rett 2020] посвящено построению теоретически ориентированной классификации эквативных конструкций. Две основные группы, которые в первую очередь выделяются в данном исследовании: 1) эквативы с предикатом, имеющим значение ‘быть равным’, 2) непредикативные конструкции, в которых сравнительное значение передается иным способом, например, с помощью специальных маркеров (*как, as, like* и т.д.). Дальнейшее разделение затрагивает конструкции второго типа и основывается на идее эксплицитного и имплицитного сравнения, изначально высказанной К. Кеннеди в связи с анализом компаративных конструкций [Kennedy 2007].

Семантически эксплицитные компаративы устанавливают отношение упорядочивания между двумя объектами и некоторым признаком, используя специальные средства, которые указывают на то, что степень обладания признаком одного объекта превышает степень обладания признаком другого объекта (1.9). Семантика имплицитных компаративов подразумевает упорядочивание двух объектов по отношению к положительной степени некоторого параметра, что один объект обладает этим параметром, а другой объект — нет (1.10).

(1.9) эксплицитные компаративы

Кирилл выше Ивана.

(1.10) имплицитные компаративы

По сравнению с Иваном, Кирилл высокий.

Один из диагностических контекстов, которые К. Кеннеди предлагает использовать для разграничения эксплицитных и имплицитных компаративов, представлен в (1.11)-(1.12). Имплицитная стратегия с выражением *compared to* ‘по

сравнению с' плохо интерпретируется в (1.12б), так как задаваемый контекст предполагает, что мы можем назвать оба сочинения длинными, что прямо противоречит семантике имплицитных компаративов.

(1.11) Контекст: длина сочинения А — 600 слов;

длина сочинения Б — 200 слов.

а. *Essay A is longer than Essay B.*

‘Сочинение А длиннее сочинения Б’.

б. *Compared to Essay B, Essay A is long.*

‘По сравнению с сочинением Б, сочинение А длинное’.

[Kennedy 2007: 160]

(1.12) Контекст: длина сочинения А — 600 слов;

длина сочинения Б — 590 слов.

а. *Essay A is longer than Essay B.*

‘Сочинение А длиннее сочинения Б’.

б. *#Compared to Essay B, Essay A is long.*

‘По сравнению с сочинением Б, сочинение А длинное’.

[Kennedy 2007: 160]

Механизм сопоставления степеней обладания объектами признаков не чувствителен к различию контекстов в (1.11)–(1.12), что показывают одинаково приемлемые конструкции в (1.11а) и (1.12а).

Отличие эксплицитных эквативных конструкций от имплицитных заключается в (не)оценочной интерпретации СрК. Конструкция получает оценочную интерпретацию в том случае, если степень обладания некоторым признаком в обязательном порядке превышает некоторый контекстно заданный стандарт.

Продолжение СрК в (1.13а) не вызывает противоречий, так как в самой СрК фактически не делается никакого утверждения относительно роста Джейн. Говорящий в данном случае сообщает информацию о том, что степень проявления признака ‘высокий’, которым обладает Джейн, равна степени проявления такого

же признака у Билла. С другой стороны, СрК в (1.13б) не может быть продолжена аналогичным образом, так как утверждение о небольшом росте Джейн противоречит выводу из первой части высказывания, согласно которому приравниваются две ситуации ‘Джейн высокая’ и ‘Билл высокий’.

(1.13) а. *Jane is as tall as Bill, but she's short.*

‘Джейн такого же роста, как Билл, но она сама невысокая’.

б. *Jane is tall like Bill, #but she's tall.*

‘Джейн высокая, как Билл, ??но она сама небольшого роста’.

[Rett 2020: 181]

Анализ эксплицитных эквативов обязательно подразумевает наличие в структуре степенных аргументов, аналогично семантическому представлению эксплицитных компаративов. Имплицитные эквативы, наоборот, не получают скалярной интерпретации и фактически сопоставляют две сущности на предмет наличия параметра сравнения и у объекта, и у стандарта сравнения.

В структурном отношении имплицитные эквативы отличаются от эксплицитных отсутствием маркера параметра, ср. (1.14) и (1.15) из английского, а также русские переводы.

(1.14) *Jane is as tall as Bill.*

‘Джейн **такая же** высокая, как Билл’. [Rett 2020: 180]

(1.15) *Jane is tall like Bill.*

‘Джейн высокая, как Билл’. [Rett 2020: 180]

Аналогичные структурные особенности в виде отсутствия маркера параметра характерны для генерических эквативов в терминологии М. Хаспельмата и О. Буххольц (см. раздел 1.1) и для симилятивов. Дж. Ретт объединяет все эти конструкции с точки зрения подхода к семантическому анализу [Rett 2013, 2020]. Идея обобщенного анализа таких конструкций заключается в дополнении семантического представления предиката специальным отношением, вводящим переменную, ассоциирующуюся с параметром сравнения. В симилятивных конструкциях такая переменная характеризует образ действия. Аналогичная

переменная в эквативных конструкциях ассоциирует прилагательное-параметр с его оценочными свойствами (например, исключительной белизны в выражении *белый как снег*).

Не вдаваясь в подробности семантического анализа, отметим, что отношение сравнения (равенства) выводится не через специальный степенной аргумент, как в случае эксплицитных эквативных конструкций, а с помощью операций предикатной модификации. Данная операция позволяет приравнять группы объекта и стандарта сравнения, проанализированные одинаковым образом и вследствие этого имеющие одинаковые семантические типы, и постулировать, что введенная переменная, характеризующая признак-параметр сравнения, одна для обоих случаев [Rett 2020: 189].

Таким образом, теоретический подход к анализу эквативов и симилятивов противопоставляет два типа конструкций, основывающихся на разных семантических принципах. В одном случае речь идет о вычислении отношения равенства через сравнение степенных аргументов, отложенных на некоторой шкале, соответствующей заданному параметру. Согласно другому принципу, конструкция может иметь сравнительное значение, если и объект, и стандарт сравнения обладают одной и той же характеристикой, задаваемой специальным отношением. Данный принцип объединяет конструкции, не имеющие эксплицитной скалярной интерпретации, — имплицитные и генерические эквативы и симилятивы.

1.2.3. Подход новосибирской синтаксической школы

Традиция изучения сравнительных конструкций в новосибирской синтаксической школе восходит к работам ее основателя М. И. Черемисиной [Черемисина 1968, 1970а, 1970б, 1976]. Исследование Н. Б. Кошкаревой и И. М. Плотникова вводит основные принципы структурного и семантического представления СрК в рамках проекта Института филологии СО РАН по

сопоставительному описанию СрК в урало-алтайских языках Сибири [Кошкарева, Плотников 2023].

Авторы также высказывают идею противопоставления конструкций, указывающих на более или менее точное совпадение сравниваемых объектов. На основании этого вводятся три типа отношений между объектом и стандартом сравнения: эквативность, симилятивность, дифференциальность.

Отношение эквативности подразумевает, что отличие между сравниваемыми объектами «отсутствует или рассматривается как пренебрежимое» [Кошкарева, Плотников 2023: 186]. Ему противопоставляется, с одной стороны, отношение дифференциальности, согласно которому, наоборот, какое-либо сходство между объектами не принимается в расчет. С другой стороны, отношение симилятивности предполагает, что между объектами есть «и сходство, и различие такой степени, что они не рассматриваются как пренебрежимые» [Там же].

Отношение эквативности и симилятивности в данном подходе более тесно взаимодействуют с референциальным типом стандарта сравнения. Имеет значение и степень однородности сравниваемых сущностей. Менее однородные объект и стандарт сравнения совпадают в меньшем числе признаков, по которым более естественно производить сравнение. Соответственно они предполагают более высокую степень абстрагирования и, как следствие, симилятивное, а не эквативное сравнение. Данный принцип иллюстрируют примеры (1.16), в котором сравниваются два объекта одного класса — нарты, и (1.17), где проводится сравнение между солнцем и матерью говорящего.

Пример (1.16) авторы исследования предлагают трактовать как эквативный, а (1.17) — как симилятивный. Стоит отметить, что (1.16) представляет собой атрибутивную СрК без выраженного параметра сравнения, как и (1.17), которое по структуре похоже на конструкции с эквативным предикатом по [Henkelmann 2006; Haspelmath et al. 2017]. По критерию отсутствия выраженного параметра сравнения оба примера можно считать симилятивными в терминологии М. Хаспельмата и О. Буххольц.

ХАНТЫЙСКИЙ (КАЗЫМСКИЙ ДИАЛЕКТ) (< УРАЛЬСКИЕ)

(1.16) *лўв ламп=эл хелам йсук хопт=ен өхэл=Ø*

он как=POSS.3SG три лед олень=ADJ нарта=NOM

‘{Оказывается, у дальнего поворота реки едет} нарта, похожая на его нарту с тремя белыми оленями.’ (букв. ‘едет нарта с тремя белыми оленями, как его [нарта]’)

[Кошкарева, Плотников 2023: 197]

ХАНТЫЙСКИЙ (СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ) (< УРАЛЬСКИЕ)

(1.17) *мил=ән-пос=ән җәтл=Ø йәмат ма аңк=эм*

шапка=ADJ-варежка=ADJ солнце=NOM очень я мать=POSS.1SG

җөрас=ән

вид=ADJ

‘{Тогда же, зимой, я был поражен тем, что} солнце в короне очень похоже на мою маму.’

[Кошкарева, Плотников 2023: 199]

В рассмотренных выше примерах стандарт сравнения имеет конкретно-референтный референциальный статус. СрК с родовыми стандартами также рассматриваются как примеры более абстрактного, симилятивного сравнения (1.18). Авторы отмечают, что такое сравнение может приводить к появлению устойчивых выражений, см. также [Haspelmath, Buchholz 1998: 309].

ХАНТЫЙСКИЙ (КАЗЫМСКИЙ ДИАЛЕКТ) (< УРАЛЬСКИЕ)

(1.18) *ол’т=әт лүк итї отәс=әл=Ø*

уснуть=PTCP.PST глухарь как сидеть=SUBJ.PRS.3SG

‘Он сидит, как сонный глухарь.’ [Кошкарева, Плотников 2023: 200]

1.3. Структурные особенности эквативных конструкций

Согласно М. Хаспельмату и О. Буххольц, предикативные симилятивы (predicative similatives) отличаются от обычных (адвербиальных) симилятивов синтаксической позицией стандарта сравнения, который в данном случае входит в состав предикативной группы (ср. рус. *он как мой брат*). В то же время в обеих

конструкциях параметр сравнения фактически не выражается, таким образом, эти конструкции схожи с точки зрения семантики. Как отмечено в [Haspelmath, Buchholz 1998: 319], в языках существуют специальные маркеры для предикативных контекстов — например, в (1.19) из шведского используется конструкция с прилагательным *lik* ‘похожий’, а маркером адвербиального симилятива является *som* (1.20).

ШВЕДСКИЙ; предикативный симилятив

(1.19) *Min syster är lik mig.*

моя сестра есть похожий я.OBL

‘Моя сестра похожа на меня’. [Haspelmath, Buchholz 1998: 319]

ШВЕДСКИЙ; адвербиальный симилятив

(1.20) *Hans skriver som sin syster.*

Ганс пишет как его сестра

‘Ганс пишет, как его сестра’. [Haspelmath, Buchholz 1998: 313]

Аналогом конструкции из (1.19) в русском языке можно считать конструкции с предикатами *быть подобным*, *быть похожим*. Параметр сравнения в таких конструкциях может быть выражен как еще одно зависимое при предикате, ср. типы эквативных конструкций, выделенные в [Haspelmath et al. 2017: 17] (1.21a) и [Henkelmann 2006: 376–377] (1.21б), см. также раздел 1.1. Структура таких эквативных конструкций параллельна компаративам с предикатом, имеющим значение ‘превосходить’ [Stassen 1985; Heine 1997: 113].

(1.21) а. объект сравнения предикат стандарт параметр

Kim reaches/equals + Pat in height.

‘Ким достигает / равна + Пат в высоте’.

б. объект сравнения предикат стандарт параметр

A is equal to B regarding Q

‘А равен В по отношению к Q’

Вопросы, связанные непосредственно со структурой стандарта сравнения, более проработаны для компаративных конструкций, поэтому мы будем прежде всего опираться на исследования в данной области.

Во-первых, мы будем следовать за Т. Штольцом, предложившим морфосинтаксические и семантические признаки для определения прототипичных стандартов [Stolz 2013: 30]. Прототипичными стандартами являются местоимения и имена, выражающие одушевленные, конкретные объекты, не имеющие зависимых и не входящие в сочиненную группу. Непрототипичные стандарты сравнения — «тяжелые» именные группы, адложные группы, группы прилагательного, нефинитные глагольные группы, а также финитные клаузы. С семантической точки зрения такие стандарты сравнения часто более абстрактные⁶.

Стандарты сравнения, содержащие финитный глагол, традиционно называются клаузальными (см. [Bresnan 1973; Heim 2000] и др.). При этом глагол может не иметь фонологического выражения в случае, если он совпадает с глаголом из главной части [Lechner 2004]. Таким образом, падежное или адложное оформление имени в группе стандарта зависит от этого глагола, несмотря на его фонологическое (не)выражение. Как следствие, грамматическая форма объекта и стандарта сравнения будет совпадать: ср. *он ходит в магазин чаще, чем он ходит в театр*.

Фразовые стандарты сравнения имеют структуру меньше финитной клаузы («direct analysis», см., например, [Bhatt, Takahashi 2011]). Иными словами, стандарт сравнения с маркером может быть адложной группой либо именной группой в некотором падеже (например, русские генитивные стандарты сравнения). В этом случае грамматическое оформление стандарта не зависит от оформления объекта сравнения: ср. *она читает книги чаще журналов* (фразовый стандарт в генитиве, но связан при этом с объектом сравнения в аккумулятиве) / *она читает книги чаще, чем она читает журналы* (маркер стандарта *чем* вводит клаузальный стандарт,

⁶ Прототипичность может пониматься как градуируемое свойство, однако Т. Штольц не приводит процедуру оценки степени прототипичности конкретного стандарта и предлагает принимать решение интуитивно.

сохраняющий аккузативный падеж, соответствующий маркированию объекта сравнения).

Определение типа стандарта сравнения в языке является отдельным нетривиальным вопросом и не входит в рамки настоящего исследования. Далее мы будем называть стандарты клаузуальными только в случае наличия выраженной глагольной группы.

Во-вторых, при определении прототипичности стандарта мы будем ориентироваться на синтаксическую роль объекта сравнения, с которым связан стандарт. Прототипичными в большей степени можно считать стандарты сравнения, связанные с объектами, занимающими позицию подлежащего (*Маша читает книги чаще Пети / чем Петя*).

Объекты сравнения, имеющие более специфичные семантические роли (например, адресата или места), будут занимать более специфичные синтаксические позиции, требующие определенного падежного или адложного маркирования. Следовательно, конструкции с менее прототипичными стандартами являются хорошей диагностикой для выявления дополнительных стратегий маркирования стандарта сравнения, ср., например, русский генитив, который невозможен при стандартах сравнения, являющихся клаузой (подробнее о структуре русских компаративных конструкций см. [Pancheva 2006; Berezovskaya, Nohaus 2015]).

Синтаксическая позиция оказывается более важной для оценки прототипичности стандарта. В примере (1.22) стандарт (*тебе*) выражен личным местоимением и отсылает к одушевленному объекту (то есть прототипичен в терминах Т. Штольца), однако связанный с ним объект сравнения (*нам*) имеет семантическую роль экспериенцера и соответствующее оформление дательным падежом⁷. Это влияет на выбор маркера стандарта — в русском варианте это

⁷ Фактически такой стандарт сравнения может быть клаузуальным, в котором пропущен предикат, совпадающий с предикатом из основной части: *нам намного труднее, нежели тебе (трудно)*. Это утверждение, однако, может быть неверно для языков, рассматриваемых в данном исследовании. Поскольку в задачи исследования не входит подробный анализ структуры стандартов сравнения, далее такие стандарты не будут относиться к группе клаузуальных.

нежели, при котором сохраняется падежное оформление стандарта (ср. неграмматичность замены на генитивный маркер стандарта в данном случае: ^{??}*нам намного труднее тебя*).

(1.22) *Нам* намного труднее, нежели *тебе*.

[НКРЯ; Я. Шнайдер. Грустная история // «Человек и закон», 1978].

Выводы к главе 1

В данной главе были рассмотрены основные вопросы, связанные с семантическими и структурными особенностями эквативных конструкций. Прежде всего отметим, что большинство упомянутых нами исследований, за исключением [Кошкарева, Плотников 2023], не рассматривают случаи, когда группа стандарта находится в атрибутивной позиции к объекту сравнения (ср. англ. *I need [a worker [like you]]* ‘Мне нужен такой работник, как ты’).

Кроме этого, мало внимания уделено сравнительным показателям, выполняющим функцию маркера стандарта, а также указывающим на параметр, по которому проводится сравнение (как правило, это градуируемое свойство, например, высота, рост, длина и т.д.). Такие типы СрК не комментируются в [Rett 2020]. Н. Б. Кошкарева и И. М. Плотников приводят примеры конструкций с маркерами стандарта, имеющими более специализированную семантику, см., например, (1.23), где маркер *лѳвит* ‘размер’ не только задает тип сравнительного отношения равенства, но и уточняет параметр, по которому проводится сравнение (величина / размер). Авторы, тем не менее, не дают однозначной интерпретации конструкций, аналогичных (1.23), отмечая, что это возможно при более подробном анализе.

ХАНТЫЙСКИЙ (СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(1.23) *ай* *лор* *лѳвит* *тьӓхэр*

маленький озеро размер поляна

‘поляна с небольшое озеро’ [Кошкарева, Плотников 2023: 188]

Структурные особенности выражения эквативных конструкций в языках мира подробно рассмотрены в типологических исследованиях М. Хаспельмата и П. Хенкельманна. Теоретическая классификация эквативных конструкций Дж. Ретт интегрирует идею эксплицитного / имплицитного сравнения, первично высказанную К. Кеннеди в связи с анализом компаративных конструкций.

Параллельность эквативных и компаративных конструкций, отмечаемая, например, в [Haspelmath et al. 2017; Rett 2020], позволит использовать критерий прототипичности стандартов для исследования эквативных конструкций.

Результатом рассмотрения исследований, посвященных эквативным конструкциям, стали представленные в таблице 1.1 параметры межъязыкового варьирования, которые далее используются для решения поставленных задач.

Таблица 1.1. Структурные и семантические критерии сопоставления эквативных конструкций

Группа критериев	Критерий	Значение критерия
Семантические	Семантика сравнения	Имплицитное / эксплицитное сравнение по признаку; сравнение по образу действия
	Референциальный статус стандарта	Конкретно-референтный / родовой (генерический)
Структурные	Структура сравнительной конструкции	Атрибутивные / предикативные / адвербивальные конструкции
	Способ выражения стандарта	Именные группы / неименные группы
	Синтаксические позиции для объекта сравнения, связанного со стандартом	Подлежащее / прямое дополнение / непрямой объект / косвенный объект

Отдельно заметим, что в цитируемых работах не обсуждаются особенности выражения сравнительного значения при помощи специализированных падежных показателей, на чем мы сосредоточим внимание в следующей главе.

Глава 2. Структурные и семантические особенности эквативных конструкций с падежными маркерами стандарта

Сравнительный (уподобительный, эквативный) падеж — довольно редкое грамматическое средство для выражения сравнительного значения [Haspelmath 2008: 515]. Некоторые языки со сравнительными падежами (гренландский эскимосский < алеутские; анкашский кечуа < кечуанские) упоминаются в [Haspelmath, Buchholz 1998], однако подробно особенности оформления эквативных конструкций таким способом не комментируются. Для языков Европы наличие такого падежа не характерно, а данных по осетинскому языку, в падежной системе которого имеется сравнительный падеж *-ау*, в исследовании М. Хаспельмата и О. Буххольц недостаточно, несмотря на включение этого языка в выборку [Haspelmath, Buchholz 1998: 279].

Используя структурные и семантические противопоставления, выделенные в главе 1, мы рассмотрим особенности функционирования эквативных конструкций с падежом в качестве маркера стандарта на примере двух языков, имеющих такой падеж: осетинского и горномарийского. Конструкции с падежным маркером будут рассмотрены в сопоставлении с менее грамматикализованными постпозитивными элементами.

Прежде всего мы проанализируем информацию об употреблении сравнительных маркеров в осетинском и горномарийском языках из грамматических описаний и на основе этого выдвинем гипотезы, которые будут проверены на полевом исследовании (раздел 2.1). Далее особенности эквативных конструкций в осетинском и горномарийском языках будут последовательно рассмотрены с точки зрения семантики (раздел 2.2) и морфосинтаксиса (раздел 2.3).

2.1. Средства выражения сравнения по равенству в осетинском и горномарийском языках

2.1.1. Инвентарь сравнительных маркеров в осетинском языке

В грамматиках осетинского языка говорится о следующих маркерах стандарта, употребляющихся в СрК равенства: послелог *хуызæн* ‘как, подобно’ (2.1); «уподобительный» падеж с показателем *-ау* (2.2); союзы *куыд* ‘как’ (2.3), *цыма* ‘будто’ (2.4).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.1) *Алан Мадинаæ-йы хуызæн бæрзонд у.*

Алан Мадина-GEN подобно высокий быть.PRS.3SG

‘Алан (такой же) высокий, как Мадина’.

(2.2) *Мадинæ буламæргъ-ау зар-ы.*

Мадина соловей-EQU петь-PRS.3SG

‘Мадина поет как соловей’.

(2.3) *Уый гæпп-ытæ кæн-ы тæрхъус куыд кæн-ы,*

он прыжок-PL делать-PRS.3SG заяц как делать-PRS.3SG

афтæ.

так

‘Он прыгает так же, как прыгает заяц’.

(2.4) *Цыма сывæллон дæн афтæ мемæ дзур-ы.*

будто ребенок быть.PRS.1SG так 1SG.COM говорить-PRS.3SG

‘Он разговаривает со мной, как будто я ребенок’.

Падеж на *-ау* — один из новейших в осетинском языке (наряду с комитативом, *-имæ*), подробнее см. работу [Belyaev 2010: 301]). А. М. Шёгрэн упоминает формы на *-ау* со значением сходства, подобия, однако не включает их в падежную систему [Шёгрэн 1844: 89, 112]. В более поздних грамматиках [Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965] *-ау* включается в состав падежей и именуется «уподобительным». Мы будем называть этот падеж эквативным, ориентируясь на работы [Thordarson 2009; Belyaev 2010].

Выступая в функции обстоятельства образа действия, падеж с аффиксом *-ау* обозначает: «лицо или предмет, с действием, состоянием-процессом которого сравнивается действие, состояние-процесс другого предмета»; «сравнение с предметом, которым производится какое-то действие» [Багаев 1965: 160]. Часть форм на *-ау* в некоторых грамматиках относятся не к падежным формам существительных, а к наречиям, ср., например, ср. *уырыссаг-ау* (русский-EQU) ‘порусски’ [Ахвледиани 1963: 208]. Также отмечается возможность форм на *-ау* употребляться в атрибутивных контекстах: *куыст-ау куыст* (работа-EQU работа) ‘работа из работ’ — ‘лучшая работа’; *лаггау лагг* (мужчина-EQU мужчина) ‘мужчина из мужчин’; *гаппау гапп* (прыжок-EQU прыжок) ‘прыжок из прыжков’ и т.д. [Ахвледиани 1963: 100].

В грамматиках также указывается на участие суффикса *-ау* в образовании наречий — например, со значением места или времени: *радждау* ‘рановато’, *уаулау* ‘наверху’ [Ахвледиани 1963: 208]. К. Е. Гагкаев выделяет *-ау* в некоторых прилагательных, в настоящее время не имеющих сравнительного значения: *уæззау* ‘тяжелый’, *егъау* ‘большой’, *авгъау* ‘несоответствующий’ и т. д. [Гагкаев 1956: 122]. В. И. Абаев приводит версии происхождения данных слов, не связанных с сравнительным *-ау* [ИЭСОЯ I: 202, 411; IV: 105].

Послелог *хуызæн* имеет следующие значения: ‘подобный’, ‘похожий’, ‘как’, ‘подобно’ [ИЭСОЯ IV: 274]. В грамматических описаниях отмечается, что сочетания «с послелогом *хуызæн* часто можно заменить формой уподобительного падежа» [Ахвледиани 1963: 291].

Сравнительные союзы *цыма* ‘будто’, ‘словно’ и *куыд* ‘как’ обычно употребляются вместе с коррелятами в главной клаузе: *афтæ* ‘так’, *афтæмæй* ‘таким образом’, *уыйау* ‘таким образом’. Коррелятивные конструкции в осетинском подробно рассмотрены в [Беляев 2014]. Н. К. Багаев отмечает также возможность употребления *куыд* без коррелята *афтæ* (2.5). В данном случае группа стандарта сравнения *куыд абон* не содержит глагольной формы, как это происходит в (2.3). Конструкции с *куыд* без коррелята не будут подробно обсуждаться далее.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.5) *Раст, куыд абон, уын-ын æз йæ фæлурс цæсгом*
прямой как сегодня видеть-PRS.1SG я POSS.3SG бледный лицо
'Прямо, как сегодня, вижу я его бледное лицо'. [Багаев 1965: 428]

Помимо сравнительных конструкций, *куыд* и *цыма* употребляются в конструкциях с сентенциальным актантом. Например, в (2.6) *куыд* вводит зависимую предикацию при матричном глаголе *хъуысын* 'слышать', подробнее см. [Serdobolskaya 2016].

ОСЕТИНСКИЙ

(2.6) [*kʷəd zərdt-at*], *wəj fe-qʷəšt-on*.
как говорить-PST.2PL DEM.DIST PV-слышать-PST.1SG
'Я слышал, как вы говорили.' [Serdobolskaya 2016: 308]

В [Багаев 1965: 338; Выдрин 2014: 64] отмечена еще одна конструкция, выражающая сравнение и представляющая собой сочетание вспомогательного глагола *кæнын* 'делать' с причастием прошедшего времени и существительным в генитиве (2.7). Далее такая конструкция не будет рассматриваться ввиду отсутствия в ней специфических сравнительных маркеров. Подробно свойства такой конструкции рассмотрены в [Синицына 2023а].

ОСЕТИНСКИЙ (< ИРАНСКИЕ)

(2.7) *бирæгъ-ы хæрд кæн-ы*
волк-GEN есть.PST.PTCP делать-PRS.3SG
'ест как волк' [Багаев 1965: 338]

Наше исследование будет сосредоточено на конструкциях с двумя маркерами: эквативным падежом на *-ау* и послелогом *хуызæн*.

2.1.2. Инвентарь сравнительных маркеров в горномарийском языке

Система падежей горномарийского языка содержит специальный падеж с показателем *-la* (с вариантом *-lä* после передних гласных), выражающий

«сравнение и сопоставление с кем-/чем-либо» (2.8) и традиционно называющийся сравнительным [Саваткова 2002: 101].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.8) *pört-əštə šəkš tətərü-lä šaly-en*

дом-IN дым туман-SIM стоять-PRET

‘В избе дым стоял, как туман’. [Саваткова 2002: 101]

Суффикс *-la* не упоминается в первых описаниях марийских языков [Castren 1845; Wiedemann 1847]. В работах XX в. мнения относительно его статуса разделились. Точка зрения, согласно которой такие формы следует считать наречными, представлена, например, в [Кармазин 1925; Пенгитов 1956]. В последние десятилетия падежный статус *-la* не подвергается сомнению. В [Тужаров 1987: 94–95] приведены следующие критерии, по которым формы на *-la* стоит считать падежными: «склоняемые имена в сравнительном падеже регулярно выступают в формах единственного и множественного числа»; «склоняемые имена в компаративе могут оформляться всеми притяжательными суффиксами»; «словоформы в сравнительном падеже могут определяться именами прилагательными, существительными, числительными, местоимениями и причастиями».

В грамматиках марийского языка *-la* в первую очередь рассматривается как падежный маркер, функция которого заключается в сравнении «действия или состояния одного предмета с действием или состоянием другого» [Тужаров 1987: 91]. В [Учаев, Ефремов 1998: 77] также указывается на то, что *-la* сравнивает два действия.

Кроме этого, грамматики указывают на ряд других функций *-la*, среди которых: ввод актанта при глаголах со значением ‘казаться’, ‘играть’, маркер названия языка, маркер обменного эквивалента, маркер приблизительной локализации [Тужаров 1987; Alhoniemi 1993, Саваткова 2002]; подробнее данные функции будут рассмотрены в разделе 4.2 настоящего исследования.

В грамматике и словаре горномарийского языка А. А. Саватковой [Саваткова 2002; 2008] приводятся несколько сравнительных послелогов, среди которых:

- выражающие сравнение по качественному признаку *гань, семӱнь, постол*;
- выражающие сравнение по количественному признаку *нӱрӱ, висӱ*;
- послелогов, задающие количественное сравнение по определенному параметрическому признаку — например, *кымдык* ‘ширина, шириной с’ (*Jӱl kӱmdӱk* ‘шириной с Волгу’ [Саваткова 2002: 263]).

Пример (2.9) иллюстрирует противопоставление конструкций, выражающих количественное и качественное сравнение. С помощью конструкции с маркером *nӱrӱ* (2.9а) сообщается, что отдых Васи и работа говорящего занимают примерно одинаковое количество времени, то есть сравнение производится по количественному параметру. Пример (2.9б) с *гань* указывает на сходство ситуаций отдыха и работы и предполагает сравнение по качественному параметру.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.9) а. *vas'a mӱn'rovotajӱ-mӱ nӱrӱ kӱn-ӱ.*

Вася я работать-NMLZ APPR отдыхать-NPST.3SG

‘Вася отдыхает столько же, сколько я работаю’. [Элементы 2023: 232]

б. *vas'a mӱn'rovotajӱ-mӱ гань kӱn-ӱ.*

Вася я работать-NMLZ EQU отдыхать-NPST.3SG

‘Вася отдыхает, как я работаю’.

Функционирование маркера *nӱrӱ* в аппроксимативных количественных конструкциях подробно рассматривается в [Элементы 2023: 227-234]. Далее мы сосредоточимся на конструкциях со сравнительным падежом на *-la* и маркером *гань* как наиболее распространенном среди остальных сравнительных маркеров (в устном корпусе горномарийского языка зафиксировано 50 вхождений *гань*, 22 вхождения *semӱn'* и 11 вхождений *postol*).

2.1.3. Промежуточные выводы по разделу 2.1

Опираясь на семантические и структурные особенности сравнительных конструкций, рассмотренных в главе 1, мы можем сформулировать следующие гипотезы о функционировании падежных и менее грамматикализованных эквативных маркеров в осетинском и горномарийском языках:

1. Осетинский падеж с аффиксом *-au* и горномарийский падеж с аффиксом *-la* употребляются в случаях, если связанный со стандартом объект сравнения является подлежащим или прямым дополнением.

2. Сравнительный послелог *хуызæн* в осетинском языке свободно употребляется в атрибутивной позиции, а падеж на *-au* встречается при атрибутивном стандарте сравнения в ограниченном типе конструкции.

3. С точки зрения семантики можно предположить, что падежи на *-au* и *-la* чаще употребляются в контекстах, подразумевающих сравнение по образу действия, в то же время семантические ограничения на употребление маркеров *хуызæн* и *gan'* отсутствуют.

2.2. Семантические особенности эквативных конструкций

2.2.1. Семантика эквативной конструкции

2.2.1.1. Маркеры *gan'* и *хуызæн*

Горномарийский маркер *gan'* употребляется при стандарте сравнения как при сравнении по признаку (2.10), так и при сравнении по образу действия (2.11).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.10) *pet'a vas'a gan' kužê*

Петя Вася EQU длинный

‘Петя высокий, как Вася.’

(2.11) *tädä vas'a gan' lâm edem-əm tâšk-a.*

он Вася EQU снег человек-ACC лепить-NPST.3SG

‘Он лепит снеговика, как это делает Вася’.

Употребление осетинского послелого *хуызæн* также возможно при сравнении по признаку (2.12) и по образу действия (2.13).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.12) *Алан Мадинаæ-йы хуызæн бæрзонд у...*

Алан Мадина-GEN подобно высокий быть.PRS.3SG

‘Алан высокий, как Мадина’.

(2.13) *Æз Алан-ы хуызæн зар-ын.*

я Алан-GEN подобно петь-PRS.1SG

‘Я пою как Алан’.

Примеры сравнения по признаку (2.10) и (2.12) не содержат специального маркера параметра. Этот факт, а также проверка конструкций на наличие оценочной интерпретации (2.14)–(2.15) говорят о том, что эквативные конструкции с этими маркерами можно отнести к имплицитным эквативным конструкциям в терминологии [Rett 2020].

ОСЕТИНСКИЙ

(2.14) *Алан Мадинаæ-йы хуызæн бæрзонд, (*фæлаæ уый ныллæг*

Алан Мадина-GEN подобно высокий но он низкий
у).

быть.PRS.3SG

‘Алан высокий, как Мадина, (*но он сам низкого роста)’.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.15) *pet'a vas'a gan' kužâ, (*no pet'a dâ vas'a mâtâk*

Петя Вася EQU длинный но Петя и Вася короткий
kâp-än âl-ât).

тело-ATTR быть-NPST.3PL

‘Петя высокий, как Вася, (*но Петя и Вася невысокого роста)’.

2.2.1.2. Падежи с показателями *-la* и *-au*

Падежные маркеры стандарта имеют больше ограничений на семантический тип сравнительной конструкции как в горномарийском, так и в осетинском языках. Не все опрошенные носители допустили использование осетинского падежа на *-au* в (2.16), где предполагается сравнение по признаку, аналогичное примеру (2.12) из предыдущего раздела.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.16) ?Алан Мадина -йы Мадина -йау бæрзонд у...

Алан Мадина-GEN Мадина-EQU высокий быть.PRS.3SG

‘Алан высокий, как Мадина’.

Горномарийский падеж на *-la* употребляется в качестве маркера стандарта при сравнении по образу действия (2.17). Выражение сравнения по признаку с помощью *-la* запрещено (2.18).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.17) *tädä vas'a-la lām edem-äm tãšk-a.*

он Вася-SIM снег человек-ACC лепить-NPST.3SG

‘Он лепит снеговика, как (это делает) Вася’.

(2.18) **van'a pet'a-la kužđ.*

Ваня Петя-SIM высокий

Ожидаемое значение: ‘Ваня высокий, как Петя’.

Такое распределение в употреблении падежных маркеров ожидаемо, так как описания их значений в грамматиках предполагают именно симилятивную семантику. Отобранный нами корпус осетинских примеров из оцифрованной версии ИЭСОЯ также показывает тенденцию на употребление аффикса *-au* именно в симилятивных контекстах (149 примеров из 206 вхождений), ср. (2.19). Тем не менее использование *-au* при сравнении по признаку зафиксировано (2.20), встречаются такие примеры и в ОНК (2.21).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.19) *Йæ урс дадали-тæ йæ фæлурс уадул-т-ыл*
POSS.3SG белый локон-PL POSS.3SG бледный скула-PL-SUPER
урс цыллаæ-йау фæйлыдт-ой.

белый шелк-EQU волноваться-PST.3PL

‘Ее белые локоны струились по бледным щекам, как белый шелк’.

[ИЭСОЯ, I: 341]

(2.20) *Арс-ау бæзæрхыг <...> уыд-и Азæмсет.*
медведь-EQU коренастый быть.PST-3SG Азамат

‘Ширококостным, как медведь, был Азамат’. [ИЭСОЯ, I: 257]

(2.21) *Лæдж-ы фарн хур-ау у бæрзонд.*
мужчина-GEN фарн солнце-EQU быть.PRS.3SG высокий

‘Фарн⁸ человека большой, как солнце’. [ОНК, А. Ф. Хамицаев «Свет очей»]

Рассмотрим еще один тип сравнительных конструкций, в которых могут употребляться как осетинский, так и горномарийский падежи. Это конструкции, не подразумевающие сравнение двух образов действия напрямую, а сопоставляющие две ситуации в целом. Так, в (2.22) сравнивается отношение двух людей к покупке книг, а не то, что Алан любит покупать книги особым образом, копируя поведение Мадина. В (2.23) сопоставляются два факта покупки книги: Петей в одном случае и Васей — в другом.

В русском языке указание на подобное сравнение выражается при помощи добавления частицы *и* к маркеру стандарта *как*, см. переводы примеров выше. Аналогичная частица (*дæр*) есть и в осетинском примере (2.22).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.22) *Алан дæр Мадинаæ-йау чингуы-тæ æлхæн-ын уарз-ы.*

Алан ADD Мадина-EQU книга-PL покупать-INF любить-PRS.3SG

‘Алан, как и Мадина, любит покупать книги’.

⁸ Общеиранское полурелигиозное понятие: ‘небесная благодать’, ‘благополучие’, ‘преуспевание’ и т.д. [ИЭСОЯ I: 421].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.23) *pet'a vas'a-la kn'igä-m nal-ән.*

Петя Вася-SIM книга-ACC брать-PRET

‘Как и Вася, Петя купил книгу’.

2.2.2. Референциальный статус стандарта

2.2.2.1. Маркеры *gan'* и *хуызæн*

Референциальный статус стандарта сравнения не влияет на приемлемость оформления СрК при помощи маркера *gan'* в горномарийском или послелого *хуызæн* в осетинском языках. Оба маркера могут оформлять как конкретно-референтные (2.24)–(2.25), так и родовые стандарты сравнения (2.26)–(2.27).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, конкретно-референтный стандарт

(2.24) *vas'a maša-n ät'ä-žä gan' mâr-a.*

Вася Маша-GEN отец-POSS.3SG EQU петь-NPST.3SG

‘Вася поет как папа Маши’.

ОСЕТИНСКИЙ, конкретно-референтный стандарт

(2.25) *Æз Алан-ы хуызæн зар-ын.*

я Алан-GEN подобно петь-PRS.1SG

‘Я пою как Алан’.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, генерический стандарт

(2.26) *pet'a povar gan' jämdä-l-ä*

Петя повар EQU готовый-DENOM-NPST.3SG

‘Петя готовит как повар’.

ОСЕТИНСКИЙ, генерический стандарт

(2.27) *пырындз-ы хуызæн урс-урс-ид фыд*

рис-GEN подобно белый-белый-SUF мясо

‘мясо белое, как рис’ [ИЭСОЯ, II: 246]

2.2.2.2. Падежи с показателями *-la* и *-au*

Мы не зафиксировали различия в допустимости конструкций с разными референциальными статусами стандарта сравнения в горномарийском языке, см. (2.28) с конкретно-референтным и (2.29) с родовым стандартами сравнения.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, конкретно-референтный стандарт

(2.28) *vas'a maša-n ät'ä-žä-lä mâr-a.*

Вася Маша-GEN отец-POSS.3SG-SIM петть-NPST.3SG

‘Вася поет как папа Маши’.

родовой стандарт

(2.29) *pet'a povar-la jämdä-l-ä.*

Петя повар-SIM готовый-DENOM-NPST.3SG

‘Петя готовит как повар’.

В то же время осетинский падеж на *-au* оказался менее допустимым с конкретно-референтными стандартами сравнения даже в симулятивной конструкции, которая является наиболее предпочтительным контекстом для этого маркера (2.30).

ОСЕТИНСКИЙ, конкретно-референтный стандарт

(2.30) *ʔÆз Алан-au зар-ын.*

я Алан-EQU петть-PRS.1SG

‘Я пою как Алан’.

Однако опрошенные носители осетинского языка однозначно допустили пример (2.31), в котором стандартом сравнения выступает именная группа *Африка*, отсылающая к конкретному географическому объекту, а сама конструкция предполагает сравнение по признаку, что является менее допустимым контекстом для *-au*. Данный пример можно рассматривать как пример со стандартом, отсылающим к характерной ситуации, в которой Африка представляется очень жарким континентом — в отличие от (2.30), где стандарт сравнения *Алан* сложно представить прототипичным для сравнения манеры пения.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.31) *Дзæуджыхъæу-ы Африкæ-йæу тæвд у.*

Владикавказ-IN Африка-EQU жаркий быть.PRS.3SG

‘Во Владикавказе жарко, как в Африке’.

При сравнении с местом, которое с меньшей вероятностью имеет прототипичные свойства, например, с еще одним населенным пунктом в том же регионе (2.32), употребление *-æу* в качестве маркера стандарта снова оказывается менее допустимо по сравнению с *хуызæн*, что является аргументом в пользу предложенного анализа примера (2.31).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.32) *Дæргъæвс-мæ Фыййæгдон-ы хуызæн / ?Фыййæгдон-æу зын*

Даргавс-ALL Фиагдон-GEN подобно Фиагдон-EQU трудный

цæу-æн у.

идти-NMLZ быть.PRS.3SG

‘В Даргавс ехать трудно, как в Фиагдон’.

Примеры (2.33) и (2.34) отличаются наличием аддитивной частицы *дæр*, которая может влиять на то, что предлагается сравнивать, и, как следствие, на допустимость употребления эквативного падежа *-æу*. В (2.33) сопоставляются два факта (Алан — осетин, и Заур тоже осетин), что оказывается приемлемо с точки зрения прагматики. С другой стороны, менее допустимый пример (2.34) можно объяснить несовпадением подразумеваемого типа сравнения: вместо отождествления двух ситуаций (2.34) может иметь значение ‘Алан — осетин в манере Заура’, что оказывается менее приемлемо с прагматической точки зрения.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.33) *Алан дæр Зауыр-æу ирон у.*

Алан ADD Заур-EQU осетин быть.PRS.3SG

‘Алан, как и Заур, осетин’.

(2.34) ?Алан *Зауыр-ау* ирон у.
 Алан Заур-EQU осетин быть.PRS.3SG
 ‘Алан осетин, как Заур’.

2.2.3. Промежуточные выводы по разделу 2.2

Мы рассмотрели функционирование сравнительных маркеров в осетинском и горномарийском языках с точки зрения возможных семантических ограничений на задаваемое сравнение и на референциальный статус стандарта. Результаты представлены в таблице 2.1.

Таблица 2.1. Семантические особенности употребления сравнительных маркеров в горномарийском и осетинском языках

Критерий		Маркер			
		<i>хуызæн</i>	<i>gan'</i>	<i>-la</i>	<i>-ау</i>
Семантика подразумеваемого сравнения	По признаку	ОК	ОК	*	?
	По образу действия	ОК	ОК	ОК	ОК
Референциальный статус стандарта	Конкретно-референтный	ОК	ОК	ОК	?
	Генерический	ОК	ОК	ОК	ОК

Как видно из таблицы 2.1, послелог *хуызæн* и маркер *gan'* не имеют семантических ограничений на употребление в эквативных конструкциях, в отличие от падежных маркеров.

Горномарийский падеж на *-la* не используется при сравнении по признаку. Осетинский падеж с аффиксом *-ау* имеет ограничения на референциальный статус стандарта. Если форма на *-ау* модифицирует непосредственно действие или признак, конкретно-референтные стандарты сравнения приемлемы в ограниченных случаях, когда подразумевается сравнение по некоторому признаку с объектом, ассоциирующимся у носителей с высокой степенью проявления данного

признака (например, Африка как жаркий континент). Более предпочтительными оказываются родовые стандарты сравнения, отсылающие не к конкретному объекту, а к классу объектов, характеризующихся высоким проявлением того или иного параметра. Это можно сравнить с русскими наречными образованиями на *по-...ски*, а также формами творительного падежа со сравнительным значением (см. об этом значении подробнее в [Rakhilina, Tribushinina 2011]).

2.3. Структурные особенности оформления стандартов сравнения

Мы вынесли в данный раздел вопросы, связанные с возможностями оформления стандартов сравнения в предикативной и в атрибутивной позициях. Кроме этого, будут рассмотрены особенности оформления стандартов в зависимости от их прототипичности и связи с объектами сравнения в разных синтаксических позициях.

2.3.1. Предикативные и атрибутивные конструкции

2.3.1.1. Маркеры *gan'* и *хуызæн*

Маркеры *gan'* и *хуызæн* употребляются в конструкциях, когда стандарт сравнения является частью предикативной группы:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.35) *ti ädär-vlä täng-em gan' âl-ât.*

этот девушка-PL друг-POSS.1SG EQU быть-NPST.3PL

‘Эти девушки похожи на мою подругу’.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.36) *Мадинæ-йы æфсымæр-тæ сты сæ фыд-ы хуызæн*

Мадина-GEN брат-PL быть.PRS.3PL POSS.3PL отец-GEN подобно

‘Братья Мадина похожи на их отца’.

Кроме того, маркеры *gan'* и *хуызæн* могут использоваться в конструкциях, где стандарт сравнения находится в атрибутивной позиции к объекту сравнения:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.37) *kot'i igä gitarâ gan' instrument-âštâ äl-ä.*

кот ребенок гитара как инструмент-IN жить-NPST.3SG

‘Котенок живет в инструменте, похожем на гитару’.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.38) *Чермен-ы хуызæн лæг ма-куы ра-мæл-а!*

Чермен-GEN подобно мужчина NEG-когда PV-умереть-SBJV.3SG

‘да не будет смерти такому человеку, как Чермен’. [ИЭСОЯ I: 593]

Среди примеров на атрибутивное употребление стандарта с маркером *хуызæн* отметим также (2.39), в котором не выражено вершинное имя. Этот пример примечателен выбором именно маркера *хуызæн*, анализируемого грамматиками как послелог. Более ожидаемо в данном случае было бы употребление прилагательного *хуызон* ‘похожий’⁹.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.39) *дæ хуызæн Нарт-мæ ни-куы 'р-цъыд-и*

POSS.2SG подобно нарт-ALL NEG-когда PV-идти-PST.3SG

‘разве подобная тебе никогда не приходила к Нартам?’ [ИЭСОЯ, II: 272]

Опрос носителей осетинского языка не выявил продуктивности подобной конструкции. В то же время конструкция с опущенной вершиной при атрибутивном стандарте продуктивна в горномарийском (2.40) и удмуртском языках, о чем подробнее см. [Sidorova, Sinitsyna 2018; Синицына 2023б].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.40) *gitarâ gan' oxol-âštâ šalg-a*

гитара EQU угол-IN стоять-NPST.3SG

‘В углу стоит что-то похожее на гитару.’

⁹ По одной из версий *-æн* в *хуызæн* восходит к застывшей форме дательного падежа. Тогда *хуызæн* (от *хуыз* ‘цвет’, ‘образ’) стоит в одном ряду с послелогом *дæргъæн* ‘длиной с’, *бæрзæндæн* ‘высотой с’, образованными от *дæргъ* ‘длина’ и *бæрзæнд* ‘высота’ соответственно, и т.д. [Багаев 1965: 198; ИЭСОЯ IV: 275]. Прилагательное *хуызон* образовано от *хуыз* ‘цвет’, ‘образ’ при помощи адъективного суффикса *-он* [Багаев 1965: 199].

2.3.1.2. Падежи с показателями *-la* и *-au*

Сравнительный падеж на *-la* в горномарийском языке не может оформлять стандарт в предикативных симилятивах¹⁰:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.41) **ti ädär täng-em-lä*

этот девушка друг-POSS.1SG-SIM

Ожидаемое значение: ‘Эта девушка похожа на мою подругу’.

В осетинском языке предикативные симилятивы с падежным оформлением стандартов встречаются в переводе стихов Нового Завета (2.42), а также в ОНК (2.43). Примеры (2.42) и (2.43) иллюстрируют употребление форм на *-au* в предикативном контексте с родовым стандартом. Тем не менее носители запретили пример (2.44), где *-au* оформляет конкретно-референтный стандарт.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.42) *Уый хъыцъы-йы нæмыг-ау у*

он горчица-GEN зерно-EQU быть.PRS.3SG

‘Оно — как зерно горчичное’ [Мк. 6:34]

(2.43) *Цард дон-ы къус-ау у*

жизнь вода-GEN чашка-EQU быть.PRS.3SG

{*кæцырдаем фæкъул уыдзæн, уый бæрæг нæй.*}

‘Жизнь — как чашка с водой: {неизвестно, куда она наклонится}’

[ОНК, Г. А. Агнаев, «Длинной осенней дорогой», 2003]

(2.44) **Мадина-йы æфсымæр-тæ сты сæ фыд-ау.*

Мадина-GEN брат-PL быть.PRS.3PL POSS.3PL отец-EQU

‘Братья Мадина похожи на их отца’.

В грамматике осетинского языка [Ахвледиани 1963: 100] есть примеры употребления эквативного падежа в атрибутивном контексте: например, *лæгау лæг* ‘лучший из мужчин’. Мы взяли контекст, в котором объект и стандарт сравнения

¹⁰ Связка может опускаться в третьем лице единственного числа, подробнее см. [Элементы 2023: 565].

выражены разными существительными, в отличие от примеров, приведенных в грамматике. В этом случае использование *-ау* было запрещено:

ОСЕТИНСКИЙ

- (2.45) *Æз лæппу-йы хуызæн / *лæппу-йау чыздж-ы*
я мальчик-GEN подобно мальчик-EQU девочка-GEN
уын-ын.
видеть-PRS.1SG
'Я вижу девочку похожую на мальчика'.

В ОНК находятся только вхождения сочетания *лæгау лæг* (196 вхождений)¹¹, запросы по остальным примерам из [Ахвледиани 1963: 100] (*куыстау куыст* 'работа из работ', *гæппау гæпп* 'прыжок из прыжков', *хæрдау хæрд* 'основательная еда') не дают результатов. Таким образом, атрибутивное употребление *-ау* на сегодняшний момент ограничено одним устоявшимся сочетанием.

Что касается употребления в атрибутивных конструкциях горномарийского сравнительного падежа, в работе [Тужаров 1987: 91] приводится пример (2.46), который, однако, не был подтвержден в ходе полевого исследования.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (2.46) **kolxoz-la älä-mäš-äm utla=ok jaratâ-š-äm*
колхоз-SIM жить-NMLZ-ACC более=EMPH любить-AOR-1SG
'Я очень полюбил колхозную жизнь'.¹²

2.3.2. Конструкции с непрототипичными стандартами

В данном разделе будут рассмотрены употребления сравнительных маркеров с глагольными и послеложными группами. Мы исключили из исследования наречия, так как сложно однозначно интерпретировать различия в суждениях относительно конструкций с такими стандартами ввиду внутри- и межъязыкового варьирования морфосинтаксических свойств у слов этой части речи.

¹¹Запрос выглядел следующим образом: «форма *лæгау* на расстоянии от 1 до 1 от леммы *лæг*».

¹²Этот пример приводится в [Тужаров 1987: 93] как грамматичный.

2.3.2.1. Маркеры *gan'* и *хуызæн*

Ни в горномарийском, ни в осетинском языках рассматриваемые нами маркеры не могут вводить стандарты, выраженные финитными клаузами. Для того, чтобы использование *gan'* или *хуызæн* стало приемлемым, стандарт должен быть выражен нефинитной глагольной формой, например, номинализацией (2.47) или инфинитивом (2.48).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.47) *vas'a mæn'rovotajâ-mâ gan' kân-ä.*

Вася я работать-NMLZ EQU отдыхать-NPST.3SG

‘Вася отдыхает, как я работаю’.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.48) *Хæр-ын дæр фынæй кæн-ын-ы хуызæн бирæ уарз-ын.*

есть-INF ADD сон делать-INF-GEN подобно много любить-PRS.1SG

‘Я люблю есть так же сильно, как спать’.

Конструкции с финитными глаголами в стандарте сравнения возможны при союзных маркерах стандарта — *куыд* или *цыма* в осетинском языке (см. раздел 2.1.1), *kâce* ‘как’ в горномарийском (2.49).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.49) *ik-tä-m=ät tenge-lä jaratâ-del-am, kâce tән'-äm*

один-FULL-ACC=ADD так-SIM любить-NEG.PRET-1SG как ты-ACC

käzät mæn'ä jarat-em.

сейчас я любить-NPST.1SG

‘И никого так не любила, как тебя сейчас я люблю’. [ГМК]

Для выражения сравнения с косвенным объектом в главной части именная группа в стандарте сохраняет соответствующее послеложное оформление (2.50). Таким образом, *gan'* не управляет падежом своего компонента, в отличие от послелогов и реляционных имен в горномарийском языке [Элементы 2023: 273].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.50) *tädä pöken vəl-nä imn'i vəl-nä gan' šänz-ä.*

он стул верх-IN2 лошадь верх-IN2 EQU сидеть-NPST.3SG

‘Он сидит на стуле, как на лошади’.

Осетинский послелог *хуызæн* ‘подобно’, в отличие от горномарийского маркера *gan'*, управляет падежом своего комплемента: именное зависимое всегда имеет форму генитива [Ахвледиани 1963: 290]. Интерпретация примера (2.51), при которой подразумевается сравнение с косвенным объектом (*Аланы тыххæй* ‘для Алана’), оказалась доступной не всем опрошенным носителям.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.51) *ʔАлан-ы тыххæй ме фсымæр-ы хуызæн бирæ*

Алан-GEN ради POSS.1SG брат-GEN подобно много

кæн-ын.

делать-PRS.1SG

‘Я много делаю для Алана, как и для моего брата’.

2.3.2.2. Падежи с показателями *-la* и *-au*

Стандарты сравнения, выраженные нефинитными глагольными формами и оформленные падежными маркерами стандарта, разрешаются носителями как в горномарийском (2.52), так и в осетинском (2.53) языках.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.52) *tädä sirä-mä-lä šajâšt-eš.*

он писать-NMLZ-SIM говорить-NPST.3SG

‘Он говорит, как (будто) пишет’.

ОСЕТИНСКИЙ

(2.53) *йæ цæст-ы сыг цъæх нымæт-ыл хуыр*

POSS.3SG глаз-GEN слеза серый войлок-SUPER щебень

ызгъæл-æг-ау калд-и

сыпаться-PTCP.PRS-EQU проливать-PST.3SG

‘его слезы сыпались на серый войлок, как песок’ [ИЭСОЯ IV: 266]

Группа стандарта в (2.53) имеет собственное подлежащее (*хуыр* ‘щебень’), отличное от подлежащего в главной части (*сыг* ‘слеза’). Сочетание глагольной формы на *-æг* с эквативным падежом довольно распространено — в ОНК нашлось 884 вхождения, в то время как запрос сочетания инфинитива с эквативным падежом дает только 85 вхождений. Кроме того, глагольная форма на *-æг* значительно реже употребляется с послелогом *хуызæн* — в последнем случае нашлось всего 22 вхождения в ОНК.

Горномарийский суффикс *-la* в качестве маркера стандарта при послеложных группах допустим не во всех идиолектах:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.54) *ʔtädä pöken vəl-nä imn'i vəl-nä-lä šänz-ä.*
 он стул верх-IN2 лошадь верх-IN2-SIM сидеть-NPST.3SG
 ‘Он сидит на стуле как на лошади’.

Так как послелог *vəlnä* содержит показатель инесива, в данном случае возможна стратегия, при которой к показателю добавляется локативный атрибутивизатор *-š(ə)* (об этой форме см. [Элементы 2023: 15]), после чего группа с атрибутивизатором оформляется аффиксом *-la* (2.55).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.55) *pet'a pöken-äštä imn'i vəl-nä-šä-lä šänz-ä.*
 Петя стул-IN лошадь верх-IN2-ATTR-SIM сидеть-NPST.3SG
 ‘Петя сидит на стуле, как на лошади’.

Выражение сравнения с косвенным объектом при помощи эквативного падежа на *-ау* в осетинском языке было разрешено не всеми носителями — аналогично примеру (2.51) с послелогом *хуызæн*:

ОСЕТИНСКИЙ

(2.56) *ʔАлан-ы тыххæй ме фсымæр-ау бирæ кæн-ын.*
 Алан-GEN ради POSS.1SG брат-EQU много делать-PRS.1SG
 ‘Я много делаю для Алана, как и для моего брата’.

2.3.3. Оформление именных стандартов сравнения

В данном разделе будут рассмотрены две стратегии:

- (i) сохранения внутреннего падежного оформления на стандарте сравнения [STND + CASE + STM]
- (ii) оформления сравнительным показателем именного стандарта без других падежных маркеров [STND + STM].

Обе стратегии релевантны для горномарийского языка, поскольку, во-первых, *gan'*, как уже было сказано ранее в разделе 2.3.2.1, не управляет падежом своего компонента, а во-вторых, в этом языке в некоторых случаях возможно двойное падежное маркирование [Привизенцева 2016]. Последний факт дает основание проверить возможность сохранения внутреннего падежа на стандарте, оформленного сравнительным падежом. Для осетинского языка будет рассмотрена только стратегия (ii), так как в языке не зафиксированы случаи двойного падежного маркирования, а послелог *хуызæн* всегда управляет генитивом.

2.3.3.1. Маркеры *gan'* и *хуызæн*

Горномарийский маркер *gan'* может оформлять стандарты, связанные не только с подлежащими (см., например, конструкции в разделе 2.2.1.1), но и с прямыми дополнениями, а также объектами в косвенных позициях. В (2.57) сравниваются два косвенных локативных объекта, и на стандарте сохраняется падежный показатель инессива *-štā*. В (2.58) сравниваются два непрямых объекта (адресата), и на стандарте также возможно сохранение дативного маркирования.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, КОСВЕННЫЙ ЛОКАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ

(2.57) *pet'a pōken-äštā kr'eslo-štā gan' šänz-ä.*

Петя стул-IN кресло-IN EQU сидеть-NPST.3SG

‘Петя сидит на стуле, как на кресле’.

НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ (АДРЕСАТ)

(2.58) *tädä mǎ-län-em äške älä-mäš-äžä-m pop-lan gan'*

он я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ2-POSS.3SG-ACC поп-DAT EQU

šajâšt-â.

рассказывать-AOR.3SG

‘Он рассказал мне свою жизнь, как священнику’.

Исключением является только ситуация сравнения прямых объектов (2.59), когда маркирование стандарта аккумулятивом запрещено.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, прямое дополнение

(2.59) *pet'a paj-âtm kol gan'/*kol-âtm gan' jâmdä-l-ä.*

Петя мясо-ACC рыба EQU рыба-ACC EQU готовый-DENOM-NPST.3SG

‘Петя готовит мясо как рыбу’.

Осетинский послелог *хуызæн* также может оформлять стандарты, связанные с объектами сравнения в разных синтаксических позициях (примеры на подлежащее см. в разделе 2.2.1.1). Пример (2.60) иллюстрирует СрК со стандартом, связанным с прямым дополнением, а пример (2.61) — с локативным объектом.

ОСЕТИНСКИЙ, прямое дополнение

(2.60) *Чиныг журнал-ы хуызæн кæс-ын.*

книга журнал-GEN подобно читать-PRS.1SG

‘Я читаю книгу как журнал’.

косвенный локативный объект

(2.61) *Дæргæвс-мæ Фыйгадон-ы хуызæн зын цæу-æн*

Даргавс-ALL Фиагдон-GEN подобно трудный идти-NMLZ

у.

быть.PRS.3SG

‘В Даргавс ехать трудно, как в Фиагдон’.

При сравнении с непрямым объектом в дативе, однако, необходимая интерпретация была разрешена не всеми опрошенными носителями:

ОСЕТИНСКИЙ, не прямой объект (адресат)

(2.62) *Алан мын Мадина-йы хуызæн арæх лæвар кæн-ы*

Алан я.DAT Мадина-GEN подобно часто подарок делать-PRS.3SG

дидинджы-тæ.

цветок-PL

‘Алан дарит мне цветы так же часто, как **Мадина** (дарит мне цветы)’.

?‘Алан дарит цветы **мне** так же часто, как (Алан дарит цветы) **Мадине**’.

2.3.3.2. Падежи с показателями *-la* и *-au*

Рассмотрим теперь употребление горномарийского и осетинского падежей в сочетании с именными стандартами сравнения (примеры на сравнение с подлежащими см. в разделе 2.2.1.2). Оба маркера могут оформлять стандарт, связанный с прямым дополнением (2.63)–(2.64). При этом в горномарийском невозможно сохранение аккузативного падежа на стандарте.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, прямое дополнение

(2.63) *pet'a paj-âm kol-la / *kol-âm-la jämdä-l-ä.*

Петя мясо-ACC рыба-SIM рыба-ACC-SIM готовый-DENOM-NPST.3SG

‘Петя готовит мясо, как рыбу’.

ОСЕТИНСКИЙ, прямое дополнение

(2.64) *Чиныг журнал-ау кæс-ын.*

книга журнал-EQU читать-PRS.1SG

‘Я читаю книгу как журнал’.

Употребление *-la* в качестве маркера стандарта невозможно, если стандарт связан с непрямым объектом в роли адресата и при этом сохраняет дативное оформление (2.65а). В случае отсутствия дативного оформления на стандарте (2.65б), носители предпочитают связывать такой стандарт с подлежащим, что отражено в переводе этого примера. Это утверждение справедливо и в случае, если в стандарте сравнения находится именная группа, соотносимая с любым другим косвенным объектом.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, не прямой объект (адресат)

(2.65) а. **tädä mä-län-em äške älä-mäš-äžä-m pop-lan-la*

он я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ2-POSS.3SG-ACC поп-DAT-SIM

šajâšt-â.

рассказывать-AOR.3SG

Ожидаемое значение: ‘Он рассказал мне свою жизнь как священнику’.

б. *tädä mä-län-em äške älä-mäš-äžä-m pop-la*
он я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ2-POSS.3SG-ACC поп-SIM
šajâšt-â.

рассказывать-AOR.3SG

‘Он рассказал мне свою жизнь как **священник**’.

*‘Он рассказал **мне** свою жизнь как **священнику**’.

Большинство опрошенных носителей осетинского языка проинтерпретировали пример (2.66), в котором подразумевалось сравнение с адресатом, как сравнение с подлежащим. Сравнение с непрямым объектом оказалось приемлемым не во всех идиолектах аналогично конструкции с послелогом *хуызæн*, см. раздел 2.2.3.1.

ОСЕТИНСКИЙ, непрямой объект (адресат)

(2.66) *Алан мын Мадинаей-ау арæх лæвар кæн-ы*

А. 1SG.DAT Мадина-EQU часто подарок делать-PRS.3SG
дидинджи-тæ.

цветок-PL

‘Алан дарит мне цветы часто, как **Мадина** (дарит мне цветы)’.

?‘Алан дарит **мне** цветы часто, как (Алан дарит цветы) **Мадине**’.

Горномарийский сравнительный падеж с аффиксом *-la* в некоторых идиолектах может употребляться в конструкциях, подразумевающих сравнение с косвенным локативным объектом:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, косвенный локативный объект

(2.67) *ʔtädä pöken-äštä kr'eslo-štâ-la šänz-ä.*

он стул-IN кресло-IN-SIM сидеть-NPST.3SG

‘Он сидит на стуле, как на кресле’.

Сравнение с косвенным локативным объектом однозначно приемлемо, если к локативной группе в стандарте сравнения присоединяется атрибутивизатор *-š(ə)*:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.68) *pet'a pöken-äštä kr'eslo-štä-š-la šänz-ä.*

Петя стул-IN кресло-IN-ATTR-SIM сидеть-NPST.3SG

‘Петя сидит на стуле, как на кресле’.

Атрибутивизатор *-š(ə)* образует модификаторы с пространственным и временным значением, присоединяясь к обстоятельствам соответствующей семантики [Элементы 2023: 180]. Это значит, что форма *kr'esloštäš* может быть определением к вершинному имени, как в (2.69). Вершинное имя в таком случае оформляется маркером стандарта *-la*, и стандарт сравнения (*kr'esloštäš edem*) соотносится с подлежащим (*pet'a*).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(2.69) *pet'a pöken-äštä kr'eslo-štä-š edem-lä šänz-ä.*

Петя стул-IN кресло-IN-ATTR человек-SIM сидеть-NPST.3SG

‘Петя сидит на стуле подобно человеку в кресле’.

Аналогичная интерпретация может быть предложена для примеров с атрибутивизатором на послеложных группах, обсуждаемых в разделе 2.3.2.2.

Эквативный падеж в осетинском языке в качестве маркера стандарта, связанного с локативным объектом, оказался приемлемым не для всех опрошенных носителей (2.70), в отличие от послелога *хуызæн*, продублированного в этом примере (см. также раздел 2.3.2.1).

ОСЕТИНСКИЙ, косвенный локативный объект

(2.70) *Дæргъæвс-мæ Фыйагдон-ы хуызæн / ?Фыйагдон-ау зын*

Даргавс-ALL Фиагдон-GEN подобно / Фиагдон-EQU трудный

цæу-æн у.

идти-NMLZ быть.PRS.3SG

‘В Даргавс ехать трудно, как в Фиагдон’.

Сравнение с локативным объектом с помощью эквативного падежа возможно, если это приемлемо с прагматической точки зрения, ср. пример (2.31) из раздела 2.2.2.2, повторенный ниже в (2.71).

ОСЕТИНСКИЙ

(2.71) *Дзæуджыхъæу-ы Африкæ-йæу тæвд у.*

Владикавказ-IN Африка-EQU жаркий быть.PRS.3SG

‘Во Владикавказе жарко, как в Африке’.

В данном случае Африка характеризует параметр ‘быть жарким’, и подобное сравнение оказывается приемлемым, так как Африка представляется в сознании носителей как пример места с жарким климатом.

2.3.4. Промежуточные выводы по разделу 2.3

В таблице 2.2 суммированы сочетаемостные ограничения на употребление сравнительных маркеров со стандартами в атрибутивных и предикативных контекстах.

Таблица 2.2. Оформление стандартов сравнения в зависимости от типа конструкции

Стандарт сравнения	Маркер			
	<i>gan'</i>	<i>хуызæн</i>	<i>-la</i>	<i>-ау</i>
Предикативный	ОК	ОК	*	ОК / *
Атрибутивный	ОК	ОК	*	??

Как показывает таблица 2.2, маркеры *gan'* и *хуызæн* демонстрируют широкие сочетаемостные возможности, оформляя стандарты как в предикативных симилятивах, так и в атрибутивных контекстах.

Напротив, падежные маркеры *-la* и *-ау* крайне ограничены в плане разнообразия структур сравнительных конструкций. Горномарийский падеж на *-la* употребляется только в конструкциях, в которых стандарт является адвербиальным зависимым предикативной группы. Эквативный падеж с показателем *-ау* в

осетинском языке встречается в предикативных симилиятивах только с родовыми стандартами. Единственный атрибутивный контекст, в котором употребляется *-ау*, — устойчивое выражение *лагау лаг* ‘лучший из мужчин’.

В таблице 2.3 обобщены сведения о совместимости маркеров в конструкциях с непрототипичными стандартами. Таблица 2.4 суммирует данные о сочетании маркеров в зависимости от связи с объектом сравнения в разных синтаксических позициях.

Таблица 2.3. Совместимость маркеров стандарта в зависимости от синтаксической позиции объекта сравнения

Чем выражен стандарт	Маркер			
	<i>gan'</i>	<i>хуызæн</i> STND-STM	<i>-la</i>	<i>-ау</i> STND-STM
Финитные глагольные формы	*	*	*	*
Нефинитные глагольные формы	OK	OK	OK	OK
Послеложные группы	OK	?	?	?

Таблица 2.4. Сочетание сравнительных маркеров в зависимости от связи с объектом сравнения в разных синтаксических позициях

С какой синтаксической позицией связан стандарт	Маркер			
	<i>gan'</i>	<i>хуызæн</i> STND-STM	<i>-la</i>	<i>-ау</i> STND-STM
Подлежащее	OK	OK	OK	OK
Прямое дополнение	OK (STND-STM)	OK	OK (STND-STM)	OK
Непрямое дополнение	OK	?	*	?
Косвенные объекты	OK	OK	?	%

Примечание к таблицам. Если не оговорено специально, приводятся результаты для стратегии с внутренним оформлением стандарта (STND-CASE-STM). Там, где это невозможно, приведены результаты для стратегии STND-STM. Знак процента (%) показывает, что возможность выбора

данного маркера в конкретном случае не сводится только к синтаксической позиции связанного со стандартом объекта сравнения, но также может зависеть от семантики предполагаемого сравнения.

Единственный общий запрет для всех рассматриваемых маркеров — на оформление финитных клауз в качестве стандартов сравнения; вместо этого используются конструкции с нефинитными формами глаголов. Для стандартов, вводимых горномарийским маркером *gan'*, нет ограничений на синтаксическую позицию связанных объектов сравнения. Нужная интерпретация возможна, если имя в группе стандарта маркировано соответствующим падежом или послелогом. Отсутствие внутреннего маркирования связывает стандарт сравнения с субъектом, что может быть в некоторых случаях неприемлемо с прагматической точки зрения.

Осетинский послелог *хуызæн* в целом схож с горномарийским маркером *gan'* в плане свободного сочетания со стандартами сравнения, связанными с косвенными синтаксическими позициями. Однако данный маркер лишь частично приемлем в контекстах, где подразумевается сравнение с дативным аргументом, а также в случае связи стандарта с косвенным объектом, выраженным послеложной группой. Тем не менее *хуызæн* приемлем в бóльшем количестве контекстов по сравнению с эквативным падежом *-ау*, например, при сравнении косвенных локативных объектов.

Падежные маркеры *-ау* и *-ла*, как и ожидалось, имеют больше ограничений на сочетаемость и однозначно допускаются только в случае связи стандарта с подлежащим или прямым дополнением. Употребление падежного маркера *-ау* в контекстах с локативным объектом возможно, если это приемлемо с точки зрения семантики. Конструкции со сравнением локативных объектов в горномарийском языке и *-ла* в качестве маркера стандарта приемлемы не для всех опрошенных носителей. Вместо этого предпочтительна стратегия с локативным атрибутивизатором, при этом в данном случае уместнее считать стандарт сравнения связанным с подлежащим.

Выводы к главе 2

Во второй главе были рассмотрены особенности выражения эквативных конструкций с падежными маркерами стандарта на примере горномарийского и осетинского языков. Были проверены гипотезы, выдвинутые на основе анализа существующих грамматических описаний, и на их основе получена сумма обобщений относительно функционирования специализированных падежей в качестве маркера стандарта в сопоставлении с менее грамматикализированными показателями.

Гипотеза о более ограниченном употреблении падежных маркеров подтвердилась частично. В осетинском и горномарийском языках разрешены конструкции, в которых подразумевается сравнение косвенных объектов, однако такое сравнение не всегда бывает приемлемо семантически. Формы с падежными сравнительными маркерами можно трактовать как относящиеся непосредственно к параметру сравнения, если он выражен, или к предикату, задающему действие и свойство, по которому происходит сравнение.

Падежные маркеры более ограничены в плане оформления стандартов в предикативных и атрибутивных контекстах. Горномарийский показатель *-la* запрещен в обоих контекстах, в то время как осетинский маркер *-au* употребляется при атрибутивном сравнении в устойчивом выражении *лаæгау лаæг* и встречается в предикативных контекстах при родовых стандартах.

Гипотеза о предпочтительной семантике сравнения, выражаемого падежными маркерами, также подтвердилась. Оба маркера имеют тенденцию к употреблению при сравнении по образу действия, хотя осетинский падеж с показателем *-au* допускается некоторыми носителями и при сравнении по признаку.

Подтвердилась гипотеза и о более свободном употреблении послелого *хуызæн*, как с точки зрения семантики, так и с точки зрения структурных особенностей. Аналогичным образом ведет себя горномарийский маркер *gan'*, встречающийся во всех описанных нами контекстах, а также не имеющий ограничений на связи с объектом сравнения в главной части и на

непрототипичность стандарта (за исключением общего запрета на сочетание с финитными глаголами).

Помимо этого, благодаря выявленным в главе 1 семантическим и структурным критериям для описания эквативных конструкций удалось разработать подробную классификацию осетинских и горномарийских эквативных конструкций. В следующей главе мы рассмотрим возможность использования этих критериев для анализа эквативных конструкций в исследовании на материалах текстов Нового Завета, что может быть актуально в случаях ограниченного доступа к данным.

Глава 3. Классификация эквативных конструкций на материале параллельных переводов Нового Завета

3.1. Предварительные замечания

Описание эквативных конструкций в текстах Нового Завета, которые использовались в качестве параллельного корпуса, является частью типологического проекта по созданию базы данных универсальных элементов грамматического набора на основе переводов Нового Завета. Участники проекта — слушатели семинаров, проводившихся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и в Школе лингвистики НИУ ВШЭ в 2020-2022 гг., а также сотрудники Института перевода Библии. Принципы и методология исследований в рамках данного проекта подробно прокомментированы в [Плунгян 2023].

Параллельные корпуса как источник данных для типологических исследований используются на протяжении длительного времени (см., например, обзор [Cysouw, Wälchli 2007]). В частности, типологическое исследование компаративных конструкций [Stolz 2013] основывается на переводах «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери и книги Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Библия, являясь самой переводимой книгой, также играет важную роль в качестве параллельного корпуса. Преимущества использования текстов Нового Завета в качестве параллельного корпуса обсуждаются, например, в [Haspelmath 1997: 17; Resnik et al. 1999: 129–130]). Среди типологических работ, основанных на переводах Библии, отметим исследования семантики глаголов движения [Wälchli, Cysouw 2012], показателей прошедшего времени [Dahl 2014], категории притворства в нахско-дагестанских языках [Майсак 2021], континуативных конструкций в лезгинских языках [Майсак 2024].

В ходе исследования были рассмотрены стихи из шести книг Нового Завета: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых Апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна

Богослова (Откр.). Мы опираемся на материал 14 языков, представляющим три языковые семьи. В таблице 3.1 перечислены языки и источники, использованные в исследовании.

Таблица 3.1. Исследуемые переводы Нового Завета

Семья	Язык	Источник
Индо-европейские языки	Древнегреческий (< греческие)	Novum Testamentum Graece, Nestle-Aland edition
	Русский (< славянские)	Синодальный перевод (1876) Новый русский перевод (третья редакция, 2023 г.)
	Английский (< германские)	King James Bible (KJB, XVIII в.) New King James Version (NKJV, 1979)
	Испанский (< романские)	Biblia Reina Valera 1960
	Осетинский (< восточно-иранские < иранские)	Перевод Института Перевода Библии, 2022
	Персидский (< западно-иранские < иранские)	Persian Contemporary Bible (1995)
	Таджикский (< западно-иранские < иранские)	Китоби Муқаддас (1992)
Уральские языки	Горномарийский (< марийские)	У Согонь (2014)
	Луговой марийский (< марийские)	У Сугынь (2013)
	Удмуртский (< пермские)	Библия удмурт кылын (2014)
	Коми-пермяцкий (< пермские)	Бур Юӧр (2019)
	Коми-зырянский (< пермские)	Библия коми кыв вылын (2024)
Тюркские языки	Татарский (< кыпчакские)	Татар теле Изге Язма: Иске Гаһед (2015)
	Чувашский (< болгарские)	Иисус Христос Хуҫамӑр (2009)

Выбор языков продиктован следующими принципами. Во-первых, проанализированы источники из общей для типологического проекта

[Хомченкова (ред.) 2023] выборки: древнегреческий оригинал, Синодальный перевод на русский язык, перевод на английский (KJB) и испанский (Biblia Reina Valera 1960) языки. Такой набор, как утверждается в [Плунгян 2023: 28], обусловлен прагматическим подходом: были выбраны наиболее распространенные переводы, которые сами являются источниками для переводов на другие языки и в то же время не похожи друг на друга с морфосинтаксической точки зрения. Таким образом, уже на базе данной выборки можно довольно точно наметить релевантные контексты для дальнейших типологических исследований.

Во-вторых, в рамках расширения нашего типологического исследования мы добавили переводы на несколько уральских, иранских и тюркских языков. Это представляется важным на первых этапах работы, учитывая, что общие грамматические описания уделяют не так много внимания вопросам, связанным с выражением сравнительных отношений. Часто авторы грамматик ограничиваются перечислением сравнительных маркеров и кратким описанием их значения, однако приводимые примеры не всегда информативны, что, например, справедливо для описания сравнительных маркеров в грамматике таджикского языка [Perry 2005]. Так, в (3.1), при описании значения двух синонимичных маркеров не объясняются их различия и не даются примеры их употребления в предложении:

ТАДЖИКСКИЙ

(3.1) а. *мисл* ‘подобие чего-то’; *мисл-и мо* ‘как мы’

б. *монанд* ‘подобие’; (*ба*) *монанд-и мо* ‘как мы’ [Perry 2005: 95]

Наконец, были добавлены более современные варианты перевода Нового Завета на русский (Новый русский перевод) и английский (NKJV) языки. Тем не менее мы оставляем русский Синодальный перевод в качестве основного не только по причине наличия данного перевода в основной части выборки, но и потому, что эта версия более последовательна в передаче однотипных контекстов.

Например, рассмотрим группу контекстов, где в древнегреческом оригинале используется предикат *ὅμοιος* (*hómoios*) ‘подобный’ (см. таблицу 3.2).

Таблица 3.2. Стратегии передачи оригинальных контекстов с предикатом ὅμοιος в Синодальном переводе и Новом русском переводе

Древнегреческий оригинал		Синодальный перевод		Новый русский перевод	
ὅμοιος hómoios ‘подобный’	22	подобен	25	подобен / похож	12
ὁμοιώθη уподобить.AOR.IND.PASS.3SG ¹³ (глагол ὁμοιόω ‘уподобить’, от ὅμοιος ‘подобный’)	2	—		как	5
ὁμοιωθήσεται уподобить.FUT.IND.PASS.3SG	1			атрибутивная конструкция	3
—	—			сравнить	3
—	—			напоминать	1
—	—	—	—	отсутствие маркера	1

Как видно из таблицы 3.2, в русском Синодальном переводе оригинальные древнегреческие контексты со словом ὅμοιος (hómoios) ‘подобный’ и его производными последовательно передаются с помощью сравнительного предиката *подобен*. Те же самые контексты в Новом русском переводе переведены более разнообразно, ср., например, варианты перевода стиха Мф. 13:24 в (3.2).

(3.2) а. Синодальный перевод

Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем.

б. Новый русский перевод

Царство Небесное можно сравнить с человеком, засеявшим свое поле хорошими семенами.

¹³ Глоссирование древнегреческих форм приведено в соответствии с версией Библии с подстрочным переводом (<https://biblehub.com/interlinear/>)

3.2. Процедура первичного отбора контекстов

Отбор контекстов происходил следующим образом. В первую очередь были просмотрены шесть книг в русском Синодальном переводе и при сверке с древнегреческим оригиналом отмечены все стихи, содержащие потенциально интересующие нас конструкции. Затем были добавлены переводы найденных стихов на указанные в таблице 3.1 языки.

Наша цель — отбор контекстов, которые с наибольшей вероятностью будут сохранять сравнительные отношения и в языках, не рассматриваемых в текущем исследовании. В связи с этим первичная выборка прошла еще несколько этапов отбора как по формальным, так и по семантическим критериям, на которых мы остановимся подробнее.

В финальную выборку не попали контексты, стандарт сравнения которых представляет собой сочиненную группу, см., например, перевод (3.3), где представлено бессоюзное сочинение именных групп (*прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи*), а также дизъюнктивное сочинение двух групп с *как* (*как прочие люди <...> или как этот мытарь*)¹⁴. Сочиненные группы в качестве стандарта сравнения представляют нетривиальный случай для задачи классификации отобранных контекстов. В таких контекстах может использоваться более одного маркера стандарта при разных конъюнктах (см. выделенные маркеры стандарта в (3.3)). В этом случае нам бы пришлось дублировать контекст для разметки, что может быть неоднозначным решением.

УДМУРТСКИЙ

(3.3) ...мон сы́че о́вёл-ысь, **кы́че-есть** лу-о мукет мурть-ёс
я такой NEG-EL какой-PL быть-PRS.3PL другой человек-PL
адыми тала-сь-ёс, ултйя-сь-ёс,
человек грабить-PTCP.ACT-PL обижать-PTCP.ACT-PL
азы-са-калгы-са ул-йсь-ёс яке тани та
прелюбодействовать-CVB-гулять-CVB жить-PTCP.ACT-PL или вот ЭТОТ

¹⁴ Подробнее о типах сочинения см. [Haspelmath 2004: 5].

выт бича-сь кадь.

подать собирать-РТСР.АСТ как

‘{Боже! благодарю Тебя, что} я не таков, **как** прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или **как** этот мытарь’ [Лк. 18:11]

Формально похожи на СрК равенства функтивные конструкции (funcutive constructions [Creissels 2014], role phrases [Haspelmath, Buchholz 1998]). Такие конструкции выражают роль или функцию, в которой выступает участник [Haspelmath, Buchholz 1998: 321], что иллюстрирует (3.4). В этом примере словоформа *kings* ‘цари’ может пониматься не как стандарт, с которым сравниваются *десять рогов* из первой части предложения, а как обозначение временно выполняемой ими функции¹⁵. При этом используются эквативные маркеры стандарта: *как* в русском переводе, *as* в английском.

(3.4) *And the ten horns which thou sawest are ten kings, which have received no kingdom as yet; but receive power as kings one hour with the beast.*

‘И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, **как цари**, на один час.’

[Откр. 17:12]

Еще один тип конструкций, формально не отличимых от СрК равенства, — клаузы соответствия (accord clauses). Такие конструкции являются вводными и представляют источник информации [Haspelmath, Buchholz 1998: 320]. Например, в (3.5) конструкция с маркерами стандарта *как* и *as* сообщает, что сказанное выше принадлежит третьему лицу — пророку Исаие, но сравнения в данном случае не происходит.

(3.5) *Make straight the way of the Lord, as said the prophet Esaias.*

‘{Он сказал: я глас вопиющего в пустыне;} исправьте путь Господу, **как** сказал пророк Исаия.’ [Ин. 1:23]

¹⁵ Отметим, что полностью исключать понимание данного контекста как сравнительного (‘...примут власть со зверем, как будто (они есть) цари / как (принимают) цари’) нельзя. Тем не менее неоднозначность примера дает основание не включать его в финальную выборку.

Последний тип конструкций, не вошедший в финальную выборку, — конструкции с семантикой ирреального сравнения. В (3.6) к эквативному маркеру *как* добавляется частица *бы*, и вся конструкция подчеркивает ирреальность ситуации. Кроме того, в данном случае отсутствуют необходимые элементы сравнительных конструкций — объект, параметр и стандарт сравнения. Таким образом, конструкции типа (3.6) не подходят для нашего исследования ни по формальным, ни по семантическим признакам.

(3.6) *И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился* [Деян. 9:18]

3.3. Общие принципы классификации

3.3.1. Структурные особенности

В первую очередь, СрК равенства можно разделить на две группы в зависимости от позиции группы стандарта сравнения относительно остальных элементов СрК. Например, в (3.7) группа стандарта *как волосы у женщин* занимает предикативную позицию, в то время как в примерах (3.8) и (3.9) группа стандарта зависит от прилагательного-параметра (*мудры*) или от глагольного предиката (*говорите*) соответственно.

(3.7) *...и волосы у ней — как волосы у женщин...* [Откр. 9:8]

(3.8) *...итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* [Мф. 10:16]

(3.9) *...А молясь, не говорите лишнего, как язычники...* [Мф. 6:7]

В дальнейшем контексты, аналогичные по структуре (3.8) и (3.9), в зависимости от характера сравнения можно разделить на такие, в которых сравнение происходит по некоторому признаку, и на те, где сравнивается образ действия. Заметим, что выявленные контексты сравнения по признаку в общем случае указывают на неточное совпадение в степени проявления признака¹⁶ и

¹⁶ Ср., однако, выбор эксплицитной эквативной стратегии в современном английском переводе (NKJV) стихов Мф. 12:13, 28:3; Откр. 10:9, 10:10 (i).

(i) а. <...> *and it was as sweet as honey in my mouth* <...> [NKJV]

б. <...> *and it was in my mouth sweet as honey* <...> [KJB]

могли бы попасть в группу симилятивного сравнения по классификации [Кошкарёва, Плотников 2023]. Согласно [Haspelmath, Buchholz 1998], контексты сравнения по признаку относятся к эквативным конструкциям, а контексты сравнения по действию — к симилятивным. В части переводов из нашей выборки прослеживается зависимость выбора маркера стандарта от характера предполагаемого сравнения в соответствии с классификацией М. Хаспельмата и О. Буххольц. Например, в переводах на горномарийский язык маркер *семьинь* ‘по’ используется только в контекстах сравнения по образу действия (3.10), тогда как маркер *гань* встречается и при сравнении по признаку (3.11).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, сравнение по образу действия

(3.10) *Мьинь шолы семьинь вычы-де ми-эм*
 я вор по ждать-NEG.CVB прийти-NPST.1PL
 ‘Я найду на тебя, как тать’ [Откр. 3:3]
 (букв. ‘я по-воровски неожиданно приду’)

сравнение по признаку

(3.11) *но ьшима-шт-ет мю гань тотлы ли-эш*
 но рот-IN-POSS.2SG мед как вкусный становиться-NPST.3SG
 ‘но в устах твоих будет сладка, как мед.’ [Откр. 10:9]

Близко к группе предикативных контекстов из (3.7) стоит группа контекстов, в которых сравнительное значение выражается с помощью предиката со значением ‘быть равным’, ‘быть подобным’ и т.д.:

(3.12) *Царство Небесное подобно человеку...* [Мф. 13:24]

Стандарт сравнения (*человеку*) и объект сравнения (*Царствие Небесное*) в (3.12) являются аргументами предиката *подобен*, выражающего сравнительное значение. Параметр сравнения в таких конструкциях может быть выражен как еще одно зависимое при предикате (ср. типы эквативной конструкции, выделенные в

‘и она в устах моих была сладка, как мед’ [Лк. 10:10]

В древнегреческом оригинале также используется имплицитная стратегия только с маркером стандарта *hōs* и без соответствующего маркера параметра *tósos/tosoûtos*. Подробнее о стратегиях выражения СрК в древнегреческом см. [Kreij 2021].

[Haspelmath et al. 2017: 17] (3.13) и в [Henkelmann 2006: 376–377] (3.14), см. также раздел 1.1). Структура таких эквативных конструкций параллельна компаративным конструкциям с предикатом, имеющим значение ‘превосходить’ [Stassen 1985; Heine 1997: 113], ср. пример (3.15).

(3.13) объект сравнения предикат стандарт параметр
Kim *reaches/equals* *Pat* *in height*.
 ‘Ким достигает / равна Пат в высоте’.

(3.14) объект сравнения предикат стандарт параметр
A *is equal to B* *regarding Q*
 ‘А равен В по отношению к Q’¹⁷

ЙОРУБА (< КВА < НИГЕР-КОНГО)

(3.15) *O tobi ju u.*
 он большой превосходить его
 ‘Он больше него’. [Stassen 1985: 49, цит. по Heine 1997: 113]

Такие конструкции являются неотъемлемой частью эквативных контекстов. Во-первых, в некоторых языках в исходной группе предикативных контекстов вида (3.16) встречаются выражения со сравнительным предикатом и со структурой (3.17). Например, в переводе (3.18) на удмуртский язык использован предикат *укишаны* ‘походить’ с аргументами в номинативе и дативе, в то же время в русском переводе встречается маркер *как*, вводящий предикативный стандарт сравнения.

(3.16) объект сравнения + [стандарт + маркер стандарта]_{предикат}

(3.17) [объект сравнения + предикат + стандарт сравнения]

УДМУРТСКИЙ

(3.18) *Со-лэн ымныр-ыз адями ымныр-ёс-лы укиш-а.*
 тот-GEN лицо-POSS.3SG человек лицо-PL-DAT походить-PRS.3SG
 ‘лица же ее — как лица человеческие’ [Откр. 9:7]

Во-вторых, часто встречается обратная ситуация. Примеры (3.19) и (3.20) в переводах на указанные языки фактически имеют структуру, соответствующую

¹⁷ А и В — объект и стандарт сравнения, а Q — качественный признак.

группе предикативных СрК (3.16). Однако только в древнегреческом оригинале стиха Лк. 13:21 используется стратегия (3.17) с предикатом ὁμοία (*homoia*) ‘подобна’, что отражено в русском Синодальном переводе (3.19)¹⁸.

(3.19) а. ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

Тудо ру гай

3SG закваска EQU

б. ТАТАРСКИЙ

Ул ачиткы кебек

3SG закваска EQU

в. ТАДЖИКСКИЙ

Он монанд-и хамиртуруш-ест

ТОТ похожий-EZ заквасочный-COP

‘Оно **подобно** закваске...’ [Лк. 13:21]

(3.20) а. ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

Тудо горчице нӧшмӧ гай

3SG горчица семя EQU

б. ТАТАРСКИЙ

Ул – горчица орлыг-ы кебек

3SG горчица зерно-POSS.3SG EQU

в. ТАДЖИКСКИЙ

мисл-и дона-и хардал-ест

похожий-EZ зерно-EZ горчица-COP

‘Оно — **как** горчичное зерно...’ [Мк. 4:31]

Таким образом, расширение выборки прототипичных контекстов требует включения примеров со структурой аналогичной (3.17) не только с целью выявления сравнительных предикатов, но и ввиду возможного сильного смешения стратегий (3.16) и (3.17) в переводе на конкретный язык.

¹⁸ Женский род предиката ὁμοία (*homoia*) ‘подобна’ в древнегреческом оригинале объясняется согласованием с формой βασιλείαν ‘царство’, имеющей женский род.

Рассмотрим отдельно контекст (3.21). Данный пример примечателен тем, что он единственный из всех отобранных контекстов выражает количественное сравнение. В переводах из нашей выборки на марийские и пермские языки в этом контексте используется специальный количественный сравнительный маркер — луговой марийский *наре*, горномарийский *нӱрӱ* (3.21а), удмуртский, коми-зырянский *мында* (3.21б), коми-пермяцкий *мымда*.

(3.21) а. ГОРНОМАРИЙСКИЙ

а нӱнӱ-н шот-ышты тангыж ошма пӱрцӱк нӱрӱ.

а они-GEN число-POSS.3PL море песок крупинка APPR

б. УДМУРТСКИЙ

со-ос-лэн лыд-зы – зарезь-ысь луо мында.

он-PL-GEN число-POSS.3PL море-EL песок APPR

‘<...> число их как песок морской.’ [Откр. 20:7]

Таким образом, данный контекст может выявлять особые способы оформления стандарта сравнения при количественном сравнении. Отметим, впрочем, что в осетинском (3.22а) и таджикском (3.22б) переводах использованы эквативный падеж *-ау* и предлог *мисл-и*, несмотря на наличие в этих языках специальных маркеров, выражающих количественное сравнение, что проиллюстрировано в (3.23) и (3.24).

(3.22) а. ОСЕТИНСКИЙ

уы-дзысты денджыз-ы змис-ау бирæ.

быть-FUT.3PL море-GEN песок-EQU много

Букв. ‘будет (их) много, как морского песка’.

б. ТАДЖИКСКИЙ

шумора-и он-ҳо мисл-и рег-и баҳр аст.

число-EZ он-PL подобно-EZ песок-EZ море COP.PRS.3SG

‘<...> число их как песок морской.’ [Откр. 20:7]

ОСЕТИНСКИЙ

(3.23) *Алан-мæ ис Мадинæ-йы бæри чингуы-тæ.*

Алан-ALL EXST Мадина-GEN около книга-PL

‘У Алана (примерно) столько книг, сколько у Мадины’

ТАДЖИКСКИЙ

(3.24) *Ин тарбуз ду кило барин вазн дор-ад.*

этот арбуз два килограмм подобно вес иметь-PRS.3SG

‘Этот арбуз весит примерно два килограмма’. [TPC 2006: 73]

3.3.2. Прототипичность стандарта сравнения

Помимо структурных особенностей СрК, еще одним важным критерием классификации контекстов является прототипичность стандарта сравнения. Напомним, что в определении прототипичности стандарта мы следуем за Т. Штольцем, предложившим релевантные морфосинтаксические и семантические признаки [Stolz 2013: 30], подробнее см. раздел 1.3.

Наиболее прототипичны местоимения, имена без зависимых, связанные с подлежащим (3.25); наименее прототипичны стандарты сравнения, выраженные не именными группами, а, например, целыми клаузами (3.26) или адложными группами (3.27).

(3.25) стандарт — именная группа без зависимых, связана с подлежащим

тогда праведники воссияют, как солнце [Мф. 13:43]

(3.26) стандарт — клауза

прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. [Мф. 6:12]

(3.27) стандарт — предложная группа

да будет воля Твоя и на земле, как на небе [Мф. 6:10]

Косвенный аргумент в пользу решения отнести контекст в (3.27) к непрототипичным — использование клаузальных стандартов в переводах на некоторые языки из нашей выборки, как, например, в осетинском (3.28).

(3.28) *Уæларв-ы куд у, афтæ зæхх-ыл дæр*
 небо-IN как быть.PRS.3SG так земля-SUPER ADD
уæд Дæ фæндон.
 быть.IMP.3SG ты.GEN желание
 ‘да будет воля Твоя и на земле, как на небе’ [Мф. 6:10]

3.3.3. Промежуточные выводы по разделу 3.3

Таблица 3.3 представляет классификацию контекстов по совокупности двух критериев. Указанное количество контекстов — максимально возможное для каждой группы и может отличаться при рассмотрении конкретных примеров в конкретном языке. В столбцах «Позиция стандарта относительно параметра (предиката)» и «Стандарт прототипичен» указан ожидаемый параметр на основе анализа группы контекстов. Тем не менее в некоторых случаях стратегия выражения сравнительного значения в том или ином контексте может отличаться от ожидаемой. Подобные случаи будут прокомментированы в разделе 3.4.

Таблица 3.3. Основные группы контекстов в зависимости от прототипичности и позиции стандарта сравнения

Группа контекстов	Критерий		Количество контекстов
	Структурная позиция стандарта сравнения в СрК	Стандарт прототипичен	
Непредикативные прототипичные	Стандарт является зависимым прилагательного-параметра или предиката	да	32
Непредикативные непрототипичные	Стандарт является зависимым прилагательного-параметра или предиката	нет	15
Предикативные	Стандарт входит в предикативную группу	да	53

3.4. Структурная параллельность контекстов между переводами

Выборка в текущем исследовании насчитывает 14 языков, которые представляют три языковые семьи и 10 языковых (под)групп¹⁹. Окончательное решение о сохранении контекста в ядерной группе принимается, если контекст сохраняет структуру СрК в семи из десяти языковых групп, то есть в 70% случаях.

3.4.1. Прототипичные контексты

Все контексты отвечают заданным требованиям и остаются в ядерной части прототипичной группы итоговой выборки. Вместе с тем в отдельных переводах могут быть некоторые несоответствия. Например, СрК отсутствует в персидском переводе стиха Откр. 10:10 (...и она в устах моих была сладка, как мёд...), при этом остается в таджикском — представителе той же группы иранских языков.

Помимо этого, некоторые контексты в переводах на отдельные языки демонстрируют непрототипичную стратегию выражения стандарта сравнения — ср., например, Мк. 22:39 в переводе на осетинский язык (3.29), а также Откр. 6:11 в переводах на английский язык (3.30).

ОСЕТИНСКИЙ

(3.29) Уарз хион-ы, дахи куыд уарз-ыс,
любить.IMP родной-GEN ты_сам.GEN как любить-PRS.2SG

афтæ

так

‘Возлюби ближнего твоего, как самого себя’. [Мф. 22:39]

АНГЛИЙСКИЙ

(3.30) a. *until their fellowservants also and their brethren, that should be killed as they were, should be fulfilled.* [KJB]

¹⁹ Мы рассматриваем две подгруппы иранских языков: восточно-иранскую (осетинский) и западно-иранскую (персидский, таджикский). Как показано в [Синицына 2025], система выражения эквативных и симилятивных отношений в осетинском языке довольно сильно отличается от систем западно-иранских языков — таджикского и белуджского.

б. *until both the number of their fellow servants and their brethren, who would be killed as they were, was completed.* [NKJV]

‘пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число.’ [Откр. 6:11]

Тем не менее число «отклонений» для каждого контекста из рассматриваемой группы не превышает оговоренных 30%.

Отдельно рассмотрим стих Мк. 8:24. В переводах на языки из трех языковых групп (чувацкий, татарский, марийские языки) используется глагол зрительного восприятия в значении ‘видеться’, ‘казаться’, ср., например, (3.31).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(3.31) *Эрт-ен ке-шы̄ эдем-вл̄-м уж-ам,*
проходить-RET идти-PTCP.ACT человек-PL-ACC видеть-NPST.1SG
н̄н̄н̄ пуш̄н̄г̄и-л̄ кай-ыт
они дерево-SIM виднеться-NPST.3PL

‘{Он, взглянув, сказал:} вижу проходящих людей, как деревья.’ [Мк. 8:24]

В примере (3.31) слово *пуш̄н̄г̄и* ‘дерево’ оформлено сравнительным падежом *-л̄* (подробно СрК с этим падежом были рассмотрены в главе 2). В переводе аналогичного контекста на чувашский также используется маркер со сравнительным значением (*нек* ‘как’). Таким образом, несмотря на отсутствие СрК с прототипичным стандартом сравнения в указанных языках, данный контекст позволяет зафиксировать еще одно выражение с использованием сравнительных маркеров.

3.4.2. Непрототипичные контексты

Группа непрототипичных контекстов — самая немногочисленная и в то же время довольно неоднородная в плане выбираемых стратегий. Самым спорным контекстом оказался стих Мф. 6:2. СрК присутствует в переводах на удмуртский, чувашский, таджикский и персидский языки; в остальных переводах структура

высказывания перефразирована так, что используются адвербиалы образа действия, ср. (3.32).

ОСЕТИНСКИЙ

(3.32) *Афтæ цæстмæхъус-тæ кæн-ындæ синагогæ-ты æмæ уынд-ты*
так лицемерный-PL делать-PRS.3PL синагога-PL и улица-PL
{Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою,} как делают
лицемеры в синагогах и на улицах... [Мф. 6:2]

Однако и среди переводов, сохранивших СрК, только в таджикском остается непрототипичный клаузальный стандарт, в остальных переводах используется конструкция с прототипичным стандартом, ср. (3.33).

ЧУВАШСКИЙ

(3.33) {*Хайсене сынсем мухтаччър тесе, икӗ питлисем синагогӓсемпе*
урамсенче шӓв-шав кӓларса чухӓнсене пулӓшанси тӓвацӓщӓ.}

Ӕнтӓ эсӓ вӓсем нек ан пул.

PTCL ты они EQU NEG быть.IMP.2SG

{Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди.}

Букв. {Чтобы их прославляли люди, лицемеры шумели в синагогах и на улицах, делая вид, что помогают бедным.} **Не будь же как они.** [Мф. 6:2]

Таким образом, контекст (3.33) в переводе на чувашский язык перешел из непрототипичной группы в группу с предикативными контекстами. Подобные переходы могут быть обусловлены структурными особенностями сравнительных конструкций в конкретных языках — например, запретом на финитные стандарты сравнения при определенных маркерах (подобные случаи в горномарийском и осетинском языках были рассмотрены в разделе 2.3.2). Из переводов на луговой марийский и горномарийский языки только два контекста представляют собой конструкцию с финитным стандартом, вводимым сравнительным союзом *кузе / кыце* ‘как’ (Ин. 15:12, Откр. 18:6). В переводе на татарский язык, кроме двух

контекстов без СрК, все остальные сравнительные конструкции не имеют финитных клаузуальных стандартов.

3.4.3. Предикативные контексты

Наконец, рассмотрим контексты, стандарт сравнения в которых является частью предикативной группы. Такой подход объединяет конструкции со структурами (3.16) и (3.17), примеры которых из русского Синодального перевода представлены в (3.34) и (3.35) соответственно.

(3.34) *головы у коней* — *как* *головы у львов* [Откр. 9:17]

(3.35) *а хвосты их были подобны змеям* [Откр. 9:19]

Эта группа не является однородной, причем в части контекстов со сравнительным предикатом наблюдается бóльшая вариативность в плане выбора средств выражения сравнительного отношения и сохранения структуры СрК.

Довольно распространены случаи, когда в конкретном языке ожидаемо предикативная СрК фактически содержит параметр или полнозначный предикат, зависимым которого является стандарт сравнения. Можно отметить два стиха, в переводах которых такое происходит последовательно: Откр. 6:12; Мк 9:26.

В первом контексте предикативная конструкция сохраняется в удмуртском переводе (3.36а), в то время как в остальных переводах СрК либо отсутствует (персидский, коми-зырянский, коми-пермяцкий), либо имеет другую структуру — ср. (3.36б) из горномарийского перевода и его буквальный перевод.

(3.36) а. УДМУРТСКИЙ

толэзь вир кадь лу-и-з.

луна кровь EQU быть-PST-3SG

б. ГОРНОМАРИЙСКИЙ

тбылзы вёр гань-ыш сёр-н-ялт-ын.

луна кровь EQU-ATTR вращать-DETR-MED-PRET

Букв. ‘обернулась похожей на кровь’

‘и луна сделалась как кровь.’ [Откр. 6:12]

Аналогичная ситуация наблюдается в Мк. 9:26 за исключением того, что предикативная стратегия сохраняется в трех переводах: в горномарийском и луговом марийском, а также удмуртском. Единичные случаи таких переходов зафиксированы и среди контекстов со сравнительным предикатом:

ОСЕТИНСКИЙ

(3.37) *Йæ къæх-тæ зынг æрхуы-йау Кæмаен æрттив-ыци, Уый*
POSS.3SG нога-PL огонь медь-EQU кто.DAT блестеть-PRS.3PL 3SG
'у Которого очи, как пламень огненный, и ноги подобны
халколивану' [Мк. 9:26]

Букв. 'Он, чьи ноги блестят как огненная медь'

Также в ряде татарских и чувашских переводов из-за перефразирования интересующий нас отрывок не совпадает с отрывками из переводов на другие языки. Подобное начало (с незначительными изменениями) повторяется в следующих стихах: Мф. 13:24, 13:33, 13:44, 13:45, 13:47, 20:1, 22:2, 25:1. В переводе на другие языки этому соответствует конструкция с именным стандартом, как в Синодальном переводе (3.38).

ТАТАРСКИЙ

(3.38) *Күк-ләр Патшалыг-ы нәрсә-гә охша-ган?*
небо-PL царство-POSS.3SG что-DAT походить-PFCT
Күз ал-дыгыз-га кит-ер-егез:
глаз перед-POSS.2PL-DAT пойти-CAUS-IMP.PL

'Ещё Царство Небесное подобно купцу, который ищет прекрасный жемчуг. [Мф. 13:45]

Букв. 'На что похоже Царствие небесное? Представьте перед своими глазами: {купец ищет хороший жемчуг.}'

Так как в данных контекстах сравнительная конструкция фактически сохранена и в татарском, и в чувашском, эти контексты остаются в выборке.

В то же время СрК отсутствует в переводах стиха Откр. 13:4 на осетинский и на удмуртский языки. Перевод релевантной части этого стиха на коми-зырянский

(3.39a) предполагает третьего участника ситуации, непосредственно сравнивающего два объекта. Мы не рассматриваем подобные контексты, так как значение таких выражений отличается от значений СрК, в частности, на первый план здесь выходит не сопоставление одного объекта с другим по некоторой характеристике, а сам факт осуществления сравнения третьим участником. Тем не менее наличие СрК в коми-пермяцком переводе (3.39б) позволяет считать данный контекст сравнительным в языках пермской группы и оставить в итоговой выборке.

(3.39) а. КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

Код-ӧс позьӧ ӧткодяв-ны тайӧ звер-ыс-кӧд?

кто-ACC можно равнять-INF этот зверь-POSS.3SG-COM

букв. ‘кого можно сделать одинаковым с этим зверем?’

б. КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

Кин-кӧ эм я эттиӧм вӧрна кодъ-ыс?

кто-INDEF EXST PTCL такой зверь как-POSS.3SG

букв. ‘Есть ли кто-то (такой), как такой зверь?’

‘...кто подобен зверю сему?’

Выводы к главе 3

В третьей главе были рассмотрены возможности отбора и классификации эквативных конструкций на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета с помощью типологически релевантных критериев.

Во-первых, были представлены релевантные контексты из шести книг Нового завета (Мф., Мк., Ин., Лк., Деян., Откр.), отобранные на материале 14 языков, представляющих десять языковых групп в трех языковых семьях. Для классификации отобранных контекстов были использованы следующие критерии:

- позиции стандарта относительно признака или параметра сравнения;
- (не)прототипичности стандарта сравнения.

На основании данных критериев были выделены три группы сравнительных контекстов: прототипичные, непрототипичные и предикативные. Группа

предикативных контекстов фактически объединяет два структурных типа СрК. Как показало текущее исследование, несмотря на структурные отличия конструкций со сравнительным предикатом (например, *подобен, похож*) от СрК, в которых входящий в предикативную группу стандарт оформлен специальным сравнительным показателем, данная группа имеет сильные межъязыковые пересечения в плане выбора средств для выражения сравнительных отношений.

Во-вторых, группы контекстов были проанализированы относительно структурной параллельности выражения сравнительных отношений в переводах на разные языки. Результаты показали, что большинство первично отобранных контекстов последовательно сохраняют структурный параллелизм.

Таким образом, отобранные нами контексты распределены по значимым семантическим и структурным категориям и с большой вероятностью будут соответствовать предложенным параметрам в переводе на новый язык. Это позволит описать особенности выражения эквативных конструкций на материале текстов Нового Завета с достаточной степенью подробности в случае отсутствия других источников данных.

Полный список контекстов представлен в таблице 3.4. В случае, если в одном стихе несколько клауз относятся к нашей выборке, в скобках указывается соответствующая часть или количество релевантных контекстов.

Также в ходе исследования были отмечены контексты со сравнительными маркерами, не относящиеся непосредственно к СрК. В следующей главе мы остановимся подробнее на исследовании полисемии сравнительных показателей и рассмотрим возможные семантические механизмы сочетания в одном маркере нескольких значений, а также продолжим типологическое исследование эквативных маркеров в уральских, тюркских и иранских языках на предмет выявления моделей полисемии.

Таблица 3.4. Итоговая выборка эквативных контекстов по текстам Нового Завета

Структурная группа контекстов	Контексты по степени сохранения параллельности структуры	
	Ядерные	Периферийные
Непредикативные прототипичные	<p>Мф. 6:7, 6:29, 9:36, 10:16 (2 контекста); 12:13, 13:43, 18:4, 19:19, 22:39, 28:3;</p> <p>Мк. 8:24, 10:15, 12:31, 12:33;</p> <p>Лк. 10:27, 12:27, 18:17;</p> <p>Ин. 7:46, 15:6;</p> <p>Деян. 8:32;</p> <p>Откр. 1:17, 2:27, 3:3, 6:11, 6:12, 6:14, 9:2, 10:9, 10:10, 16:15, 21:21</p>	—
Непредикативные непрототипичные	<p>Мф. 5:48, 6:10, 6:12, 18:33;</p> <p>Лк. 6:36;</p> <p>Ин. 5:23, 15:12;</p> <p>Деян. 7:28, 11:15;</p> <p>Откр. 6:13, 10:3, 23:37</p>	<p>Мф. 6:2;</p> <p>Лк. 11:1;</p> <p>Откр. 18:6</p>
Предикативные	<p>Мф. 6:5, 10:25 (два контекста); 11:16; 18:3</p> <p>Мк. 4:31, 4:26, 6:34;</p> <p>Лк. 6:40, 7:31; 7:32; 11:44, 13:21; 22:26 (вторая часть);</p> <p>Откр. 1:14, 1:15 (два контекста), 1:16, 2:18 (два контекста), 4:7 (вторая, четвертая части); 9:7 (два контекста), 9:8 (два контекста), 9:17, 9:19; 10:1 (два контекста), 13:2 (три контекста); 20:7; 21:18</p>	<p>Мф. 13:24; 13:33; 13:44; 13:45; 13:47; 13:52; 20:1; 22:2; 25:1; 28:3</p> <p>Мк. 9:26;</p> <p>Лк. 13:18; 13:19; 22:26 (первая часть)</p> <p>Откр. 4:7 (первая часть); 6:12; 9:9; 13:4</p>

Глава 4. Полисемия эквативных показателей

В данной главе мы сфокусируемся на эквативных маркерах стандарта, которые могут употребляться не только в СрК, но и в других контекстах (например, функцивах или клаузах соответствия, о чем уже было кратко сказано в главе 3). На примере различных контекстов употребления сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка мы предложим семантический анализ, объединяющий все его функции через сравнительное значение (раздел 4.1).

Кроме этого, мы рассмотрим полисемию сравнительных показателей в типологической перспективе на материале уральских, тюркских и иранских языков, которые прежде практически не попадали в ареально-типологические выборки соответствующей тематики (раздел 4.2).

4.1. Полисемия маркера *kad'*

в татышлинском говоре удмуртского языка

4.1.1. История исследования маркера *кадь* (*kad'*) в удмуртском языке

В грамматических описаниях удмуртского литературного языка обсуждается несколько функций маркера *кадь*.²⁰ Прежде всего *кадь* описывается как служебное слово со сравнительным значением [ГСУЯ 1962: 331; Яшина 1963: 5]. Р. И. Яшина подробно рассматривает сочетаемостные характеристики этого маркера и отмечает, что *кадь* может присоединяться к стандартам сравнения, выраженным существительными с притяжательными или падежными суффиксами, послеложными группами (4.1), нефинитными глагольными формами (4.2) и наречиями [Яшина 1963: 12–20].

²⁰ Здесь и далее запись в литературной удмуртской орфографии используется при отсылке к словам в литературном варианте удмуртского языка; слова из татышлинского говора удмуртского языка передаются в системе записи, принятой в исследовательском проекте.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.1) *Со-ос сьӧд нюлэс пӧл-тӱ пушнер пӧл-тӱ кадь*
он-PL черный лес среда-PROL крапива среда-PROL как
ветл-о был-эм.

ходить-PRS.3PL быть-PST2

‘Они ходили по лесу, как по крапиве’ [Яшина 1963: 9]

(4.2) *Вал лобӓ-ем кадь кошк-е.*
лошадь взлететь-PTCP.PST как уйти-PRS.3SG

‘Лошадь несется стрелой’ (букв. ‘лошадь уходит подобно взлетевшей’)

[Яшина 1963: 14]

Помимо употребления в сравнительных конструкциях, грамматики литературного удмуртского описывают *кадь* как частицу с ирреальным значением (4.3), которая вносит в предложение «оттенок неопределенности, ирреальности действия» и подчеркивает, что «речь идет о действии кажущемся, предполагаемом» [Яшина 1963: 38]. В этой функции маркер не имеет ограничений на позицию в предложении (с некоторыми оговорками), а также на сочетаемость со знаменательными словами. Последнее утверждение проиллюстрировано в (4.3), где *кадь* употребляется при финитном глаголе, что запрещено в СрК [Яшина 1963: 38–39; ГСУЯ 1970: 126–129].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.3) *Корепанов туннэ мунчо лэсьт-э кадь. Озыы вера-Ӧ-зы.*

Корепанов сегодня баня делать-PRS.3SG как так говорить-PST-3PL

‘Корепанов сегодня как будто строит баню. Так говорили’.

[ГСУЯ 1970: 127]

Как отмечает Р. И. Яшина, частица *кадь* изначально относится к глаголу и характеризует действие как предполагаемое. При перестановке *кадь* смещает акцент на слово, после которого оно стоит, но тем не менее «[о]тенок нереальности, неопределенности действия ... сохраняется, хотя и в ослабленном виде» [Яшина 1963: 39], ср. (4.4).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.4) *Завод-э кадь весь öт-е мон-э кужым-ез*
 завод-POSS.1SG как постоянно звать-PRS.3SG я-ACC сила-ACC
сайка-т-йсь гур-ен-ыз.

просыпаться-CAUS-PTCP.ACT напев-INS-POSS.3SG

‘Как будто мой завод постоянно зовет меня своими пробуждающими силу гудками’. [Яшина 1963: 39]

В [Тертиук 2019: 127–129] на материале литературного удмуртского описываются примеры использования исследуемого показателя при глаголах речи и мысли. В таких контекстах *кадь* указывает на то, что между тем, что произносит говорящий, и исходным высказыванием может быть несоответствие. Например, в (4.5) говорящий таким образом дает понять, что его цитата строчки из стихотворения удмуртского поэта может быть не совсем точна.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.5) *taze odno gožty šu-i-z, kad': stydno za parnej,*
 DEM.ACC один строка.ACC говорить-PST-3SG как
pi-os-len övöl koñdon-zy: nyl-jos-len vañ.

мальчик-PL-GEN NEG деньги-POSS.3PL девочка-PL-GEN имеется

‘В одной из строчек говорилось, типа: стыдно за парней, у парней нет денег, а у девушек есть’. [Тертиук 2019: 128]

В [ГСУЯ 1970: 129; 131–132; 140] отдельно описаны случаи употребления *кадь* в конструкциях с глаголом *кариськыны* ‘делаться, становиться’ (4.6) и с глаголом *потыны* ‘выходить’ (в значении ‘казаться’) (4.7). Авторы грамматики указывают на сравнительное значение *кадь* в данных контекстах, но не уточняют ни частеречную принадлежность, ни иные свойства этих конструкций.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.6) *Тон из-исько-Ø кадь кар-иськ-и-д.*
 ты спать-PRS-1SG как делать-DETR-PST-2SG

‘Ты делал вид, что спишь’. [ГСУЯ 1970: 132]

(4.7) *Мон ач-им вамышья-сько-Ø кадь пот-йсько-Ø...*
 я REFL-POSS.1SG шагать-PRS-1SG как выйти-PRS-1SG

‘Мне кажется, что я как будто шагаю {но, оказывается, лежу на спине}’.

[ГСУЯ 1970: 130]

В грамматиках приводятся примеры сочетания сравнительного маркера *кадь* с причастными формами на *-оно* в предикативной функции (4.8), и, как правило, со вспомогательным глаголом *кариськыны* ‘делать-DETR-INF’ или *луыны* ‘становиться’. Комментариев относительно семантики таких конструкций не приводится.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

(4.8) *Дэри-е выд-оно кадь кар-иськ-е, кезьыт*
 грязь-ILL ложиться-DEB как делать-DETR-PRS.3SG холодный
ошмес-э йыр-зэ донг-оно кадь лу-э.

ручей-ILL голова-ACC.POSS.3SG толкать-DEB как становиться-PRS.3SG

‘Как будто готов лечь в грязь, готов головой окунуться в холодный ключ’.

[ГСУЯ 1970: 141]

Функция количественной приблизительности у *kad'* упоминается в описании татышлинского говора, см. (4.9). Данный пример, однако, содержит еще один показатель, способный привносить аппроксимативное значение: *оʔ* (*og*) ‘один’. В связи с этим, опираясь лишь на данный пример, сложно судить о роли *kad'* именно как маркера приблизительности. А. Байдуллина не описывает дистрибуцию *kad'* в качестве показателя приблизительности и не приводит дальнейшего сравнения семантических и структурных особенностей приблизительных конструкций с *kad'* и другими маркерами приблизительности, например, *mânda*.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.9) *оʔ vić kilometâr kad' li-o-z dâr.*
 один пять километр как стать-FUT-3SG наверно

‘Приблизительно пять километров будет, наверно’. [Baidoullina 2003: 109]

Грамматические описания литературного удмуртского не обсуждают

возможность *кадь* употребляться в количественных конструкциях в качестве маркера приблизительности наряду с такими маркерами, как *мында*, *ёрос* и др. (*килограмм ёрос* ‘около килограмма’, *центнер мында* ‘около центнера’ [ГСУЯ 1962: 322]). В работе [Стрелкова 2013: 78–92], где перечисляются различные стратегии выражения приблизительности в удмуртском языке, стратегия с *кадь* также отсутствует.

Таким образом, для литературного удмуртского *кадь* приводятся довольно подробные сведения относительно его употребления в СрК и в качестве частицы с ирреальным значением. Менее детально описаны конструкции с глаголами *потыны* ‘выходить’ в значении ‘казаться’ и *кариськыны* ‘делать-DETR-INF’ в значении ‘делать вид’. В частности, для конструкций с *кариськыны* отмечается кореферентность субъектов в главной и зависимой части [ГСУЯ 1970: 132–134]. В то же время для таких конструкций подробно не описаны иные способы выражения зависимой части — например, с помощью именной предикации. Исследования [Шутов 2002; Уткина 2022], посвященные полипредикативным конструкциям в литературном удмуртском, вообще не рассматривают такие контексты. Функционирование маркера *кадь* в сочетании с причастиями на *-оно* и в составе количественных конструкций фактически не обсуждается на материале литературного варианта удмуртского языка.

4.1.2. Предварительные теоретические замечания

Существуют исследования, посвященные формальному семантическому анализу показателей со сравнительным значением. Например, работа [Bochnak, Csipak 2014] посвящена семантике английского аффикса *-ish*, который может выступать как степенной модификатор при скалярных прилагательных (4.10), существительных (4.11), а также целых высказываниях (4.12).

(4.10) *Sam is tallish.*

‘Сэм типа высокий’. [Bochnak, Csipak 2014: 433]

(4.11) *The cake has a coffee-ish flavor.*

‘Этот пирог имеет кофейный привкус’. [Bochnak, Csipak 2014: 433]

(4.12) *I liked the movie ...ish.*

‘Мне понравился фильм... вроде бы’. [Bochnak, Csipak 2014: 433]

Исследование [Anderson 2013], посвященное анализу семантики маркера *sorta* в английском языке, рассматривает этот маркер как неопределенное выражение, или хедж (англ. hedge), расширяющее прагматически допустимый диапазон высказывания.

Функция таких неопределенных выражений — представить вещи более или менее неясными [Lakoff 1973: 471]; выразить оценку избранной номинации или высказывания в целом как не вполне точных, подходящих или достоверных [Fleischman, Yaguello 2004]. В [Brown, Levinson 1987: 145] хеджи определяются как модифицирующие степень принадлежности предиката или именной группы к некоторому множеству в бóльшую или меньшую степень истинности.

Последнее определение приводит к идее наличия у некоторых выражений прагматически допустимого диапазона значений (pragmatic halo) [Lasersohn 1999]. Например, выражение *3 часа* значит не только непосредственно 3 часа 00 минут, но также включает ближайший временной диапазон (например, от 2 часов 55 минут до 3 часов 5 минут). В этом случае высказывание *Вася пришел в три часа* будет верным, если на самом деле Вася пришел в 2 часа 59 минут, так как это время попадает в допустимый диапазон.

Различные выражения могут сужать допустимые диапазоны, как, например, *точно* в *Вася пришел точно в три часа*, или, наоборот, расширять их. Последнее справедливо для английского маркера *sorta* в (4.13):

(4.13) *He sorta swam over to the boat.*

‘Он типа подплыл к лодке’.

= ‘Он двигался в сторону лодки таким образом, что это подходит под понятие ‘плыть’.’ [Anderson 2013: 84]

В простом случае, когда *sorta* модифицирует скалярные прилагательные (4.14), К. Андерсон рассматривает его как оператор, указывающий на то, что задаваемая с помощью него степень признака близка к некоторому стандарту. Пример (4.14) значит, что Билл обладает признаком ‘быть высоким’ и степень этого признака близка к росту прототипически высокого человека.

(4.14) *Bill is sorta tall.*

‘Билл типа высокий’. [Anderson 2013: 83]

Анализ сочетания хеджей типа *sorta* с не скалярными предикатами, как, например, *swim* ‘плыть’ в (4.13), требует ввода некоторой прагматической шкалы. К. Андерсон, опираясь на исследование [Morzycki 2011], посвященное металингвистическим компаративам (*он скорее умный, чем красивый*), рассматривает прагматические диапазоны как множества альтернатив, упорядоченные в зависимости от близости к исходному значению в заданном контексте. В то же время в [Anderson 2013] нет детальных пояснений того, каким образом происходит вычисление и упорядочивание альтернатив.

Отличие нашего подхода от подходов [Morzycki 2011; Anderson 2013] состоит в том, что мы опираемся на сопоставление эталонного и наблюдаемого события. Предположим, что каждой ситуации можно сопоставить некоторый эталонный набор признаков, которые определяют данную ситуацию и отличают ее от других. Чем больше признаков из этого набора говорящий может наблюдать, тем точнее будет его дискурсивный выбор. Другими словами, мы рассматриваем прагматические диапазоны как множества признаков, релевантных для исходной ситуации в том или ином контексте (С).

Рассмотрим пример (4.15). Ситуацию *быть умным* можно охарактеризовать следующим набором признаков: иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков и так далее.²¹ Множество, содержащее все перечисленные выше признаки,

²¹ Здесь и далее мы приводим наборы признаков в качестве иллюстрации. Мы допускаем возможность варьирования признаков в зависимости от говорящего и оставляем вопрос о степени индивидуальных различий для дальнейших исследований.

соответствует случаю, когда степень точности дискурсивного выбора (d) равна единице. Чем меньше признаков применимы в конкретной ситуации, тем меньше значение степени и тем в общем случае больше у говорящего альтернативных способов описания ситуации. Мы оставляем для дальнейших исследований поиск точного механизма выбора говорящим того или иного способа описания ситуации, но предполагаем, что сравнение наблюдаемой ситуации с эталонной по некоторому набору признаков может быть основанием для неточного, но наиболее удачного в конкретной ситуации, дискурсивного выбора.

(4.15) а. умный^{1;C} = {иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

б. умный^{0,8;C} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

в. умный^{0,6;C} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память}

Таким образом, неопределенные выражения могут оперировать шкалой (не)точности, задаваемой через набор релевантных для ситуации признаков, и сравнивать текущий способ описания ситуации с представлением говорящего об уместности такого описания в заданном контексте. Данная шкала вводится при помощи специального оператора, функция которого — преобразование нестепенного предиката в степенной. Степень, которую вводит оператор, должна быть близка к стандартной степени точности в данном контексте.

В следующем разделе мы проанализируем механизм функционирования маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка в выявленных контекстах его употребления.

4.1.3. Анализ употребления маркера *kad'*

в татышлинском говоре удмуртского языка

4.1.3.1. Сравнительные и аппроксимативные конструкции

Свойства *kad'* как маркера стандарта сравнения в татышлинском говоре в целом совпадают с описанием Р. И. Яшиной литературного варианта. Если стандарт соотносится с объектом сравнения в косвенной синтаксической позиции, падежное оформление сохраняется. В противном случае стандарт может быть связан с подлежащим, что не всегда прагматически приемлемо. В (4.16) косвенное дополнение *vilka-jen* (вилка-INS) ‘вилкой’ сравнивается со стандартом сравнения *pun'i-jen* (ложка-INS) ‘ложкой’, падежное оформление которого совпадает с оформлением дополнения из главной части.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.16) *so alma-jez pun'i-jen / #pun'â kad' vilka-jen s'i-e.*

он картошка-ACC ложка-INS ложка как вилка-INS есть-PRS.3SG

‘Он ест картошку вилкой как ложкой’.

#‘Он ест картошку ложкой, как вилка (ест картошку)’.

Помимо именных групп, стандартом сравнения могут быть нефинитные глагольные формы (4.17), наречия (4.18), послеложные группы, сохраняющие послеложное оформление аналогично именным группам в косвенных падежах (4.19). Единственное ограничение — стандарт сравнения не может быть выражен финитной формой глагола (4.20).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР), нефинитные глагольные формы

(4.17) а. *pet'a vas'a-len ekt-em-ez kad' /*

Петя Вася-GEN танцевать-NMLZ-POSS.3SG как

vas'a ekt-em kad' alama kêrž'a-∅.

Вася танцевать-NMLZ как плохой петь-PRS.3SG

‘Петя поет так же плохо, как Вася танцует’.

б. *mon s'iâ-nâ iz'â-nâ kad' ž'arat-is'ko-∅.*

я есть-INF спать-INF как любить-PRS-1SG

‘Я люблю есть так же, как спать’.

наречия

(4.18) *otân tatân kad' šunât.*

там.LOC тут.LOC как тепло

‘Здесь тепло, как там’.

последеложные группы

(4.19) *val asfal't vâl-ti muzz'em *(vâl-ti) kad'*

лошадь асфальт верх-PROL земля верх-PROL как

vorttâ-l-e.

бежать_рысью-ITER-PRS.3SG

‘Лошадь бегаёт по асфальту, как по земле’.

финитные глагольные формы

(4.20) **pet'a vas'a ekt-e kad' alama kârž'a-∅.*

Петя Вася танцевать-PRS.3SG как плохой петь-PRS.3SG

Ожидаемое значение: ‘Петя поёт так же плохо, как Вася танцует’.

Маркер *kad'* конкурирует с другим сравнительным маркером *s'äin* ‘подобно’ (литературный вариант — *сямен*), см. (4.21). Последний менее предпочтителен при сравнении по признаку (4.22) и вовсе запрещен в предикативных контекстах (4.23).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР), сравнение по образу действия

(4.21) *pet'a ton kad' / s'äin ekt-e.*

Петя ты как подобно танцевать-PRS.3SG

‘Петя танцует как ты’.

сравнение по признаку

(4.22) *pet'a vas'a kad' / ?s'äin d'užât.*

Петя Вася как подобно высокий

‘Петя высокий, как Вася’.

предикативный контекст

(4.23) *so azves' s'äs'ka kad' / *s'äin.*

тот серебряный цветок как подобно

‘Она похожа на серебряный цветок’.

В сравнительных конструкциях со стандартом в предикативной позиции возможно согласование *kad'* по числу с объектом сравнения (4.24). В данном случае используется адъективный маркер множественного числа *-es'*, как и при согласовании прилагательных в предикативной позиции (4.25), а не субстантивный показатель *-jos*. Подробнее вопрос согласования прилагательных в предикативной позиции в (литературном) удмуртском рассматривается в [Edygarova 2017: 314].

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.24) *ta nâl-jos mânânt urom-e kad'-es' / *kad'-jos.*

этот девушка-PL я.GEN друг-POSS.1SG как-PL.ADJ как-PL

‘Эти девушки похожи на мою подругу’.

(4.25) *...no dâšet-is'-jos mil'am äjbät-es' val...*

но учитель-PTCP.ACT-PL мы.GEN хороший-PL.ADJ быть.PST

‘...но учителя у нас были хорошие...’ [КТУ]

Мы предполагаем, что семантика *kad'* как маркера стандарта заключается в том, что *kad'* сопоставляет две пропозиции и возвращает истинностное значение, если они совпадают по какому-то параметру — образу действия или признаку (4.21)–(4.23), причем признак может пониматься очень широко, ср., например, (4.27), где говорится об одинаковом происхождении двух человек.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.27) *so pet'a kad' udmurt'i-is'.*

тот Петя как Удмуртия-EL

‘Он, как и Петя, из Удмуртии’.

= ‘И он из Удмуртии, и Петя из Удмуртии’.

По большей части *kad'* в функции аппроксимативного маркера имеет ту же дистрибуцию, что специализированные маркеры приблизительности, например, *mânda*, подробнее см. [Винклер 2024a]. Единственное отличие — меньшая приемлемость *kad'* в количественных конструкциях с числительными (4.28). Также в данном примере носители разошлись в оценке линейной позиции, допустимой

для *kad'*, в то время как для специализированных аппроксимативных маркеров (4.29) суждения более последовательны.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.28) *ʔkino-je lâkt-i-zê s'ù murt kad' / s'ù kad' murt.*
гость-ILL приходить-PST-3PL сто человек как сто как человек'
В гости пришло где-то сто человек'. [Винклер 2024а: 56]

(4.29) а. *kino-je lâkt-i-zê s'ù mânda murt / s'ù ž'oros murt.*
гость-ILL приходить-PST-3PL сто APPR человек сто APPR человек
б. **kino-je lâkt-i-zê s'ù murt mânda / s'ù murt ž'oros.*
гость-ILL приходить-PST-3PL сто человек APPR сто человек APPR
'В гости пришло где-то сто человек'. [Синицына и др. 2024: 97]

Таким образом, можно предположить, что функция *kad'* как аппроксимативного маркера еще не до конца устоялась в системе татышлинского говора удмуртского языка. Относительная приемлемость финальной позиции *kad'* в (4.28) при запрете такой позиции для маркеров *mânda* и *ž'oros* в (4.29б) свидетельствует о том, что при таком порядке *kad'* мог быть расценен носителями как частица с ирреальным значением.

Семантический принцип функционирования *kad'* в аппроксимативных количественных конструкциях не отличается от принципа, описанного для СрК, в которых объект и стандарт сопоставляются по неколичественному признаку. Единственное различие — в количественной интерпретации, которая получается ввиду сопоставления сущностей, где под общим параметром подразумевается количественный признак, например, длина в примере (4.30).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.30) *mi das kilometr kad' s'üres ortč'-i-m.*
мы десять километр как дорога пройти-PST-1PL
'Мы прошли примерно десять километров'.
= 'Мы прошли дорогу (длиной) примерно равную десяти километрам'.

[Синицына и др. 2024: 102]

4.1.3.2. Конструкции с причастием на *-ono*

В грамматических описаниях указывается, что причастная форма на *-ono* / *-ono* имеет значение долженствования (см. [ГСУЯ 1962: 264–266] о литературном варианте и [Baidoullina 2003: 101] о татышлинском говоре удмуртского языка). Данные татышлинского говора удмуртского языка, однако, показывают также наличие значения возможности при атрибутивном употреблении этого причастия, см. (4.31), а также [Мордашова 2023] о типах допустимых модальных значений.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.31) *ta odig gine bas't-ono kn'iga*

этот один только взять-ДЕВ книга

‘{У меня мало денег,} это единственная книга, которую я могу купить.’

[Mordashova 2024: 135]

В предикативной позиции доступно только значение необходимости:

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.32) *mon šukaje gorod-e mæn-ono li-o-Ø.*

я завтра город-ILL идти-ДЕВ быть-FUT-1SG

‘Завтра мне придется поехать в город. {У меня нет выбора}’.

[Mordashova 2024: 135]

Сравнительный маркер *kad'* разрешает неоднозначность формы на *-ono* в пользу возможности, что показано в следующем примере:

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.33) а. *so-os van' s'i-ono daru-zes kušt-i-zê.*

тот-PL весь есть-ДЕВ лекарство-ACC.POSS.3PL бросать-PST-3PL

‘Они выбросили все лекарства, которые должны были /могли принимать’.

б. *so-os van' s'i-ono kad' daru-zes kušt-i-zê.*

тот-PL весь есть-ДЕВ как лекарство-ACC.POSS.3PL бросать-PST-3PL

‘Они выбросили все лекарства, которые могли принимать {у которых еще не истек срок годности} /*должны были принимать’.

[Mordashova 2024: 136]

Употребляясь в предикативной позиции с пациентивным субъектом, конструкция *V-ono + kad'* получает проспективную интерпретацию, при которой описываемая ситуация очень близка к осуществлению.²² Проспективное прочтение конструкций *V-ono + kad'* возможно с неодушевленными (4.34) или одушевленными пациентивными субъектами, подробнее см. [Мордашова 2021].

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.34) *ta pispu-os pogra-no kad'-(es')*.

этот дерево-PL падать-DEB как-PL.ADJ

‘Эти деревья вот-вот упадут’. [Синицына и др. 2024: 98]

Заметим также, что в (4.35) *kad'* может согласовываться с субъектом во множественном числе, аналогично предикативным симилятивам, ср. пример (4.24), повторенный в (4.35).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.35) *ta nâl-jos tânat urom-e kad'-es'*.

тот девушка-PL я.GEN друг-POSS.1SG как-ADJ.PL

‘Эти девушки похожи на мою подругу’.

Мы анализируем конструкции *V-ono kad'* вместе со сравнительными и количественными конструкциями, так как структурно эти контексты схожи с предикативными СрК. В (4.35) *kad'* вводит именной стандарт сравнения (*urome* ‘моя подруга’), в результате чего высказывание получает базовое сравнительное значение — ‘и X, и Y имеют (внешние) признаки Z’. В (4.34) стандарт сравнения является причастием, в предикативной позиции исходно имеющим значение долженствования.

Принимая во внимание анализ неопределенных выражений как операторов, расширяющих прагматически допустимый диапазон, будем считать, что *kad'* указывает на то, что степень соответствия действительности не достигает единицы. В таком случае допускаются альтернативные характеристики объекта речи в (4.36),

²² Под проспективом понимается указание на подготовительную фазу ситуации, см. [Плунгян 2011: 286].

то есть, исходя из описания модальных значений возможности и необходимости в [Kratzer 1981; von Fintel, Heim 2011], говорящий предполагает существование альтернативных миров, в которых Вася не работает. Таким образом, конструкция *V-ono kad'* трактуется как возможность: ‘такой, как тот, кто должен X’ = ‘может X’.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.36) *vas'a uža-no kad'*.

Вася работать-DEV как

‘Вася уже может работать’ {в силу возраста}. [Мордашова 2021: 21]

= ‘Вася похож на человека, который должен работать’

4.1.3.3. Глагольные конструкции с маркером *kad'*

В татышлинском говоре зафиксированы употребления *kad'* в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* ‘делаться’ и *potânâ* ‘выходить’, характерные и для литературного удмуртского. Конструкция вида *X kad' + karis'kânâ* имеет значение ‘делать вид, что X’ и является одним из способов кодирования значения притворства наряду с суффиксом *-mn'as'k* и конструкцией с глаголом *liänä* ‘быть, становиться’, см. подробнее [Мордашова и др. 2025]. Субъект в главной клаузе предпочтительно должен быть кореферентен субъекту в зависимой предикации, а наиболее приемлемая форма зависимого предиката — причастие на *-(e)m*. Пример (4.37) с кореферентными субъектами разрешается всеми опрошенными носителями с вариантом *užam*, а пример (4.38) с некорреферентными субъектами допустим не во всех идиолектах независимо от формы зависимого предиката.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.37) *mon uža-m / ?uža-j-∅ kad' kar-is'k-i-∅.*

я работать-PTCP.PST работать-PST-1SG как делать-DETR-PST-1SG

‘Я сделал вид, что работал’.

(4.38) *?mon ton dūräs vera-m / ver-a-d kad'*

я ты верный сказать-PTCP.PST сказать-PST-2SG как

kar-is'k-is'ko-Ø.

делать-DETR-PRS-1SG

‘Я делаю вид, что ты ответил правильно’.

Маркер *kad'* — обязательный элемент конструкции с глаголом *potâñâ* ‘выходить’, имеющей значение ‘казаться’, в случае, если зависимая часть выражена финитной клаузой:

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.39) *pet'a-lâ az'palan urom-jos-âz mân-o kad'*

Петя-DAT перед.LOC друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL как

pot-i-z.

выйти-PST-3SG

‘Пете показалось, что впереди идут его друзья’.

В то же время, если зависимое выражено именной предикацией, носители допускают конструкцию со схожим значением без *kad'* (4.40), хотя в корпусе есть и варианты, где *kad'* выражен (4.41).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.40) *ta korka mânâm č'eber pot-e.*

этот дом я.DAT красивый выходить-PRS.3SG

‘Этот дом кажется мне красивым’.

(4.41) *dâšet-is'-jos so vaxât-ân <...> tuž kužmo-jes'-ges*

учить-PTCP.ACT-PL тот время-IN очень сильный-PL.ADJ-CMPR

kad' pot-o val.

как выходить-PRS.3PL быть.PST

‘Учителя в это время... казались сильными’. [КТУ]

Универсальность *kad'* в качестве маркера стандарта позволяет предположить, что в случаях, рассмотренных в разделах 4.1.3.1 и 4.1.3.2, данный маркер сопоставляет объект и стандарт сравнения на предмет (не)точности выбранного описания для характеристики. Этот же механизм функционирования *kad'* переносится на контексты с не заданным очевидным образом стандартом

сравнения с тем различием, что для вычисления степени соответствия реальной ситуации эталонной требуется дополнительная операция, вводящая эталонную ситуацию в семантическое представление.

Рассмотрим пример (4.42). Маркер *kad'* сопоставляет поведение адресатов высказывания с поведением прототипически уставшего человека. Для успешной интерпретации высказывания требуется определить эталонное множество признаков, по которым говорящий мог бы охарактеризовать человека как уставшего: например, такой человек часто зевает, сонный, вялый, раздражительный, жалуется на головную боль и т. д. Говорящий может наблюдать ситуацию, в которой адресаты сообщения часто зевают, жалуется на головную боль и выглядят вялыми, но в то же время выглядят сонными и не раздражены. Говорящий делает выбор в пользу понятия *žad-em* (устать-PTCP.PST), несмотря на неточное совпадение признаков с эталонной ситуацией (4.43а), показывая это с помощью конструкции с маркером *kad'*, задающей более широкий прагматический диапазон допустимых значений.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.42) *ti žad'-em kad' kar-is'k-i-dâ.*

вы устать-PTCP.PST как делать-DETR-PST-2PL

‘Вы сделали вид, что устали’.

(4.43) а. устать^{1;C} = {часто зевать, быть сонным, быть вялым, быть раздражительным, жаловаться на головную боль}

б. устать^{0,8;C} = {часто зевать, быть вялым, жаловаться на головную боль}

Схожим образом *kad'* функционирует в конструкции со значением ‘казаться, что Р’. Пример (4.44) можно буквально интерпретировать как ‘Для Пети выходит ситуация, близкая к ситуации, в которой впереди идут его друзья’. Маркер *kad'* указывает на то, что по каким-то признакам (например, по внешнему виду людей, по походке и т. д.) наблюдаемая ситуация Р не совпадает с эталонной ситуацией Р’ ‘впереди идут Петины друзья’, но тем не менее попадает в допустимую область значений и может быть описана с помощью выбранного выражения.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.44) *az'palan pet'a-lê urom-jos-âz mân-o kad'*

перед.LOC Петя-DAT друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL как

pot-i-z.

выйти-PST-3SG

‘Пете показалось, что впереди идут его друзья’.

4.1.3.4. Частица с модальным значением

Наконец, рассмотрим случаи, когда *kad'* выражает значения, близкие к модальным и эвиденциальным. Например, в (4.45) говорящий выбирает определение *viz'mo* ‘умный’ для описания другого человека, однако использование *kad'* далее указывает на то, что говорящий не совсем уверен, что его выбор соответствует общепринятому представлению об умном человеке. Таким образом, употребляя в своей речи неопределенное выражение, говорящий показывает, что не может полностью гарантировать истинность высказывания. Подобные употребления описываются в [Plungian 2010] с помощью понятия «эпистемическая дистанция».

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.45) *so viz'm-o kad'.*

он ум-ATTR как

‘Он типа умный’.

Мы не обнаружили ограничения на сочетаемость *kad'* в роли модальной частицы — в отличие от употребления *kad'* в функции маркера стандарта (см. раздел 4.1.3.1). Например, в сфере действия модальной частицы *kad'* может быть целая клауза с финитным глаголом (4.46).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.46) *mi daru... darulamê, ùs'-ël-il'l'a-m bÿgaj.*

мы травить-PST-1PL падать-ITER-2/3PL-PST2 вероятно

is'ä-l-il'l'a-m kad'.

падать-ITER-2/3PL-PST2 как

‘Мы травили, они (*красные жуки* — прим. Ю. С.) попадали вроде.

Попадали вроде.’ [КТУ]

Маркер *kad'* имеет тенденцию к употреблению в этом значении на крайней правой позиции в предложении (аналогично употреблением *кадь* в этой функции в литературном удмуртском), однако строгого запрета на другие позиции нет. Из 10 вхождений в функции модальной частицы в диалектном корпусе в одном случае за *kad'* находится послеложная группа (4.47).

(4.47) *ñules=no pogra-Ø kat' so-os vөл-e <...>*

лес=ADD падать-PRS.3SG как он-PL верх-ILL

‘Как будто и лес валится на них’ [Корпус, Кельмаков 1978]²³

Связующим звеном между исходно сравнительными и модальными употреблениями *kad'* могут быть симулятивные конструкции, вводящие сравнение с ирреальной ситуацией. При этом сравниваемая ситуация (объект сравнения) может легко выводиться из контекста, а потому не быть выраженной в целевом предложении, ср. (4.47) со значением ‘{выглядит так} будто...’²⁴.

Эвиденциальная семантика *kad'* проявляется в контекстах, где показатель используется при передаче чужой речи (4.48) или мыслей самого говорящего.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЬШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.48) *Vera-lo kule kad'.*

говорить-PRS.3PL нужно как

‘Я думаю, этого очень мало’. [КТУ]

Идея расширения прагматического диапазона через сравнение с множеством совпадающих признаков применяется для анализа самостоятельного употребления *kad'* в качестве ирреальной частицы. Маркер *kad'* указывает на то, в какой степени

²³ Заметим, однако, что источник (4.47) — письменный, в отличие от остальных девяти релевантных примеров, взятых из записей устных текстов.

²⁴ Похожим образом анализируются русские сравнительные слова *как*, *будто* (*бы*) и др. в функции частиц в [Летучий 2017].

выражение Р адекватно для описания того, что реально имеет место. В (4.49) точность выражения *so viz'mo* 'он умный' вычисляется через степень уместности выражения *viz'mo* 'умный' для характеристики участника с точки зрения говорящего (4.50). Если говорящий знает, что упомянутый участник имеет высшее образование, знает несколько иностранных языков, имеет хорошую память и умеет логически мыслить, но, к примеру, недостаточно много читает, то с некоторым допущением, словесно выражаемым с помощью неопределенного выражения *kad'*, говорящий делает выбор в пользу характеристики 'умный', так как количество остальных наблюдаемых признаков, совпадающих с эталонной ситуацией, довольно велико и попадает в прагматически допустимый диапазон для истинностного значения выражения 'быть умным'.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.49) *so viz'm-o kad'*.

он ум-ATTR как

'Он типа умный'.

(4.50) а. умный^{1;C} = {иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

б. умный^{0,8;C} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

Таким образом, исходно широкое употребление *kad'* в качестве маркера стандарта в сравнительных конструкциях и его взаимодействие со шкалой (не)точности соответствия стандарту сравнения закономерно распространяется на эпистемические контексты. Как и в случае специальных глагольных конструкций, в качестве стандарта выступает эталонная ситуация, с которой сравнивается наблюдаемая ситуация и возможность применения к ней выбранной номинации.

4.1.4. Промежуточные выводы по разделу 4.1

Мы рассмотрели полисемию сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка, а также предложили анализ, обобщающий все употребления данного показателя с опорой на его сравнительное значение.

В татышлинском говоре *kad'* употребляется во всех контекстах, зафиксированных для литературного удмуртского: СрК, конструкции с глаголами *potânâ* ‘выходить’ в значении ‘казаться’ и *karis'kânâ* ‘делать вид’, контексты с ирреальным значением. Значение количественной приблизительности *kad'* кратко и без подробных иллюстраций упоминается в грамматическом описании татышлинского говора А. Байдуллиной. Опираясь на полевые исследования приблизительных количественных конструкций, основные результаты которых представлены в [Винклер 2024], мы интегрировали эту функцию в общую систему значений данного маркера. Через исходное сравнительное значение *kad'* выводится значение возможности в конструкции с дебитивным причастием на *-ono*: ‘такой, как тот, кто должен X’ = ‘может X’.

При употреблении в качестве маркера стандарта *kad'* не имеет ограничений на семантический тип сравнительной конструкции. В общем случае его функция сводится к сопоставлению стандарта объекту сравнения и возвращению истинностного значения, если объект и стандарт обладают одинаковым свойством. Под свойством может пониматься качественный или количественный признак, образ действия и т. д. Сравнительная семантика маркера прослеживается во всех рассмотренных нами контекстах и лежит в основе обобщенного анализа *kad'* как неопределенного выражения.

Мы рассматриваем *kad'* как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом — заданным эксплицитно, если речь идет о сравнительных конструкциях, количественных конструкциях и конструкциях с причастием на *-ono*, или вычисленным из контекста — при употреблении *kad'* в функции частицы с ирреальным значением и в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* ‘делаться’ и *potânâ* ‘выходить’ (в значении ‘казаться’). Широкое сравнительное

значение *kad'* и отсутствие эксплицитных скалярных интерпретаций эквативных конструкций позволяет предположить взаимодействие *kad'* во всех случаях со шкалой соответствия наблюдаемого события эталонному, в пользу которого говорящий делает дискурсивный выбор. Такая интерпретация *kad'* сближает его с хеджами, расширяющими прагматически допустимый диапазон высказывания.

4.2. Полисемия сравнительных показателей в типологической перспективе

4.2.1. Предварительные замечания

Данный раздел расширяет перспективу исследования полисемии сравнительных показателей. Мы рассмотрим дополнительные значения сравнительных маркеров в отдельных иранских, уральских и тюркских языках, список которых представлен в (4.51).

- (4.51) а. **иранские языки:** осетинский, пушту (< восточные); белуджский (< северо-западные); таджикский (< юго-западные);
- б. **тюркские языки:** татарский (< кыпчакские); турецкий (< юго-западные); чувашский (< болгарские); якутский (< якутские);
- в. **уральские языки:** горномарийский (< марийские); мокшанский (< мордовские); удмуртский, коми (< пермские); тундровый ненецкий (< самодийские)

Данные языки прежде практически не рассматривались в контексте исследуемого вопроса. Мы опираемся на собственные полевые данные по татышлинскому говору удмуртского языка, говорам села Микряково и села Кузнецово горномарийского языка, иронскому диалекту осетинского языка. В остальных случаях информация взята из грамматических описаний, словарей и статей: [Nikolaeva 2014, Kornfilt 1997, Бубрих 1949; Васильев 1986; Материалы 1957; Расторгуева, Эдельман 2003; ТГ 1992, 1993; Элементы 2018] и др.²⁵

²⁵ Точное указание на конкретный идиом (если это известно) приводится при соответствующих примерах.

Несмотря на то что наша выборка не претендует на полноту охвата указанных языковых семей, для каждой группы рассматриваются три или четыре разные подгруппы. В случае иранских языков взяты данные языков, представляющих все три основные ветви.

Полисемия сравнительных показателей довольно подробно исследована на материале языков Африки, сравнительные конструкции в которых обсуждаются в сборнике [Treis, Vanhove (eds.) 2017], и на материале индоевропейских языков средневропейского стандарта (Standard Average European, SAE). В сборнике [Kuteva et al. 2019] нет информации о сравнительных показателях в тюркских языках, а уральская семья представлена только северносаамским языком по исследованию [Ylikoski 2017]. База данных DatSemShift [Zalizniak et al. 2000–2024], содержащая информацию о семантических переходах лексических единиц, помимо информации о языках SAE, фиксирует переход сравнительного значения в условное для ингушского (< нахско-дагестанские) показателя *санна*.

В таблице 4.1 представлены типологически распространенные значения сравнительных показателей, взятые из [Kuteva et al. 2019: 398–403], а также из базы данных DatSemShift.

Данный список не является исчерпывающим. Например, в [Kuteva et al. 2019] нет указания на то, что сравнительные показатели могут быть источником для аппроксимативных маркеров, в то время как эта модель полисемии довольно распространена и встречается в языках разных семей, см. [Schourup 1983: 32; Plank 2004; Винклер 2024a], а также раздел 4.1.3.1 настоящего исследования.

Помимо этого, сравнительные показатели из рассматриваемых нами языков переходят в разряд частиц с эпистемическим или ирреальным значением, что довольно поверхностно отображено в базе DatSemShift (исходя из особенностей представленного материала) и вообще не упомянуто в исследовании Т. Кутевой и соавторов. В то же время взаимосвязь сравнительного и модального значения «кажимости» отмечалась М. И. Черемисиной в исследовании на материале тюркских языков Южной Сибири [Черемисина 1995: 16].

Таблица 4.1. Переносные значения сравнительных показателей

Функция	Пример	Комментарий
Соответствие [Kuteva et al. 2019]	<i>Как выяснили британские учёные, самые учёные британцы в мире — это британские учёные.</i> ²⁶	Клаузы соответствия (accord clauses) в терминологии [Haspelmath, Buchholz 1998]
Цель [Kuteva et al. 2019]	Переходы сравнительных показателей в кушитских, семитских и омотских языках Эфиопии [Crass, Meyer 2008; Treis 2017: 122-123], для которых постулируется промежуточная ступень комплементаризации (симилятив — комплементаризация — цель).	Совмещение сравнительного и целевого значений без стадии комплементаризации зафиксировано у показателей в монском языке (< австроазиатские) [Jenny 2017: 311], северосаамском (< уральские) [Ylikoski 2017: 276-277]; табасаранском (< лезгинские) [Balalieva 2013: 293]; багвалинском (< нахско-дагестанские) [Сосенская 2001: 422], а также в некоторых иранских языках [Беляев 2023; Бызова 2023]. Целевые клаузы сохраняют компонент образа действия.
Время [Kuteva et al. 2019], DatSemShift	Использование сравнительных показателей в качестве маркеров темпоральных клауз со значением мгновенного предшествования в языках северо-восточной Африки	Полисемия зафиксирована и за пределами указанного ареала, ср. рус. <i>как в как приедешь, позвони</i> [Serdobolkaya, Kobozeva 2024: 695]. Возможно маркирование и других временных отношений.

²⁶ Источник: <https://www.anekdot.ru/id/604803/>

Функция	Пример	Комментарий
Комплементаризер [Kuteva et al. 2019]	Глагол <i>bɛ̃</i> ‘напоминать’ в идома (<ква) — комплементаризер при глаголах восприятия и умственной деятельности.	Переход, как правило, происходит через значение квотатива (об этом значении см. ниже)
Условие (DatSemShift)	Исп. <i>Como pueda, vendrá.</i> ‘Если он сможет, он придет’	Переход также зафиксирован в ингушском языке (для показателя <i>санна</i> , без примера) и в вымершем креольском языке, распространенном на Виргинских островах США ²⁷ (показатели <i>leiki, liki</i> , без примеров)
Квотатив [Kuteva et al. 2019]	Англ. <i>like</i> , фр. <i>genre</i> (из сущ. ‘вид’) и др., цит. по [Fleischman 1999]; тип вводимого высказывания (прямая речь или пересказ) не уточняется	В [Урманчиева 2021] термин «квотатив» используется для контекстов ввода прямой речи; для контекстов пересказа чужой речи используется термин «цитатив»
Образование названия языков [Kuteva et al. 2019]	Нем. <i>-isch</i> в образованиях с симилятивным значением (<i>kind-isch</i> ‘по-детски’) и в названиях языков, образованных от национальностей (<i>Portugies-isch</i> ‘португальский язык’).	—
Деонтическая необходимость [Kuteva et al. 2019]	Глагол <i>kán</i> ‘быть равным’ в бамбара (< манде) выражает необходимость при наличии компонента в инфинитиве.	—
Причина (DatSemShift)	Англ. <i>as</i> в <i>stayed home as she had no car</i> ‘осталась дома, так как у нее не было машины’	—
Вероятность (DatSemShift)	Рус. <i>похоже</i> в <i>Похоже, мы опоздали</i>	—

²⁷ Negerhollands, код в классификации Glottolog: nege1244 (<https://glottolog.org/resource/languoid/id/nege1244>)

Таким образом, задача данного раздела — рассмотреть полисемию сравнительных показателей в языках, прежде не фигурировавших в типологических обзорах. В результате мы ожидаем выявить паттерны полисемии, характерные для языковой семьи или группы, а также расширить набор значений за счет привлечения новых данных.

Далее значения сравнительных показателей из нашей выборки будут рассмотрены в порядке от более частотных до менее частотных: приблизительность (4.2.2); употребление в глагольных конструкциях в функции комплементаризера (4.2.3); ирреальное / вероятностное значение (4.2.4); употребление с названиями языков (4.2.5); временные и целевые (4.2.6) контексты. Кроме этого, мы перечислим специфические контексты употребления сравнительных маркеров в языках нашей выборки (раздел 4.2.7). В каждом разделе будут последовательно рассмотрены три языковые группы. При подведении итогов будут также учтены данные о полисемии показателя *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка, что было подробно рассмотрено в разделе 4.1.

4.2.2. Приблизительность

Мы будем рассматривать не только аппроксимативные контексты, выражающие количественную приблизительность (см. раздел 4.1.3.1), но и пространственные — например, при указании на направление движения, а не на конечную точку. Кроме этого, значение аттенуатива, то есть указания на небольшую степень проявления признака, также можно трактовать через приблизительность. Например, анализ английского транскатегориального показателя *-ish* предполагает, что говорящий таким образом понижает степень точности делаемого утверждения — относительно чистоты тарелок (4.52) или времени (4.53) [Bochnak, Csipak 2014: 441].

(4.52) *The dishes are dry-ish.* [Bochnak, Csipak 2014: 433]

‘Тарелки как бы чистые’.

- (4.53) *Let's meet at Starbucks at 3-ish.* [Vochnak, Csipak 2014: 434]
'Давай встретимся в Старбаксе в три часа или около того'.

4.2.2.1. Уральские языки

Формы прилагательных и наречий с формантом *-кодъ*, восходящим к сравнительному маркеру *кодъ* (4.54), в **коми**, ближайшем родственнике удмуртского языка, трактуются как имеющие «отенок приблизительного указания» [Бубрих 1949: 190] (4.55). В. И. Лыткин отмечает, что в прилагательных с формантом *-кодъ* сохраняется отенок сравнительного значения: *сьödкодъ* 'близкий к черному, похоже, что черное' [СКЯ 1955: 170].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

- (4.54) *Пöрысь жöниккырныш кодъ...*

старый жених ворон как

'Старый жених как ворон...' [Яшина 1963: 49]

- (4.55) *ол-ысь-яс ол-ис-ны... коньöр-кодъ ол-öm-өн.*

жить-PTCP.ACT-PL жить-PST-3PL бедный-как жить-NMLZ-INS

'{В подчиненных Персии государствах} жители жили... бедноватой жизнью'. [Бубрих 1949: 190]

Для ижемского диалекта коми языка отмечается, что маркер *койд* (диалектный вариант *кодъ*) употребляется в конструкциях, выражающих количественное сравнение по градуируемому параметру (например, размеру, как в (4.56)).

КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (4.56) *Капуста-ыс вöö йур койд.*

капуста-POSS.3SG лошадь голова как

'Кочан капусты величиной с лошадиную голову'

[Сахарова, Сельков 1976: 111]

Горномарийский суффикс *-la* функционирует как маркер приблизительной локализации в сочетании с показателями локативных падежей: иллатива (4.57), инессива (4.58) и латива (4.59).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(4.57) *mä ke-nä toma-šk-em-lä.*

мы идти-NPST.1PL дом-ILL-POSS.1SG-SIM

‘Мы идем в сторону моего дома’.

(4.58) *kn'igä kr'eslo mongâr-âštâ-la ki-ä.*

книга кресло сторона-IN-SIM лежать-NPST.3SG

‘Книга лежит в стороне кресла’.

(4.59) *tädä kr'uk-âm amasa mongâr-eš-lä säk-en.*

он крюк-ACC дверь сторона-LAT-SIM вешать-PRET

‘Он повесил крюк ближе к двери’.

Выражать приблизительность во временных контекстах маркер *-la* может в сочетании с иллативом (4.60), но не с инессивом (4.61).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(4.60) *davajt'e zan'at'i-m vâc cüš-âškä-lä vaštalt-enä.*

давайте занятие-ACC пять час-ILL-SIM менять-NPST.1PL

‘Давайте перенесем занятие поближе к пяти часам’.

(4.61) **tädä kâm cüš-âštâ-lä tol-eš.*

он три час-IN-SIM приходить-NPST.3SG

Ожидаемое значение: ‘Он придет примерно через три часа’.

Эквативный маркер *-ška* в **мокшанском** языке употребляется в СрК, подразумевающих сравнение по количественному параметру (например, размеру в (4.62)), а также развивает значение маркера приблизительности (4.63).

МОКШАНСКИЙ

(4.62) *luga-sə van-əv-i pet'ε-ška kaza-n'ε*

луг-IN пасты-PASS-NPST.3[SG] Петя-EQU коза-DIM

‘На лугу пасется козлик величиной с Петю’. [Элементы 2018: 133]

- (4.63) *sa-s'-t' vet'ə-ška mon' jalga-n'ə*
 прийти-PST.3-PL пять-EQU я.GEN друг-1PL.POSS.SG
 ‘Пришли около пяти моих друзей’. [Элементы 2018: 335]

4.2.2.2. Тюркские языки

Сравнительный показатель *курдук* в якутском языке выражает качественное сравнение [Коркина и др. 1982: 428–430; Васильев 1986; Винклер 2024б] (4.64), а также может употребляться для обозначения количественной приблизительности (4.65).

ЯКУТСКИЙ

- (4.64) *Мин курдук гын-φ.*
 я как делать-IMP
 ‘Делай как я’. [Винклер 2024б: 42]

- (4.65) *Сүүс курдук киһи кэл-бит-тэр.*
 сто как человек приходить-PTCP.PST/PST2-PL
 ‘Пришло примерно сто человек’. [Винклер 2024б: 35]

Эквативно-симилятивный показатель *нек*²⁸ (4.66) в чувашском языке встречается в контекстах с аппроксимативной семантикой (4.67), согласно [Материалы 1957: 301; Скворцов (ред.) 1985: 284]:

ЧУВАШСКИЙ

- (4.66) *Лар, мён салтак нек хыт-са тӑр-ат-ӑн!*
 сесть.IMP.2SG что солдат как твердеть-CVB стоять-PRS-2SG
 ‘Сядь, что стоишь, как солдат!’ [Материалы 1957: 301]

- (4.67) *Пёр сұхрӑм нек-ре сёвек Çавал улӑх-ӗ*
 один километр как-LOC пологий Цивиль пойма-POSS.3SG

²⁸ Согласно [Егоров 1964: 153], чувашский *нек* имеет общее происхождение с татарским *кебек*, турецким *gibi* и др. (от *кап / кеп* ‘форма’, ‘модель’). Заметим, впрочем, что в [СИГТЯ 1988: 496] при перечислении когнатов др. тюрк. *kebi*, среди которых тат. *кебек*, тур. *gibi* и др. (от *kä:p* ‘образец’), чувашский *нек* не упоминается.

тәсәл-са *вырт-нә*.

тянуться-CVB лежать-PST.PTCP

‘Приблизительно через километр тянется пологая долина реки Цивиль’.

[Материалы 1957: 302]

Схожая многозначность наблюдается у сравнительных маркеров *-DAj* и *-čA*, встречающихся во многих тюркских языках. В сравнительно-исторической грамматике тюркских языков отмечается участие суффикса *-DAj* в образовании приблизительных числительных — в **башкирском, казахском, узбекском, киргизском** языках [СИГТЯ 1988: 197].

Тюркский «сравнительно-ограничительный» аффикс *-čA*²⁹, согласно [Щербак 1977: 53 сл.], выражает приблизительность в сочетании с количественными числительными — в **турецком, хакасском, якутском, староузбекском, древнетюркском** языках; см. также [ТГ 1993: 277; Burbiel 2018: 143] о приблизительных числительных с маркером *-ча* в **татарском**.

А. М. Щербак также приводит примеры образований на *-čA* с уменьшительным значением из турецкого языка: *узунја* ‘длинноватый’, *кızıлја* ‘красноватый’ [Щербак 1977: 54]. На общее происхождение сравнительного и уменьшительного *-čA* указывается в [Deny 1921: §917-923; Севортян 1966: 98-103]. Тюрколог М. Эрдал, однако, не находит свидетельств наличия у «эквативного суффикса» *-čA* диминутивной функции в древнетюркский период (VII-X вв.) и считает появившийся позднее омонимичный суффикс заимствованием из персидского, не приводя, впрочем, примеров или ссылок на источники [Erdal 2004: 177].

²⁹ Исследователи не имеют единого мнения насчет этимологии данного аффикса. Одна из версий — связь со словом *čau* ‘время, мера’, кроме этого, есть версии о связи образований с данным суффиксом с предельным падежом в монгольских языках, см. [СИГТЯ 1988: 262] и цитируемые источники.

4.2.2.3. Иранские языки

Таджикский послелог *барин* ‘подобно’ употребляется в конструкциях с качественным сравнением (4.68), а также в конструкциях с количественным параметром сравнения — например, весом в (4.69), см. также [Perry 2005: 101].

ТАДЖИКСКИЙ

(4.68) *Кампир-и Асила модар-и ман барин дастнигар аст.*
старуха-EZ Асила мать-EZ я подобно зависимый COP.PRS.3SG
‘Старуха Асилы зависима, как моя мать’ [НТКЯ]

(4.69) *Ин тарбуз ду кило барин вазн дор-ад.*
этот арбуз два килограмм подобно вес иметь-PRS.3SG
‘Этот арбуз весит примерно два килограмма’. [ГРС 2006: 73]

В **осетинском** языке в некоторых локативных послелогах и наречиях выделяется эквативный падеж с показателем *-ау*: *æддиау* ‘поодаль’ (из *æддæ* ‘вне’); *фæстиау* ‘(далеко) позади’ (из *фæстæ* ‘позади’); *дæлиау* ‘далеко внизу’ (из *дæлæ* ‘внизу’); *фалиау* ‘вдали’ (из *фалæ* ‘за’); *мидæгау* (из *мидæг* ‘внутри’) (4.70); *уæлиау* ‘высоко’ (из *уæлæ* ‘над’) [Абаев 1970: 591], см. также [ИЭСОЯ I: 105, 418, 464; IV: 71].³⁰

ОСЕТИНСКИЙ

(4.70) *Уæлладжыр-ы ком-ы мидæг-ау иу рæсугъд*
Алагир-GEN ущелье-GEN внутри-EQU один красивый
уæлвæз-ы лæуу-ы Зæрæмæдж-ы хъæу.
возвышенность-IN стоять-PRS.3SG Замараг-GEN селение
‘Где-то среди Алагирского ущелья на одной красивой возвышенности стоит село Замараг’. [ОНК, Мах дуг № 5, 2012]

Из рассмотренных выше форм наиболее употребительной, по данным ОНК, является форма *уæли(й)ау*, насчитывающая 172 вхождения. Также в корпусе встречаются следующие употребления: *размæйау* (от *размæ* ‘вперед’; 2

³⁰ В. И. Абаев не комментирует чередование гласных перед *-ау*, отсылая непосредственно к исходной форме наречия или послелога.

уникальных вхождения); *уалейау* (возможно, из формы *уале* < *уалае* ‘над’ + *-йсе* [ABL] ‘сверху’; 8 уникальных вхождений); *далейау* (из формы *далсе* ‘под’ + *-йсе* [ABL] ‘снизу’; 2 уникальных вхождения).

Кроме этого, эквативный падеж на *-ау*, согласно [Абаев 1949: 422], в иронском диалекте вошел в состав аттенуативного суффикса прилагательных и наречий *-гомау*³¹. Согласно [Ахвледиани 1963: 140; Абаев 1970: 670], *-гомау* может присоединяться к прилагательным цвета (*сырх-гомау* красный-DIM ‘черноватый’), размера (*арф-гомау* глубокий-DIM ‘глубоковатый’), физических (*ламагъ-гомау* слабый-DIM ‘слабоватый’), умственных (*седылы-гомау* глупый-DIM ‘глуповатый’) качеств и др., см. также (4.71).

ОСЕТИНСКИЙ

(4.71) *Æнкъард-гомау бон у абон.*
печаль-DIM день быть.PRS.3SG сегодня
‘Мрачноватый сегодня день’. [Ахвледиани 1963: 140]

4.2.3. Употребление в глагольных конструкциях

4.2.3.1. Уральские языки

Помимо татышлинского удмуртского маркера *kad'*, который встречается в конструкциях с глаголами *potânê* ‘казаться’ и *karis'kânê* ‘делать вид’ (см. раздел 4.1.3.3), употребление сравнительного показателя в похожих контекстах зафиксировано в **горномарийском** языке. Маркер *-la* вводит компонент при глаголах *šičaš* ‘казаться’, *kajaš* ‘быть видным, казаться’. В говоре села Кузнецово зависимая предикация выражается с помощью номинализации на *-тê* (4.72). Однако в некоторых идиолектах данного говора (4.73) и в говоре села Микряково (4.74) возможно выражение зависимой клаузы с помощью финитного предиката.

³¹ Где *-гом* соответствует дигорскому *-гон* ‘близ’, ‘-оватый’, согласно [Абаев 1949: 422].

ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Кузнецово)

(4.72) *pet'a tol-mâ-la* *çiç-eş.*

Петя приходить-NMLZ-SIM казаться-NPST.3SG

‘Кажется, что Петя придет’.

(4.73) *ʔposudâ-m mâşk-ân-at-la* *çiç-eş.*

посуда-ACC мыть-PRET-2SG-SIM казаться-NPST.3SG

‘Кажется, ты помыла посуду’.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ (говор с. Микряково)

(4.74) *mă-läm pet'a tol-eş-lä* *çiç-eş.*

я-DAT.POSS.1SG Петя приходить-NPST.3SG-SIM казаться-NPST.3SG

‘Мне кажется, что Петя придет’.

Таким образом, свойства показателя *-la* в функции маркера актанта при глаголах со значением ‘казаться’ отличаются от его свойств как маркера стандарта — в последнем случае *-la* может употребляться только с нефинитными формами глагола (см. раздел 2.4.2.2).

4.2.3.2. Тюркские языки

Конструкции с глаголами со значением ‘казаться’ и сравнительными показателями *кебек*, *сыман*, *шикелле*, вводящими зависимые предикации, зафиксированы в татарском языке [ТГ 1992: 365-366]:

ТАТАРСКИЙ

(4.75) *Сиңа мин кил-мә-мен кебек тоел-ган.*

ты.DAT я прийти-NEG-1SG как чувствоваться-PST

‘Тебе казалось так, что я не приду’. [ТГ 1992: 365]

Выступая в функции стандарта сравнения, маркеры *кебек*, *шикелле*, *сыман* сочетаются с нефинитными глагольными формами в литературном варианте татарского языка [Burbiel 2018: 658], см. также [Элементы 2017: 497] о сравнительных конструкциях в мишарском диалекте татарского языка. Из корпусных данных и грамматических описаний татарского, однако, не ясно,

насколько обязательно использование *кебек* (или другого сравнительного маркера) при глаголах *тоелу* ‘чувствоваться’ и *күренү* ‘виднеться’, возможно ли заменить данные маркеры на другие способы подчинительной связи и т. д.³² В то же время в (4.75) *кебек* следует за финитной формой глагола — таким образом, *кебек* и другие сравнительные маркеры проявляют схожие свойства с горномарийским маркером *-la* и удмуртским маркером *kad'*.

Сравнительный маркер *gibi* (когнат татарского *кебек* [СИГТЯ 1988: 496]) в турецком языке (4.76), также употребляется в конструкциях с глаголами *gel-* ‘приходить’, *görün-* ‘выглядеть’, *gözük-* ‘казаться’ (4.77).

ТУРЕЦКИЙ

(4.76) *Ahmet Rubinstein gibi piyano çal-ar.*

Ахмет Рубинштейн как пианино играть-PRS.

‘Ахмет играет на пианино как Рубинштейн’. [Kornfilt 1997: 25]

(4.77) *sen fazla iç-miş-sin gibi gel-iyor.*

ты слишком пить-REP.PST-2SG как прийти-PRS.PROG

‘Кажется, ты выпил слишком много’ [Kornfilt 1997: 412]

Существуют разные мнения относительно «идиоматизированности» таких конструкций: в [Kornfilt 1997: 404] высказывается предположение, что послелог *gibi* инкорпорирован в глагол *gel* ‘приходить’, и вся новая конструкция таким образом получает значение ‘казаться’. Аналогично конструкция *gibi gel-* трактуется в [Göksel, Kerslake 2005: 357 сл.]. В то же время в [Turgay, Iskender 2020] на основе тестов на экстрапозицию главного предиката, эллипсис и сочинение делается вывод, что *gibi* — самостоятельная единица, имеющая свою проекцию в синтаксическом представлении предложений.

Чувашский сравнительный маркер *пек* используется в конструкции со значением притворного действия с глаголом *ту* ‘делать’ [Скворцов (ред.)

³² В [ТГ 1992: 366] утверждается, что вместо *кебек* в подобных конструкциях может использоваться подчинительное слово *дип*, восходящее к конвербу от глагола *дию* ‘говорить’, однако в качестве примера приводится конструкция не с глаголами *тоелу* или *күренү*, что нельзя принять за однозначное доказательство.

1985: 284]. Подобная конструкция встречается в чувашском переводе части стиха Лк. 24:28, описывающим притворное действие:

ЧУВАШСКИЙ

(4.78) *Иисус татах малалла кай-ма пустар-ӑн-ӑ* *пек*

Иисус еще вперед идти-INF собирать-DETR-PST.PTCP как
ту-сан.

делать-COND.CVB

‘и Он показывал им вид, что хочет идти далее’ [Лк. 24:28]

Букв. ‘Иисус сделал вид, что собрался идти еще дальше’.

Свойства глагольных конструкций со значением ‘казаться’ и сравнительными маркерами в отдельных уральских и тюркских языках требуют дальнейшего изучения. Предварительное исследование подобных конструкций на материале татышлинского говора удмуртского языка [Sinitsyna 2024] показало, что конструкция [*X kad' potânâ*] сохраняет ряд общих свойств с другими удмуртскими конструкциями с сентенциальным актантом (допустимость индексикального сдвига, а также аккузативного субъекта, см. [Давидюк 2023, 2024; Хомченкова 2024]). В то же время данная конструкция имеет ограничение на порядок соположения клауз — доступно только вложение зависимой части в главную и крайняя правая позиция сравнительного маркера и предиката (аналогично примерам из тюркских языков в данном разделе, см. также раздел 4.1.3.3).

4.2.2.3. Иранские языки

Осетинский союз *куыд* (подробнее о его употреблении в СрК см. раздел 2.1.1), вводит сентенциальные актанты при некоторых эмотивных предикатах (например, *уарзын* ‘любить’), предикатах восприятия (*уынын* ‘видеть’, *хъуысын* ‘слышать’), а также при некоторых предикатах умственной и речевой деятельности (*хъуыды кæнын* ‘помнить’, *дзурын* ‘сказать’) [Serdobolskaya 2016]:

ОСЕТИНСКИЙ

(4.79) [*zɾəgon-zj* =iw *kʷəd kafəd-əštzm*], *wəj* =ma *qʷədə*
молодой-ABL =ITER как танцевать-PST.1PL DEM.DIST PTCL мысль
kzn-ən.

делать-PRS.1SG

‘Я помню, как мы танцевали, когда были молодыми.’

[Serdobolskaya 2016: 307]

Союз *цыма*, употребляющийся в сравнительных конструкциях с ирреальным значением (см. раздел 2.1.1), вводит зависимую клаузу в конструкциях с глаголами *хъуыды кæнын* ‘думать’ и *афтæ кæсын* ‘казаться’ (4.80) и указывает на нереальность задаваемой пропозиции.

ОСЕТИНСКИЙ

(4.80) *Цыма* *с-разы* *у-ауд*, *Фаризæт-мæ* *афтæ*
будто PV-согласный быть-OPT.3SG Фаризат-ALL так
кæс-ы.

смотреть-PRS.3SG

‘Фаризат кажется, будто он согласен’.

[ОНК, Агнаев Г. А. Длинной осенней дорогой, 2003;

цит. по Беляев 2014: 59]

Мы не нашли свидетельств об употреблении сравнительных показателей в функции комплементаризера или близкой к ней в других рассматриваемых нами иранских языках.

4.2.4. Контексты с ирреальным значением

4.2.4.1. Уральские языки

Симилиативный маркер *-рәха* в тундровом ненецком (4.81) употребляется с глагольной формой, придавая высказыванию значение предположения (4.82). С. И. Буркова считает глагольный суффикс *-рәха* омоничным сравнительному,

отмечая их общее происхождение [Буркова 2010: 286]; аналогичного мнения придерживается И. А. Николаева [Nikolaeva 2014: 101-102].

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ

(4.81) *sæw^o-da nitke-ræxa-q*

глаз-PL.3SG звезда-SIM-3PL

‘Его глаза как звезды’. [Nikolaeva 2014: 59]

(4.82) *ня-хаю-ни то-рха-вэ-хэ-ню*

родственник-DU-POSS.1DU прийти-APPROX-EVMIR-SUBJ.3DU-CL

‘Наши родственники, кажется, приехали!’ [Буркова 2010: 255]

Показатель *кодъ* в **коми** также может придавать высказыванию значение предположения:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

(4.83) *Помнит-а кодъ. Вёл-ис сэтшюм керка.*

помнить-NPST.1SG как быть-PST.3SG такой дом

‘Как будто помню. Была такая изба’. [Яшина 1963: 49]

Примечательно, что то же выражение *помнита кодъ* в (4.79) трактуется в [Цыпанов 2005: 251] как имеющее уменьшительное значение: ‘Припоминаю. Был такой дом’. В то же время Е. А. Цыпанов допускает в некоторых случаях наличие у глаголов с формантом *-кодъ* дополнительного оттенка неуверенности говорящего в сообщаемом высказывании:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

(4.84) *Но морт-ыд повз-ис-кодъ.*

но человек-POSS.2SG испугаться-PST.3SG-как

‘Но человек немного вроде испугался’. [Цыпанов 2005: 251]

4.2.4.2. Тюркские языки

Татарский показатель *кебек* встречается в независимых предложениях в функции частицы с ирреальным или эпистемическим значением:

ТАТАРСКИЙ

(4.85) *Минем-чә, син бу зур адым-ың-ны уйламыйча-рак*
я.GEN-SIM ты этот большой шаг-POSS.2SG-ACC необдуманно-CMPR
эшл-и-сең кебек.

делать-PRS-2SG как

‘По моему мнению, ты делаешь этот важный шаг немного необдуманно, как кажется’. [Burbiel 2018: 792]

Чувашский показатель *нек* используется в функции модальной частицы:

ЧУВАШСКИЙ

(4.86) *пуйăс ка-ять нек*

поезд идти-PRS.3SG как

‘Поезд как будто идет’. [Скворцов (ред). 1985: 284]

(4.87) *вӑл хуал-на ка-яс нек кала-р-ӗ*

он город-DAT/ACC идти-FUT.PTCP как говорить-PST-3SG

‘он сказал, что, вроде, поедет в город’ [Скворцов (ред). 1985: 284]

Турецкий сравнительный маркер *gibi*, присоединяясь к финитным формам глагола, привносит значение неуверенности [Kerimoğlu 2010: 448]:

ТУРЕЦКИЙ

(4.88) *Ali yarın gel-ecek gibi.*

Али завтра идти-FUT.3SG как

‘Кажется, Али приедет завтра’. [Kerimoğlu 2010: 448]

Якутский сравнительный маркер *курдук*, сочетаясь с причастиями (4.89), «вносит в предложение модальное значение предположения, потенциальности, кажимости, ирреальности» [Васильев 1986: 69]. Ю. И. Васильев отмечает (вслед за Н. Е. Петровым [Петров 1978: 131–132]), что в таких конструкциях следует считать *курдук* модальной частицей и отличать от омонимичного послелого *курдук* со сравнительным значением.

ЯКУТСКИЙ

(4.89) *Данил, сура-ба, Москва-ба үчүгэйдик сылдыар курдук.*

Данил слух-DAT Москва-DAT хорошо жить.PRS.3SG как

‘Данил, по слухам, как будто в Москве живет хорошо’.

[Васильев 1986: 70]

Сравнительный показатель –*DAj* может придавать высказыванию значение предположения — например, самостоятельно в **киргизском** языке (4.90), а также в составе глагольных форм на *-ГАНДАй* (< *-ГАН* (PTCP.PST) + *-ДАй*) в **алтайском, хакасском, кыпчакских** языках [Озонова, Тыбыкова 2024: 34].

КИРГИЗСКИЙ

(4.90) *сүйлө-гөн-ү-нө кара-ган-да биз-дин*

говорить-PTCP.PST-POSS.3-DAT смотреть-PTCP.PST-LOC мы-GEN

киши-дей.

человек-EQU

‘Судя по тому как говорит, вроде наш человек’ [Тойчиев 2020: 72].

4.2.4.3. Иранские языки

Осетинский симулятивный показатель *цыма* довольно часто употребляется в качестве модальной частицы в независимых предложениях:

ОСЕТИНСКИЙ

(4.91) *Фæлаæ цыма дызæрдыггаг у уы-цы хъуыддаг.*

Но будто сомнительный быть.PRS.3SG этот-ATTR дело

‘Но это дело, как будто, сомнительное’.

[ОНК: Мах дуг 11, 2007; цит. по Беляев 2014: 60]

Таджикский послелог *барин* используется в конструкциях с ирреальным сравнением в сочетании с причастием или глагольным именем [Perry 2005: 102].

В НКТЯ встречаются независимые предложения с модальным причастием на *-агӣ* и *барин*:

ТАДЖИКСКИЙ

- (4.92) *Худо амонат-аи-ро ме-гирифт-агӣ барин.*
Бог временный-POSS.3SG-OBJ.DEF PV-братъ-PTCP.MOD подобно
‘Как будто Бог возвращает свой залог’.
Букв. ‘Бог (такой же), как возвращающий залог’.

[НКТЯ, С. Турсун. Се рӯзи як баҳор (роман), 2013]

Впрочем, ограниченность сочетаемостных возможностей *барин* не позволяет однозначно утверждать, что произошел переход в полноценную частицу с ирреальным значением. Возможно, употребления, аналогичные (4.92), стоит рассматривать как частный случай сравнительных конструкций

В пушту конструкция со сравнительным предлогом *لکه* /*leka*/ и общим субординатором *چه* /*čə*/ указывает на то, что говорящий не уверен в сообщаемой информации:

ПУШТУ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ)

- (4.93) *leka čə duu rādz-i*
как SUB 3PL прийти.PRS.CONT-PRS.3
‘Кажется, они идут’ [David 2014: 325].

4.2.5. Названия языков

Т. Кутева и соавторы используют название «глоттоним» для деривационных морфем, которые образуют название языка от названий национальностей: ср., например, симилятивный маркер *ʔiso* (‘*iso*’) в языке либидо (< кушитские) в *libititt’iso* ‘язык либидо’ от *libido* ‘либидо (этническая группа)’ [Craas 2017: 410, цит. по Kuteva et al. 2019: 399].³³

Среди рассматриваемых нами уральских языков, употребление сравнительного маркера в такой функции зафиксировано в **марийских** языках:

³³ Сюда же можно отнести и префиксально-суффиксальные наречия на *по-... -и* в русском языке, которые имеют в общем случае значение уподобления (*по-медвежьи, по-нашему*) [РГ 1980: §1650] и используются с глаголами речи в значении ‘выразаться на языке X’: *говорить по-русски, по-английски* и т.д.

марла газет ‘марийская газета’, *марла кутыраш* ‘разговаривать по-марийски’ [СМЯ 1998: 24]. И в луговом марийском, и в горномарийском глоттонимы с маркером *-la* встречаются как в адвербиальных (4.94), так и в атрибутивных контекстах (4.95).

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(4.94) *mar-la šajəšt-ma-ø!*

мари-SIM говорить-POL-IMP

‘Говори по-марийски!’ [ГМК].

(4.95) *mar-la kn'igä-vlä tol-ət*

мари-SIM книга-PL приходить-NPST.3PL

‘Книги на марийском поступают’ [ГМК].

В удмуртском языке значение ‘говорить на языке X’ выражается симилятивным маркером *сямен* (4.96). Однако непосредственно названия языков передаются с помощью сочетания этнонима и слова *кыл* язык: *удмурт кыл* ‘удмуртский язык’, *žуч кыл* ‘русский язык’.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.96) *Tatar s'amən mon vere-s'k-is'ko-ø...*

татарин подобно я говорить-DETR-PRS-1SG

‘Я говорю по-татарски...’ [КТУ].

Во многих **тюркских языках** в качестве маркера глоттонима используется сравнительный показатель *-čA*: тат. *татарча китан* ‘книга на татарском языке’ [ТРС 2007: 326], кирг. *кыргызча* ‘по-киргизски’ [ГКЛЯ 1987: 205], тур. *Japonca* ‘японский язык’, ‘по-японски’ [Göksel, Kerslake 2005: 58] и т. д.

Среди иранских языков из нашей выборки аналогичная функция имеется у **осетинского** эквативного падежа *-au*, образования с которым также могут иметь как адвербиальные (*иронау дзурын* ‘говорить по-осетински’), так и атрибутивные (*иронау чиныг* ‘книга на осетинском языке’) свойства.

4.2.6. Временные и целевые контексты

Употребление сравнительных маркеров в контекстах со значением мгновенного предшествования (ср. англ. *as soon as*, рус. *как только*) в нашей выборке более характерно для **иранских** языков. Например, в **белуджском** языке сравнительный маркер *ančō ki*, состоящий из сравнительного показателя *ančō* и субординатора с общим значением *ki* (4.97), также вводит придаточные предложения времени (4.98).

БЕЛУДЖСКИЙ (ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ)

- (4.97) *ančō ki ā wat-ī masqad u murad-ā rast-ant,*
как SUB DEM REFL-GEN цель и желание-OBJ достичь.PST-3PL
mašma um b-ras-an
мы.INCL также SBJV-достичь.PRS-1PL
‘Пусть мы осуществим наши цели и желания так, как сделали они’.

[Aхенов 2006: 263]

- (4.98) *ā ša šār-ā ančo ki dar kapt, mīzrā zakkī*
DEM от город-OBL как SUB PV упасть.PST.3SG Мизра Закки
ā-ī dēmā laggit.
DEM-GEN перед встретить.PST.3SG
‘Как только он ушел из города, перед ним появился Мизра Закки’.

[Aхенов 2006: 255]

Показатель *čon / čun / čun* (چون), встречающийся во многих западно-иранских языках (например, **персидском, таджикском, татском, белуджском, курдском**) изначально имел сравнительное значение, исходя из его этимологии: из **čī* ‘что’ и **gauna-* ‘образ, способ’ [Расторгуева, Эдельман 2003: 201–202]. В персидском и таджикском языках данный показатель употребляется в сравнительном значении, а также вводит придаточные времени и причины, см. [Регу 2005: 353] о таджикском, [Рубинчик (ред.) 1970: 480] о современном персидском. Подобные функции имеются уже в классическом персидском языке,

что отмечают В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман, а также иллюстрирует следующий пример:

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРСИДСКИЙ (X–XI вв.)

(4.99) *čun abr be nowruz rox-e lâle be-šost*
как облако в новруз лицо-EZ тюльпан PV-мыть.PST.3SG
barxiž=o be jâm-e bade kon 'azm dorost
встать.IMP.2SG=и к бокал-EZ вино делать.IMP.2SG решение верно
‘Только ливень весенний омоет ланиты тюльпана,
Встав с утра, ты прильни к пиале с этой влагою пьяной.’³⁴
Букв. ‘Когда весенний дождь омоет лепестки тюльпана, встань
правильно реши, что делать с чашей вина’.

Осетинский союз *куыд* в сочетании с аддитивным показателем *-дæр* вводит придаточные времени со значением мгновенного предшествования или одновременности [Ахвледиани 1969: 330 сл.; Багаев 1965: 424-425]:

ОСЕТИНСКИЙ

(4.100) *Куыд-дæр дилижанс ныл-лæууыд-и, афтæ бæлцон*
как-ADD дилижанс PV-стоять-PST.3SG так путник
ра-хызт-и æмæ ба-цыд-и станцæ-йы агъуыст-мæ.
PV-лезть-PST.3SG и PV-идти-PST.3SG станция-GEN здание-ALL
‘Как только дилижанс остановился, путник слез и вошел в помещение
станции’. [Багаев 1965: 425]

Кроме этого, *куыд* может вводить целевые придаточные [Бызова 2023]. Важно отметить, что в таких придаточных сохраняется семантика образа действия (4.101a). Для выражения цели без дополнительного значения образа действия используются показатели *уый тыххæй*, *уымæ гæсгæ*, *уымæн*, что проиллюстрировано в (4.101б).

³⁴ <https://ganjoor.net/khayyam/robaee/sh24/>, перевод на русский по [Рубайат 1965: 39]

ОСЕТИНСКИЙ

(4.101) а. *Æз с-цæттæ₁ код₂-тон хæринаг, балц-мæ =йæ*
 я PV-приготовить_{1,2}-PST.1SG еда поход-ALL 3SG.GEN

куыд райс-он, афтæ.

чтобы взять-SBJV.1SG так

‘Я приготовила еду (так), чтобы взять ее в поход.’

б. *Цæмæй хæринаг балц-мæ ра-йс-он, уый тыххæй /*

чтобы еда поход-ALL PV-взять-SBJV.1SG тот[GEN] для

уы-мæ гæсгæ / уым-æн =æй с-цæттæ₁ код₂-тон.

тот-ALL согласно тот-DAT 3SG.GEN PV-приготовить_{1,2}-PST.1SG

‘Я приготовила еду, чтобы взять ее в поход.’ [Бызова 2023: 52]

Среди тюркских языков в **турецком** языке сочетание конверба на *-DIğI* и сравнительного показателя *gibi* имеет темпоральное значение мгновенного предшествования [Göksel, Kerslake 2005: 416], однако авторы грамматики не приводят примера на такое использование *gibi*. Временное значение имеет сравнительный маркер *kimi* — когнат турецкого *gibi*, татарского *кебек* и т.д. [СИГТЯ 1988: 496] — в азербайджанском [ГАЯ 1971: 166], относящимся вместе с турецким к огузской ветви тюркских языков:

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

(4.102) *Мән о-нун сәс-и-ни ешид-ән кими тез*
 я 3SG-GEN голос-POSS.3SG-ACC слышать-PTCP.PRS как быстро

јер-им-дән чых-ды-м

место-POSS.1SG-ABL выйти-PST-1SG

‘Я быстро вышел, как только услышал его голос’. [ГАЯ 1971: 166]

А. М. Щербак приводит примеры употребления тюркского аффикса *-сА* в темпоральных контекстах в сочетании с глагольными формами: ст. узб. *өлгүчә* ‘пока не умрет’, шор. *кэлгәнчә* ‘до того, как я приеду’ [Щербак 1977: 54]. В грамматике башкирского языка, вместе с татарским относящегося к поволжско-кыпчакской подгруппе кыпчакской ветви тюркских языков, есть

примеры на употребление деепричастных форм на *-ганса*, чей показатель состоит из причастного аффикса *-ган* (с фонетическими вариантами) и сравнительного аффикса *-са* (< *-ǰA), в сравнительном значении (4.103) и в темпоральном контексте (4.104) [Дмитриев 2008: 238-239].

БАШКИРСКИЙ

(4.103) *у́з-е айт-кән-сә яз-зы-м*
 REFL-POSS.3SG сказать-PTCP-SIM писать-PST-1SG
 ‘я написал все так, как он сам сказал’ [Дмитриев 2008: 239].

(4.104) *мин кил-гән-сә кит-мә-й тор!*
 я прийти-PTCP-SIM уйти-NEG-CVB.IPFV стоять.IMP
 ‘пока я не приду, не уходи!’ [Дмитриев 2008: 238].

Удмуртский показатель *сямен* (диал. *s'ain*) имеет темпоральное значение в сочетании с глагольными именами на *-он* [ГСУЯ 1962: 321–322]. Пример (4.103) из татышлинского говора удмуртского языка указывает на то, что два действия совершаются одновременно.

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

(4.104) *so-os vera-s'k-on s'ain ž'emâš bič'a-Ø-zâ*
 он-PL говорить-DETR-VN подобно ягода собирать-PST-3PL
 ‘Они собирали ягоды, пока разговаривали’.

4.2.7. Специфические контексты

Некоторые упомянутые ранее сравнительные маркеры также имеют функции, которые не были прокомментированы ранее ввиду их уникальности в нашей выборке.

Горномарийский симилятивный падеж на *-la* используется в качестве **маркера актанта при глаголе *madaš* ‘играть’** (4.105) и **маркера обменного эквивалента** (4.106). В последнем случае *-la* конкурирует с лативным падежом *-eš*, который, помимо обменного эквивалента, также употребляется в

значении цены при глаголе *näläš* ‘брать, покупать’ (4.107)³⁵. Симилятивный маркер *-la* однозначно допускается только в первом случае при глаголе *vaštaltaš* ‘менять’.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(4.105) *tädä kart-la mad-eš.*

он карта-SIM играть-NPST.3SG

‘Он играет в карты’.

(4.106) *män'ä täng-em-äm šüdä tängä-eš / tängä-lä*

я друг-POSS.1SG-ACC сто рубль-LAT рубль-SIM

a-m vaštaltâ.

NEG.NPST-1SG менять

‘Я не променяю своего друга на 100 рублей’.

(4.107) *vas'a t'etrad'-äm lu tängä-eš / 'tängä-lä näl-än.*

Вася тетрадь-ACC десять рубль-LAT рубль-SIM брать-PRET

‘Вася купил тетрадь за 10 рублей’.

Западно-иранский союз *čon / čin / чун*, начиная с периода классического персидского, имеет значение **причины**, которое сохраняется и в современном персидском, и в таджикском [Расторгуева, Эдельман 2003: 201–202; Рубинчик 2001: 334; Perry 2005: 360]:

ТАДЖИКСКИЙ

(4.108) *чун омад-ан-и шумо ба ман маълум*

как приходить-INF-EZ вы к я известный

на-буд-Ø, на-омад-ам.

NEG-быть-PST.3SG NEG-приходить-PST.1SG

‘Так как я не знал, что вы придете, я не пришел’. [Perry 2005: 360]

Для осетинского союза *куыд* в грамматических описаниях также указано значение **причины** (с коррелятом *уымае гæсгæ*) [Ахвледиани (ред.) 1969: 340;

³⁵ См. [Ганенков 2002: 65] о различии семантики обменного эквивалента при глаголе со значением ‘менять на X’ и цены при глаголе ‘покупать за X’.

Багаев 1965: 426]. Однако, согласно А. Осиповой (л.с.), в ходе полевой работы с носителями причинные употребления союза *куыд* запрещались.

4.2.8. Промежуточные выводы по разделу 4.2

В разделе 4.2 была рассмотрена полисемия сравнительных показателей в отдельных уральских, тюркских и иранских языках.

Обобщенные данные представлены в таблице 4.2. Семантика показателей в сравнительных конструкциях конкретизирована, если известно об ограничениях в их употреблении. Для показателей *-сА* и *-DAj*, встречающихся во многих тюркских языках (алтайском, башкирском, казахском, киргизском, татарском, турецком, хакасском и т.д.), сравнительное значение не указано, так как допустимые контексты могут варьироваться в зависимости от языка. Например, сравнительный аффикс *-ча* в хакасском языке встречается в контекстах параметрического сравнения (4.109).

ХАКАССКИЙ

(4.109) *Торбах улиинча (улуз-ы-нча) хызыл-сарыг нүүр*
теленок большой-POSS3-PROL красный-желтый волк
'Величиной с теленка красно-желтый волк' [Султрекова 2017: 211]

Турецкий когнат *-СА* образует наречия различной семантики (в том числе образа действия), однако, на наш взгляд, это не совсем корректно приравнивать к симилятивным контекстам, учитывая возможные морфосинтаксические ограничения. Мы оставляем более детальный анализ полисемии когнатов *-сА* в тюркских языках для дальнейших исследований.

В нашей выборке наиболее распространено употребление сравнительных показателей в качестве маркеров с ирреальным (часто эпистемическим) значением. Данный контекст зафиксирован для 10 из 19 рассмотренных маркеров, что составляет 52%. На втором месте находятся контексты, указывающие на количественную приблизительность: восемь показателей, или 42%. Помимо этого, довольно распространенными оказались употребления

сравнительных маркеров в глагольных конструкциях (семь показателей, или 37%, при этом шесть из них встречаются в конструкциях, вводящих ирреальную пропозицию), а также во временных контекстах (шесть показателей, или 32%).

Употребление сравнительного показателя в качестве маркера с ирреальным или эпистемическим значением распространено в уральских и тюркских языках. Для иранских языков такое значение скорее не характерно.

Аппроксимативное употребление сравнительных показателей оказалось особенно распространено среди показателей в тюркских языках. Среди иранских языков удалось найти значение количественной приблизительности для таджикского послелого *барин*; для осетинского маркера *-ау* можно выделить контексты пространственной приблизительности, параллели которой можно найти в употреблении горномарийского симилятивного падежа *-ла*. Кроме этого, аттенуативное значение имеет показатель *-гомау*, в состав которого входит *-ау*, согласно В. И. Абаеву. Сравнительные показатели в рассмотренных нами уральских языках также имеют значения как количественной приблизительности (характерной для мокшанского и пермских языков), так и пространственной (зафиксированной в горномарийском языке).

Примеры употребления сравнительных маркеров в полипредикативных глагольных конструкциях из тюркских и уральских языков свидетельствуют о тенденции к сочетанию с предикатами со значением 'казаться', указывающими на ирреальность пропозиции, вводимой данным предикатом. Из нашей выборки только осетинский союз *куыд* употребляется с предикатами восприятия, умственной и речевой деятельности, что отмечалось в качестве типологически распространенного переноса значения в [Kuteva et al. 2019].

Таблица 4.2. Полисемия сравнительных показателей в уральских, тюркских и иранских языках

	Идиом	Показатель	Значение сравнения	Приближенность	Ирреальные значения	Функции комплементаризера	Названия языков	Временные контексты	Целевые контексты	Другие значения
Уральские языки	Татышлинский удмуртский	<i>kad'</i>	EQU / SIM	QUANT	+	irreal	—	—	—	возможность
		<i>s'ain</i>	SIM	—	—	—	%	+	—	
	Коми	<i>кодъ / койд</i>	—	ATT QUANT	+	—	—	—	—	—
	Тундровый ненецкий	<i>-rəxa</i>	—	—	+	—	—	—	—	—
	Мокшанский	<i>-ška</i>	EQU	QUANT	—	—	—	—	—	—
	Горномарийский	<i>-la</i>	SIM	простр.	—	irreal	+	—	—	игры, обменный эквивалент
Тюркские языки	Тюркские	<i>-čA</i>	—	QUANT	—	—	+	+		—
		<i>-DAj</i>	—	QUANT	+	—	—	—	—	—
	Якутский	<i>курдук</i>	—	QUANT	+	—	—	—	—	—
	Татарский	<i>кебек</i>	—	—	+	irreal	—	—	—	—
	Турецкий	<i>gibi</i>	—	—	—	irreal	—	+	—	—
	Чувашский	<i>пек</i>	—	QUANT	+	irreal	—	—	—	—

	Идиом	Показатель	Значение сравнения	Приблизительность	Ирреальные значения	Функции комплементаризера	Названия языков	Временные контексты	Целевые контексты	Другие значения
Иранские языки	Осетинский	<i>-ау</i>	SIM / ?EQU	простр.; ATT - <i>зомау</i>	—	—	+	—	—	—
		<i>кыыд</i>	EQU / SIM	—	—	real	—	+	+	?причина
		<i>цыма</i>	SIMUL	—	+	irreal	—	—	—	—
	Пушту	<i>leka</i>	—	—	+	—	—	—	—	—
	Западно-иранские	<i>šun</i>	—	—	—	—	—	+	—	причина
	Белуджский	<i>anč'ō</i>	—	—	—	—	—	+	—	—
	Таджикский	<i>барин</i>	EQU / SIM SIMUL	QUANT	+	—	—	—	—	—

Примечание к таблице. Помета «irreal» обозначает глагольные конструкции, вводящие ирреальную пропозицию; помета «real» указывает глагольные конструкции, вводящие реальную пропозицию. Прочерк (—) ставится в случае, если значение не зафиксировано в ходе полевого исследования, или во вторичных источниках нет данных относительно такого употребления соответствующего показателя. Знаком процента (%) отмечено употребление маркера *s'ain* с названиями языков, что возможно только в предикативных ('говорить на языке X'), но не атрибутивных ('книга на языке X') контекстах, в отличие от употреблений других маркеров.

В целом можно противопоставить модели полисемии сравнительных маркеров в уральских и тюркских языках тому, что наблюдается в иранских языках. В последней группе практически не встретились аппроксимативные контексты, а также независимые употребления сравнительных маркеров в эпистемических контекстах. В то же время преимущественно в иранских языках сравнительные показатели имеют временное значение (а западно-иранский союз *šun* также имеет причинное значение). Употребление сравнительных показателей во временных и / или причинных контекстах отмечается и в других индоевропейских языках — ср., например, подобные значения у русского союза *как* [Кобозева, Инькова 2018: 169; Кобозева, Сердобольская 2023].

Наиболее редким значением для показателей в нашей выборке оказалось целевое значение, зафиксированное только в осетинском языке для союза *куыд*. Помимо этого, переход сравнительного показателя в целевой зафиксирован О. И. Беляевым у показателя *-vari / -varne* в митаги-джалганском языке (< татские < западно-иранские), не вошедшем в нашу выборку, см. подробнее [Беляев 2023].

Наконец, заметим, что в текущем типологическом исследовании мы опирались преимущественно на данные из грамматических описаний, в которых либо могут отсутствовать указания на те или иные употребления интересующих нас показателей, либо, наоборот, фиксироваться значения, менее приемлемые в более современном варианте языка. Таким образом, текущие результаты должны стать отправной точкой для дальнейших исследований в этой области с привлечением корпусного материала и полевых данных.

Выводы к главе 4

Данная глава была посвящена вопросам, связанным с полисемией сравнительных показателей. Во-первых, мы подробно проанализировали употребления маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка, предложив семантический инвариант, объединяющий все контексты с точки зрения сравнительного значения.

Мы рассматриваем *kad'* как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом, заданным эксплицитно, если речь идет о сравнительных конструкциях, количественных конструкциях и конструкциях с причастием на *-ono*, или вычисленным из контекста при употреблении *kad'* в функции частицы с ирреальным значением и в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* 'делаться' и *rotânâ* 'выходить' (в значении 'казаться'). Широкое сравнительное значение *kad'* и отсутствие эксплицитных скалярных интерпретаций эквативных конструкций позволяет предположить взаимодействие *kad'* во всех случаях со шкалой, показывающей насколько текущий способ описания ситуации соответствует представлению говорящего об уместности дискурсивного выбора в заданном контексте. Такая интерпретация маркера *kad'* сближает его с неопределенными выражениями, расширяющими прагматически допустимый диапазон высказывания.

Во-вторых, мы рассмотрели модели полисемии сравнительных маркеров в отдельных уральских, тюркских и иранских языках. Мы выявили внутригенетические паттерны полисемии в области сравнительных значений, а также расширили набор типологически ожидаемых переходов сравнительных маркеров, описанных в [Kuteva et al. 2019]. В этот набор, согласно нашим данным, следует добавить эпистемическую модальность, а также аппроксимативное значение. Также отметим, что типологическая распространенность переходов сравнительных маркеров в показатели эпистемической модальности и в показатели со значением приблизительности может служить аргументом в пользу взаимодействия сравнительных маркеров с прагматически допустимым диапазоном значения высказывания.

Заключение

В настоящей диссертации были рассмотрены структурные и семантические особенности эквативных конструкций. Основываясь на выявленном наборе релевантных параметров межъязыкового варьирования, мы подробно проанализировали эквативные конструкции с падежными маркерами стандарта в осетинском и горномарийском языках и определили их отличия от конструкций с менее грамматикализованными сравнительными показателями. Эти же параметры легли в основу классификации прототипичных контекстов эквативных конструкций на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета. Особое внимание было уделено полисемии сравнительных показателей в уральских, тюркских и иранских языках.

Результатом исследования стало подтверждение гипотез о более ограниченном функционировании падежных маркеров стандарта как в семантическом, так и в структурном аспекте. Например, горномарийский падеж на *-la* не может маркировать стандарт в атрибутивных и предикативных контекстах, а осетинский падеж на *-au* встречается в предикативных контекстах только с родовыми стандартами сравнения. Оба маркера предпочтительны при сравнении по образу действия, в то время как синонимичные маркеры *gan'* в горномарийском языке и *хуызæн* в осетинском языке не имеют ограничений ни на семантику предполагаемого сравнения, ни на структурный тип сравнительной конструкции. Конструкции с падежными маркерами стандарта, в которых сравниваются косвенные объекты, менее приемлемы относительно конструкций, где стандарт вводится менее грамматикализованным маркером.

Предложенная нами модель анализа эквативных конструкций может применяться в дальнейших исследованиях, в том числе направленных на уточнение семантических и морфосинтаксических особенностей употребления эквативных падежных маркеров.

Также на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета на 14 языков был определен набор контекстов, представляющих собой наиболее прототипичные эквативные конструкции. В основу классификации легли

критерии, соответствующие тем, что использовались в ходе конкретно-языковых исследований осетинского и горномарийского языков, но адаптированные под особенности рабочего корпуса:

- позиция стандарта относительно признака или параметра сравнения (стандарт — часть предикативной группы или ее зависимое);
- прототипичность стандарта сравнения (с точки зрения семантики и синтаксиса).

Было показано, что большинство отобранных контекстов имеют параллельную структуру независимо от языка. Таким образом, наш набор контекстов может служить основным или вспомогательным материалом для исследования эквативных конструкций в других языках.

В результате исследования полисемии сравнительных показателей в первую очередь был предложен семантический анализ маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка. Мы предполагаем, что *kad'* взаимодействует со шкалой, показывающей, насколько текущий способ описания ситуации соответствует представлению говорящего об уместности дискурсивного выбора в заданном контексте. Данная интерпретация сближает *kad'* с неопределенными выражениями, расширяющими прагматически допустимый диапазон высказывания.

В ходе типологического исследования полисемии сравнительных показателей в отдельных уральских, тюркских и иранских языках были подтверждены модели, выявленные ранее на материале других языковых семей (преимущественно языков Африки). Данные рассмотренных нами языков также доказывают необходимость включения в список типологически распространенных переходов употребление сравнительных показателей в качестве маркеров эпистемической модальности и количественной приблизительности.

Типологическая распространенность модели полисемии «эквативное сравнение — количественная приблизительность — эпистемическая

модальность» является аргументом в пользу семантической закономерности взаимодействия сравнительных маркеров с прагматически допустимым диапазоном значения высказывания.

Дальнейшее направление исследований может заключаться в уточнении синтаксических свойств отдельных конструкций с эквативными маркерами. Например, на данный момент уже начата работа по уточнению свойств маркера *kad'* в полипредикативных конструкциях с глаголом *potânâ* 'казаться' на материале татышлинского говора удмуртского языка. В дальнейшем выявленные параметры варьирования можно использовать для исследований на материале татарского и других языков, в которых зафиксировано подобное использование сравнительных показателей.

Наконец, типологическое исследование полисемии сравнительных показателей может служить основой для составления семантической карты. Для этой цели требуется более последовательное привлечение диахронических данных, что может стать еще одним из направлений дальнейших исследований.

Список условных сокращений

1,2,3 — лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; ADD — аддитивная частица; ADJ — прилагательное; ALL — аллатив; AOR — аорист; APPR — аппроксиматив (приблизительность); APPROX — аппроксимативное наклонение (кажущегося действия); ATT — аттенуативное (уменьшительное значение); ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CL — клитика; CMPR — компаратив; COM — комитатив; COND — условное наклонение; CONT — продолжительность; COP — связка; CVB — конверб; DAT — датив; DEB — дебитив; DEF — определенный артикль; DEM — демонстратив; DENOM — показатель отыменного глагола; DETR — детранзитив; DIM — диминутив; DIST — дистантность; DU — двойственное число; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQU — экватив; EVMIR — эвиденциальный аффикс миратива; EXST — экзистенциальная связка; EZ — изафет; FULL — полная форма; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IND — индикатив; IN(2) — инессив; INCL — инклюзивность; INDEF — неопределенность, неопределенный артикль; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LAT — латив; LOC — локатив; MED — медиопассив; MOD — модальность; NEG — отрицание; NMLZ(2) — номинализация; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; OBJ.DEF — показатель определенного прямого объекта; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; PASS — пассив; PFCT — перфект; PL — множественное число; POL — приимперативный маркер некатегоричности; POSS — посессив; PRET — претерит; PROL — пролатив; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; ; PST(2) — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PV — преверб; QUANT — количественная приблизительность; REFL — рефлексив; REP.PST — эвиденциальное прошедшее; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; SIM — симилятив; SIMUL — симулятив; STM — маркер стандарта; STND — стандарт сравнения; SUB — подчинительный союз; SUBJ — субъектное спряжение; SUF — суффикс; SUPER — суперэссив; VN — глагольное имя.

Список литературы

1. Абаев 1949 — Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
2. Абаев 1959 — Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
3. Абаев 1970 — Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
4. Ахвледиани 1963 — Ахвледиани Г. С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: НИИ при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
5. Багаев 1965 — Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
6. Беляев 2014 — Беляев О. И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014.
7. Беляев 2023 — Беляев О. И. Целевые конструкции образа действия в джалганском татском // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24—26 ноября 2022 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 30—33.
8. Беляев и др. 2024 — Беляев О. И., Хомченкова И. А., Сеницына Ю. В., Дьячков В. В., Бызова А. А., Бадеев А. О., Алексеев Д. А., Макаров Ю. Ю. Историко-этимологический словарь осетинского языка В.И. Абаева: проблемы создания цифровой двуязычной версии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2024. – №2. – С. 75–86.
9. Бубрих 1949 — Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1949.
10. Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический

- словарь ненецкого языка / Сост. С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер и др. Тюмень: БАСКО, 2010. С. 179—349.
11. Бызова 2023 — Бызова А. А. Целевые подчинительные показатели цамӑй и куыд в осетинском языке: сфера употребления и особенности конструкций // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24—26 ноября 2022 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 51—54.
 12. Васильев 1986 — Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986.
 13. Винклер 2024а — Винклер М.-Э. А. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности // Вопросы языкознания. – 2024. – №4. – С. 45–75.
 14. Винклер 2024б — Винклер М.-Э. А. Система аппроксимативных маркеров в якутском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – №4(46). – С. 31–46.
 15. Виноградов 1963 — Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963.
 16. Выдрин 2014 — Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. – 2014. – №30. – С. 25–81.
 17. Гагкаев 1956 — Гагкаев К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.
 18. Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
 19. ГАЯ 1971 — Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Ред. М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян. Баку: Элм, 1971.
 20. ГКЛЯ 1987 — Грамматика киргизского литературного языка. Часть 1 / Ред. Э. А. Абдулдаев, О. В. Захарова. Фрунзе: Илим, 1987.

21. ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
22. ГСУЯ 1970 — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Ред. В. И. Алатырев. Ижевск: «Удмуртия», 1970.
23. Егоров 1964 — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964.
24. Давидюк 2023 — Давидюк Т. И. Конструкции с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском. Рукопись. 2023.
25. Давидюк 2024 — Давидюк Т. И. Конструкции с аккузативным субъектом в татышлинском говоре удмуртского языка // Тезисы конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ / ИЯз РАН, 12–13 апреля 2024 г.).
26. Девятова 2017 — Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2017.
27. Дмитриев 2008 — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. Второе издание. М.: Наука, 2008.
28. ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958–1989.
29. Кармазин 1925 — Г. Г. Кармазин. Материалы к изучению марийского языка. Красно-Кокшайск: Издание научно-методического МаробОНО, 1925.
30. Карцевский 1976 — Карцевский С. О. Сравнение // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 107–112.
31. Кельмаков 1978 — Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект. / Fenno-Ugristica. Вып. 5: Грамматический строй уральских языков. Тарту, 1978. С. 101–122.
32. Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика. М.: Языки славянских культур, 2007.

33. Кобозева, Инькова 2018 — Кобозева И. М., Инькова О. Ю. *Как* и его двухместные варианты // О. Ю. Инькова (ред.). Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 168-238.
34. Кобозева, Сердобольская 2023 — Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. Конструкции причины с *как(о)* в истории русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. №2. С. 9-29.
35. Коркина и др. 1982 — Коркина Е. И., Убрятова Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. (ред.). Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.
36. Кошкарева, Плотников 2023 — Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. – 2023. – №2. – С. 180–216.
37. Летучий 2017 — Летучий А. Б. Сравнительные конструкции // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / В. А. Плунгян (отв. ред.), Н. М. Стойнова; О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина, Е. Р. Добрушина (ред.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 132–204.
38. Лебедева 2017 — Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. М.: ФЛИНТА. 2017.
39. Майсак 2021 — Майсак Т. А. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках // Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. (ред.). Дурхъаси хазна. Сборные статей к 60-летию Р. О. Муталова. М.: Буки Веди, 2021. С. 220–257.
40. Майсак 2024 — Майсак Т. А. Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки) // Вопросы языкознания. – 2024. – №3. – С. 60–98.
41. Маслова 2004 — Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Academia, 2004.

42. Материалы 1957 — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология / Отв. ред. Н. А. Андреев, И. П. Павлов (отв. ред.). Чебоксары: чувашское государственное издательство, 1957.
43. Мордашова 2021 — Мордашова Д. Д. Средства выражения модальности в татышлинском удмуртском. Рукопись. 2021.
44. Мордашова 2023 — Мордашова Д. Д. Удмуртское причастие на *-оно* в зеркале типологии варьирующей модальной силы // И. А. Хомченкова (ред.) Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 5. Москва: Буки-Веди, 2023. С. 145–157.
45. Мордашова и др. 2025 — Мордашова Д. Д., Кожевникова Э. К., Сеницына Ю. В. Способы выражения семантики притворства в татышлинском говоре удмуртского языка // Вопросы языкознания. – 2025. – №2 – С. 123–143.
46. Невская 2022 — Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 286–299.
47. Озонова 2024 — Озонова А. А. Эквативно-симилятивные конструкции с именным предикатом *туней* ‘похожий, одинаковый’ в алтайском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2024. – №3(48) – С. 193–204.
48. Озонова, Тыбыкова 2024 — Озонова А. А., Тыбыкова Л. Н. Сравнительный аффикс *-ДЫй* и модально-сравнительные показатели, образованные на его основе (на материале алтайского языка) // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 29-46.
49. Пенгитов 1956 — Пенгитов Н. Т. О падежах в марийском языке // Труды МарНИИ языка, литературы и истории. Вып. IX. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1956. С. 37–56.
50. Петров 1978 — Петров Н. Е. Частицы в якутском языке. Якутск: Книжное издательство, 1978.
51. Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.

52. Плунгян 2023 — Плунгян В. А. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // *Acta Linguistica Petropolitana*. – 2023. – №19(3). – С. 15–38.
53. Полякова 2024 — Полякова Е. Е. Такие же, как вокруг: эквасимилятивные конструкции в хваршинском языке // *Рема*. – 2024. – №1. – С. 28-60.
54. Привизенцева 2016 — Привизенцева М. Ю. Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков) // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016»*. Вып. 3. М.: МПГУ, 2016. С. 232–247.
55. Прияткина 1990 — Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.
56. Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков. Том 2*. Москва: Восточная литература, 2003.
57. РГ 1980 — *Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
58. Рубайат 1965 — Хайям О. *Рубайат* / Пер. В. Державин. Душанбе: Ирфон, 1965.
59. Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература, 2001.
60. Рубинчик (ред.) 1970 — Рубинчик Ю. А. (ред.). *Персидско-русский словарь*. В 2 т. Москва: Советская энциклопедия, 1970.
61. Саваткова 2002 — Саваткова А. А. *Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola*, 2002.
62. Саваткова 2008 — Саваткова А. А. *Словарь горномарийского языка*. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.

63. ТРС 2006 — Таджикско-русский словарь / Ред. Саймиддинов Д., Холматова С. Д., Каримов С. Душанбе: Пайванд, 2006.
64. Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: ЯСК, 2008.
65. Сахарова, Сельков 1976 — Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
66. Севортян 1966 — Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966.
67. СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988.
68. Сеницына 2023а — Сеницына Ю. В. Симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ в осетинском языке // Двадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (ИЛИ РАН, 23-25 ноября 2023 г.).
69. Сеницына 2023б — Сеницына Ю. В. Конструкции с маркером *kad'jos* в татышлинском говоре удмуртского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2023. – № 4. – С. 62-71.
70. Сеницына 2025 — Сеницына Ю. В. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках // Индоиранские языки. 2025. – № 1. – С. 23–49.
71. Сеницына и др. 2024а — Сеницына Ю. В., Мордашова Д. Д., Винклер М.-Э. А. Полисемия сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка // Урало-алтайские исследования. – 2024. – №4(55). – С. 90–112.
72. Сеницына и др. 2024б — Сеницына Ю. В., Мордашова Д. Д., Винклер М.-Э. А. К построению базы данных моделей полисемии сравнительных показателей (на материале уральских и тюркских языков) // IV Конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (СПб, ИЛИ РАН, 25-27 ноября 2024 г.).

73. Скворцов (ред.) 1985 — Скворцов М. И. (ред.). Чувашско-русский словарь: Ок. 40 000 слов. М.: Русский язык, 1985.
74. СКЯ 1955 — Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика. Лексика. Морфология / Ред. В. И. Лыткин. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955.
75. СМЯ 1998 — Словарь марийского языка. Т. 4: М — Ö (ма — öрчыктарымаш) / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998.
76. Сосенская 2001 — Сосенская Т. Б. Сравнительные конструкции // Ред.-сост. А. Е. Кибрик. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С. 408—424.
77. Стрелкова 2013 — Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. Ижевск: «Удмуртский университет», 2013.
78. Султрекова 2017 — Султрекова Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017.
79. Тажибаева и др. 2024 — Тажибаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-Дай* в казахском языке // Сибирский филологический журнал. – 2024. – №3. – С. 12–28.
80. ТГ 1992 — Татарская грамматика. Т.3. Синтаксис / Ред. Закиев М. З. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
81. ТГ 1993 — Татарская грамматика. Т.2. Морфология / Ред. Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
82. Тойчиев 2020 — Тойчиев М. Т. Принципы актуализации модальности предположения. Дис. ... канд. филол. наук. Хорог, 2020.
83. Томашевский 1983 — Томашевский Б. В. Стилистика: Учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1983.

84. ТРС 2007 — Татарско-русский словарь. Том 2 (М-Я) / Ред. Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев, К. М. Миннуллин, Д. Б. Рамазанова. Казань: Магариф, 2007.
85. Тужаров 1987 — Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
86. Урманчиева 2021 — Урманчиева А. Ю. Квотативные и цитативные формы в северных селькупских говорах: от исконных к заимствованным // *Acta Linguistica Petropolitana*. – 2021. – №17(2). – С. 229–276.
87. Уткина 2022 — Уткина А. Ф. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск. 2022.
88. Учаев, Ефремов 1998 — Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
89. Хомченкова 2024 — Хомченкова И. А. Индексикальный сдвиг, (полу)косвенная речь и монструозное согласование в татышлинском удмуртском // Двадцать первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 г.). / Ред. В. С. Олишевская, О. В. Кузнецова. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 154–157.
90. Хомченкова (ред.) 2023 — Хомченкова И. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 9. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус. *Acta Linguistica Petropolitana*. – 2023. – №19(3).
91. Цыпанов 2005 — Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005.

92. Черемисина 1968 — Черемисина М. И. О границах сравнительной фразы (тождество фразы и варьирование ее элементов) // Проблемы устойчивости и вариативности фразовых единиц / Отв. ред. В. Л. Архангельский. Тула: «Коммунар», 1968. С. 148-157.
93. Черемисина 1970а — Черемисина М. И. О функциях местоимений в придаточной части модальных сравнений // Вопросы языка и литературы. – 1970. – №4(1). – С. 3–46.
94. Черемисина 1970б — Черемисина М. И. О семантических отношениях между сравнительными союзами // Синонимия в языке и речи: доклады конференции (15-17 декабря, 1969 г.) / Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск, 1970. С. 212–233.
95. Черемисина 1976 — Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976.
96. Черемисина 1995 — Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. –1995. – №2. – С. 3–22.
97. Шёгрэн 1844 — Шёгрэн А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1844.
98. Шутов 2002 — Шутов А. Ф. Пути развития гипотактических отношения в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ижевск. 2002.
99. Щербак 1977 — Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977.
100. Элементы 2017 — Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017.
101. Элементы 2018 — Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / Отв. ред. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова; ред.

- С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018.
102. Элементы 2023 — Элементы горномарийского языка в типологическом освещении // Отв. ред. Е. В. Кашкин; ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М: Буки Веди, 2023.
103. Яшина 1963 — Яшина Р. И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963.
104. Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
105. Andersen 1983 — Andersen P. K. Word Order Typology and Comparative Constructions. Amsterdam: John Benjamins, 1983.
106. Anderson 2013 — Anderson C. Inherent and coerced gradability across categories: manipulating pragmatic halos with sorta // Proceedings of SALT. № 23. – 2013. – P. 81–96.
107. Axenov 2006 — Axenov S. The Balochi Language of Turkmenistan. A corpusbased grammatical description. Uppsala: Uppsala University, 2006.
108. Baidoullina 2003 — Байдуллина А. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. University of Tartu, 2003.
109. Balalieva 2013 — Balalieva A. Etudes sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire. PhD dissertation. Paris: École Pratique des Hautes Études.
110. Belyaev 2010 — Belyaev O. Evolution of case in Ossetic // Iran and the Caucasus. – 2010. – №14(2). – P. 287–322.
111. Belyaev et al. 2021 — Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V. Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev Dictionary Project // . Pirinen F.P., Arkhangelskiy T., Torsterud T., Rießler M. (eds.). IWCLUL 2021: The Seventh International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Proceedings of the Workshop. Syktyvkar: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 1–7.

112. Berezovskaya, Hohaus 2015 — Berezovskaya P., Hohaus V. The Crosslinguistic Inventory of Phrasal Comparative Operators: Evidence from Russian // *Proceedings of FASL 23*. – 2015. – P. 1–19.
113. Bhatt, Takahashi 2011 — Bhatt R. and Takahashi S. Reduced and unreduced phrasal comparatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 2011. – №29. – P. 581–620.
114. Bobaljik 2012 — Bobaljik J. D. Universals in comparative morphology: Suppletion, superlatives, and the structure of words. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012.
115. Bochnak, Csipak 2014 — Bochnak R., Csipak E. A New Metalinguistic Degree Morpheme // *Proceedings of SALT 24*. – 2014. – P. 432–452.
116. Bresnan 1973 — Bresnan J. The Syntax of the Comparative Clause Construction in English // *Linguistic Inquiry*. – 1973. – №4. – P. 275–343.
117. Brown, Levinson 1987 — Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: CUP, 1987.
118. Burbiel 2018 — Burbiel G. Tatar grammar. A Grammar of the Contemporary Tatar Literary Language. Stockholm; Moscow: Institute for Bible Translation, 2018.
119. Castren 1845 — M. A. Castren. *Elementa Grammaticae Tscheremissae*. Kuopio: Ex Officina typographica J. Karsten, 1845.
120. Crass 2017 — Crass J. Similarity and related functions in Libido // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 2017. – P. 387-418.
121. Crass, Meyer 2008 — Crass J., Meyer R. Ethiopia // B. Heine, D. Nurse (eds.) *A linguistic geography of Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, P. 228–49.
122. Creissels 2014 — Creissels D. Functive phrases in typological and diachronic perspective // *Studies in Language*. – 2014. – №38(3). – P. 605–647.

123. Cuzzolin, Lehmann 2004 — Cuzzolin P., Lehmann C. Comparison and gradation // Gerd Booij et al. (eds.). *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Mouton de Gruyter, Berlin, 2004. P. 1212–1220.
124. Cysouw, Wälchli 2007 — Cysouw M., Wälchli B. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // *Language Typology and Universals*. – 2007. №60(2). – P. 95–99.
125. Dahl 2014 — Dahl Ö. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus // B. Szmrecsanyi, B. Wälchli (eds.). *Aggregating Dialectology and Typology: Linguistic Variation in Text and Speech, within and across Languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 268–289.
126. David 2014 — David A. B. *Descriptive Grammar of Pashto and its Dialects*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
127. Deny 1921 — Deny J. *Grammaire de la langue turque*. Paris: Leroux, 1921.
128. Dixon 2008 — Dixon, R. M. W. Comparative constructions: A cross-linguistic typology // *Studies in Language*. – 2009. – №32(4). – P. 787–817.
129. Edygarova 2017 — Edygarova S. The Udmurt essive and its functional counterparts // C. de Groot (ed.). *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2017. P. 309–323.
130. Erdal 2004 — Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden, Boston: Brill, 2004.
131. Fleischman 1999 — Fleischman S. Pragmatic markers in comparative and historical perspective: Theoretical implications of a case study // 14th International Conference on Historical Linguistics, Vancouver, Canada, August 1999.
132. Fleischman, Yaguello 2004 — Fleischman S., Yaguello M. Discourse markers across languages. Evidence from English and French // C. L. Moder, A. Martinovic-Zic (eds.). *Discourse across languages and cultures*. Amstrerdam & New York: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 129–147.

133. Fortescue 2010 — Fortescue M. Similitude: A conceptual category // *Acta Linguistica Hafniensia*. – 2010. – № 42 (2). – P. 117–142.
134. Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London, New York: Routledge, 2005.
135. Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*. München: LINCOM Europa, 1997.
136. Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Coordinating constructions: an overview // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–39.
137. Haspelmath 2008 — Haspelmath M. Terminology of case // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 505-517.
138. Haspelmath, Buchholz 1998 — Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton. 1998. P. 277–334.
139. Haspelmath et al. 2017 — Haspelmath M., the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective. // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017. P. 9–32.
140. Heim 2000 — Heim I. Degree Operators and Scope // *Proceedings of SALT X*. 2000. P. 40–64.
141. Heine 1997 — Heine B. *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
142. Henkelmann 2006 — Henkelmann P. Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. – 2006. – №59. – P. 370–398.
143. Jenny 2017 — Jenny M. Comparative, similative, and equative constructions in Mon: Form, function, and development // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*.

- Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 291-320.
144. Kennedy 2007 — Kennedy C. Modes of comparison // M. Elliott, J. Kirby, O. Sawada, E. Staraki, S. Yoon (eds.), *Proceedings of CLS 43*. P. 141–165.
145. Kerimoğlu 2010 — Kerimoğlu C. On The Epistemic Modality Markers in Turkey Turkish: Uncertainty // *Journal of Turkish Studies*. 2010. – №5(4). – P. 434–478.
146. Kornfilt 1997 — Kornfilt J. *Turkish*. London: Routledge, 1997.
147. Kratzer 1981 — Kratzer A. The notional category of modality // *Words, Worlds, and Contexts: New approaches in word semantics*. Berlin: Walter de Gruyter, 1981. P. 38–74.
148. Kreij 2021 — Kreij N. Ancient Greek // G. Keydana, W. Hock & P. Widmer (eds.). *Comparison and Gradation in Indo-European*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 349–384.
149. Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: CUP, 2019.
150. Kuznetsova, Usenkova 2014 — Kuznetsova N. G., Usenkova E. Comparative constructions of similarity in Northern Samoyedic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2014. – №2(61). – P. 177–223.
151. Lakoff 1973 — Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973. – №2(4). – P. 458–508.
152. Lasersohn 1999 — Lasersohn P. Pragmatic halos // *Language*. – 1999. – №75. – P. 522–551.
153. Lechner 2004 — Lechner W. *Ellipsis in Comparatives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
154. Mordashova 2024 — Mordashova D. Variable-force modality and inevitability in Tatyshly Udmurt: the case of the -ono modal form // 15th International Conference on Actionality, Tense, Aspect, Modality/Evidentiality (CHRONOS

- 15). Abstracts. Online publication:
https://chronos15.sciencesconf.org/data/pages/book_chronos15.pdf
155. Morzycki 2011 — Morzycki M. Metalinguistic Comparison in an Alternative Semantics for Imprecision // *Natural Language Semantics*. – 2011. №19(1). – P. 39–86.
156. Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
157. Pancheva 2006 — Pancheva R. Phrasal and clausal comparatives in Slavic // *Proceedings of FASL 14*. – 2006. – P. 236–257.
158. Perry 2005 — Perry J. R. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden; Boston: Brill, 2005.
159. Plank 2004 — F. Plank. How to disclaim precision about numbers. Handout for Leipzig Numerals Workshop, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, March 29–30, 2004.
160. Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of Verbal Evidentiality Marking: An Overview // Diewald G., Smirnova E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Berlin and New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 15–58.
161. Rakhilina, Tribushinina 2011 — Rakhilina E., Tribushinina E. The Russian instrumental of comparison: A constructional approach // M. Grygiel, L. Janda (eds.). *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Berlin: Peter Lang, 2011. P. 145–174.
162. Resnik et al. 1999 — Resnik Ph., Olsen M. B., Diab M. The Bible as a Parallel Corpus: Annotating the ‘Book of 2000 Tongues’ // *Computers and the Humanities*. 1999. – № 33. – P. 129–153.
163. Rett 2013 — Rett J. Similatives and the argument structure of verbs // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 2013. – №31. – P. 1101–1137.
164. Rett 2015 — Rett J. Measure phrase equatives and modified numerals // *Journal of Semantics*. 2015. – №32. – P. 425–475.

165. Rett 2020 — Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions // P. Hallman (ed.). Interactions of Degree and Quantification. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 163–204.
166. Schourup 1983 — Schourup L. C. Common discourse particles in English conversation. Ohio: The Ohio State University, 1983.
167. Serdobolskaya 2016 — Serdobolskaya N. Semantics of complementation in Ossetic // K. Boye, P. Kehayov. (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2016. P. 293–340.
168. Serdobolskaya, Kobozeva 2024 — Serdobolskaya N., Kobozeva I. M. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian // Linguistics. – 2024. – №62(3). – P. 691–728.
169. Sidorova, Sinitsyna 2018 — M. Sidorova, J. Sinitsyna. Approximative and comparative constructions with postpositional markers in Hill Mari: PP or NP? // XV Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.).
170. Sinitsyna 2024 — Sinitsyna J. Construction with the meaning ‘to seem’ in Tatyshly Udmurt // First Eurasian Congress of Linguists (December 9-13, 2024)
171. Stassen 1985 — Stassen L. Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
172. Stolz 2013 — Stolz T. Competing Comparative Constructions in Europe. Berlin: Akademie-Verlag, 2013.
173. Teptiuk 2019 — Teptiuk D. Quotative Indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian). PhD Dissertation, Tartu Unniversity, 2019.
174. Thordarson 2009 — F. Thordarson. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.
175. Treis 2017 — Treis Y. Simulative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond // Treis Y., Vanhove M. (eds.). Simulative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017. P. 91–142.

176. Treis 2018 — Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction // K. Wojtylak, Y. Treis (eds.). On the Expression of Comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Dartmouth: Dartmouth College Library Press, 2018. P. i–xxvi.
177. Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Treis Y., Vanhove M. (eds.). Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017.
178. Turgay, Iskender 2020 — Turgay T. & İskender H. [Gibi + subjectless predicate] Constructions of Turkish // Studies in Turkish Language and Literature: Cultural Readings. – 2020. – P. 139–158.
179. Ultan 1972 — Ultan R. Some Features of Basic Comparative Constructions // Working Papers on Language Universals (Stanford). – 1972. – №9. – P. 117–162.
180. von Fintel, Heim 2011 — von Fintel K., Heim I. Intensional semantics. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011.
181. Wälchli, Cysouw 2012 — Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // Linguistics. 2012. – №50(3). – P. 671–710.
182. Wiedemann 1847 — F. J. Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1847.
183. Ylikoski 2017 — Ylikoski J. Similarity, equality and the like in North Saami // Treis Y., Vanhove M. (eds.). Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017. P. 259-290.
184. Zalizniak et al. 2000-2024 — Zalizniak A. et al (2000–2024). Database of Semantic Shifts // Электронный ресурс: <https://datsemshift.ru> Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Список источников

1. Η Καινή Διαθήκη (Библия на древнегреческом (койне)). Nestle, 1904 (электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1&g>
2. Библи: Сыгъдæг Фысты чингуытæ: Рагон Фæдзæхст æмæ Ног Фæдзæхст. Мæскуы: Уæрæсейы Библийы Æхсæнад, Библийы тæлмацы институт, 2022 URL: <https://ibt.org.ru/osetinskiy/vsya-bibliya/chitat>
3. Библия коми кыв вылын. 2024. URL: https://finugorbib.com/bible/komi_zyrian/40_Mat01_na.html
4. Библия удмурт кылын (Библия на удмуртском языке). Институт перевода Библии, 2014 URL: http://finugorbib.com/bible/udmurt/40_Mat01_na.html
5. Библия. Новый русский перевод. Международное Библейское Общество, 2023 (третье издание). URL: <https://bibleonline.ru/bible/nrt/>
6. Бур Юөр коми-пермяцкӧй кыв вылын. 2019. URL: https://finugorbib.com/bible/komi_permyak/40_Mat01_na.html
7. ГМК — Корпус горномарийских текстов говора с. Кузнецово, электронный ресурс. URL: <https://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>
8. Иисус Христос Хусамӓр тунӓ Сӓнӓ Килӓшӓ. 2009. URL: <https://ibt.org.ru/chuvashskiy/novyuy-zavet/chitat>
9. Китоби Муқаддас. 1992. URL: <https://ibt.org.ru/tadzhikskiy/vsya-bibliya/chitat>
10. КТУ — Корпус татышлинского удмуртского, электронный ресурс. URL: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>
11. Кырык марла У Согонь. 2014. URL: https://finugorbib.com/bible/hill_mari/40_Mat01_na.html
12. Марла У Сугынь. 2013. URL: https://finugorbib.com/bible/meadow_mari/40_Mat01_na.html
13. НКТЯ — Национальный корпус таджикского языка, электронный ресурс. URL: <https://tajik-corpus.org/>

14. ОНК — Осетинский национальный корпус, электронный ресурс. URL: <http://corpus.ossetic-studies.org/>
15. Синодальный перевод Библии. 1876. URL: [https:// azbyka.ru/biblia/?Mt.1](https://azbyka.ru/biblia/?Mt.1)
16. Татар теле Изге Язма: Иске Гаһед (Тәүрат, Зәбур, пәйгамбәрләрнең язмаларын). Яңа Гаһед (Инжил-шәриф). 2015. URL: <https://ibt.org.ru/tatarskiy/vsya-bibliya/chitat>
17. Biblia Reina-Valera. 1960. URL: <https://www.biblegateway.com>
18. King James Version. 1611. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?en-kjv>
19. New King James Version. 1979. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?a>
20. Persian Contemporary Bible. 1995. URL: <https://www.biblica.com/bible/pcb/%D9%BE%DB%8C%D8%AF%D8%A7%DB%8C%D8%B4/1/>